

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ и ИССЛЕДОВАНИЯ
по
АРХЕОЛОГИИ СССР

11

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ПО

АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 11

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ
ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ**

ТОМ I

Под редакцией
Н. Н. ВОРОНИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологическое исследование древнерусского города — одна из новых плодотворно развивающихся отраслей советской археологии. К этой теме подходили некоторые представители дореволюционной науки. Д. В. Милеев и П. П. Покрышкин обратились к раскопкам в Киеве, В. В. Хвойко вел раскопки Белгорода-Киевского, Н. И. Репников начал археологические исследования в Старой Ладоге. Этот почин показал, какое богатство новых фактов для истории русской культуры обещает принести продолжение подобных работ, ярко освещающих различные стороны жизни древнерусского города. Однако эта новая отрасль археологических изысканий не приобрела систематического планомерного характера и значительного развития.

После Великой Октябрьской социалистической революции, вместе с быстрым развитием археологической науки и ее коренной перестройкой на основах марксистско-ленинской методологии, интерес к археологии русского города необычайно возрос. Раскопки и разведки в важнейших городских центрах древней Руси стали постоянной составной частью экспедиционных планов многих археологических учреждений страны и крупных музеев. Раскопки велись в Киеве, Чернигове, Вщиже, Переяславле-Русском, Вышгороде, Новгороде, Старой Ладоге, Старой Руссе, Пскове, Суздале, Ростове, Владимире, Боголюбове, Переяславле-Залесском, Ярославле, Дмитрове, Старой Рязани, Муроме, Звенигороде, Верее, наконец в самой Москве. Важнейшие города — Киев, Новгород, Старая Ладога, Псков, Старая Рязань стали объектом ежегодных и планомерных стационарных раскопок большого масштаба.

Полученные обильные материалы позволили уже сейчас осуществить ряд обобщающих трудов, как, например, «История культуры древней Руси» т. I и монография Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси». Сам же разнообразный материал городских раскопок нашел лишь частичное отражение в нашей печати, часто в виде коротких информации или

статей обзорного характера. Огромная же масса полученного материала никак не была введена в широкое научное обращение. Настоящий I том серии «Древнерусские города» кладет начало систематической публикации как археологических отчетов, так и отдельных исследований по различным сторонам истории материальной культуры древнерусского города от его ремесел до монументальной архитектуры.

Нужно, однако, подчеркнуть своеобразие данной отрасли археологического знания. Объекты наших исследований — города чрезвычайно велики и никогда не раскапываются полностью. Даже самые крупные по вложениям средств и размаху исследования по отношению к городу в целом являются фактически его разведкой, дают картину жизни на каком-то крайне ограниченном участке, почти незаметном на общем плане города. Еще более это относится к рядовым раскопкам городов, проводимым с сравнительно незначительными средствами в один или два полевых сезона; эти работы хотя и носят имя раскопок, являются по существу разведками, давая самую общую и далеко неполную картину стратиграфии древнейших культурных отложений, иногда проливая первый луч света на вопрос о времени возникновения поселения или на частные темы городской культуры. Все это отличает исследования русского города от исследований памятников ранних стадий исторического развития. Раскопки этих последних уже сейчас дают картины целых поселений или их значительных участков, позволяя строить на этих достаточно полных материалах большие исторические и теоретические обобщения. При всем размахе археологических работ по русским городам, они еще не дают достаточного материала для подобных итоговых крупных построений о происхождении города, его строительстве и росте, топографии и т. п. Предстоит еще ряд лет упорной большой полевой работы, чтобы создать твердую базу не только для частных, но и общих новых исторических выводов.

Б. А. Рыбаков

ДРЕВНОСТИ ЧЕРНИГОВА

1. ВВЕДЕНИЕ

Чернигов — один из старейших русских городов, время основания которого теряется в глубокой древности. Древнейшие подлинные документы знают уже Чернигов как один из крупных городов Руси. Договор Олега с византийскими императорами Львом и Константином 907 г. ставит Чернигов тотчас после Киева в перечне городов, получающих контрибуцию с Византии. В середине X в. император Константин Багрянородный упоминает его в числе важнейших городов Руси.

После Лиственской битвы 1024 г. победитель Мстислав тмутараканский отдает побежденному брату Киев, а себе выбирает Чернигов, превращая его в столицу всего днепровского левобережья, всей лесостепной полосы, донских степей и стратегического ключа Причерноморья — Тмутараканской земли.

Черниговская земля всегда была открыта со стороны степи, и у стен ее столицы часто являлись воины далекого юго-востока, то ясы и касоги, то загадочные «были, могуты и татараны», служившие черниговскому князю. В конце XI в. в Чернигове княжит Владимир Мономах, а в XII в. город переходит в руки потомков Святослава — сначала Давыдовичей, а потом беспокойных Ольговичей, родовым гнездом которых он стал на целое столетие.

Наряду с Киевом Чернигов прочно вошел в русский былинный эпос. В Чернигове создавалась своя литература, известная нам, к сожалению, лишь отрывочно.

Чернигов был центром большого княжества, границы которого на севере проходили через вятические леса, а на юге совпадали с общими границами расселения русских. Черниговская епархия простиралась вплоть до Рязани. Наличие вокруг древнего Чернигова обширного некрополя с княжескими и боярскими курганами, самыми богатыми на Руси, сохранность на территории города самых древних из русских архитектурных памятников — все это придает Чернигову особую ценность как важному объекту разностороннего изучения.

В последнее время в нашей исторической литературе явно обозначился живой творческий интерес к истории русских городов. Появились общие обзоры и популярные работы, дающие представление о внешнем виде городов, их архитектуре, хозяйственной и общественной жизни.¹

Многие русские города заслуживают специальных монографий, посвященных их истории, искусству, археологическим памятникам. Данная работа ставит своей задачей собрать и исторически обобщить весь обильный и разнородный материал по истории Чернигова с древнейших времен до XIII в.

Изучение древностей Чернигова началось еще в XVIII в.² К концу этого столетия относится составление интересного сборника разнообразных сведений о Чернигове (в том числе и исторических) местным чиновником А. Ф. Шафонским. Составленный в 1786 г. его труд был опубликован только через 65 лет.³

¹ Н. Н. Воронин. Древнерусские города М—Л., 1945; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. МГУ, М., 1946; М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, М., 1947; С. А. Тараканова. Древний Псков, М., 1946; Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород, М., 1947; М. К. Каргер. Новгород Великий, М., 1946. Интерес к истории городов выразился в ряде докладов, диссертаций и подготовленных к печати монографий. Проведены были значительные археологические работы. См. Краткие сообщения ИИМК за 1939—1947 гг.

² В XVII в. при епископе Лазаре Барановиче и черниговском полковнике В. К. Душине-Борковском производились реставрационные работы, но настоящего интереса к старине еще не было. Найденные во время работ у Борисоглебского собора два языческих идола были отданы гетманом Мазепой в переливку — из них отлили массивные царские врата для строившегося Троицкого собора, и наука навсегда потеряла возможность узнать, были ли это действительно языческие идолы или скульптурные изображения более позднего времени.

³ А. Ф. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малые России, из части коей оное наместничество составлено. Киев, 1851. Автор не ставил перед собой специальных исторических задач, но сообщаемые им сведения, почерпнутые из рассказов старожил и местных архивов, сохранили нам много ценных данных.

На рубеже XVIII и XIX столетий в Чернигове жил отставной генерал Михаил Егорович Марков, написавший ряд работ по истории города. Он, как и Шафонский, был свидетелем крупных перемен в городе и с большой любовью описывал исчезающие остатки черниговской старины. Перепланировка Чернигова по плану генерального межевания в 1803 г. уничтожила древние валы и ряд зданий; поэтому сведения М. Е. Маркова являются особенно важными для науки.⁴

К этой же эпохе относится интереснейший сборник различных языческих обрядов, хранящийся в Черниговской духовной семинарии, записанный неизвестным лицом в XVIII в.⁵

В 1821 г. в окрестностях Чернигова на р. Белоусе (по летописи Боловос) был найден великолепный золотой змеевик весом в 200 г с греческими и русскими надписями, названный тогда «черниговской гривной». Находка этой дорогой древнерусской вещи XI—XII вв. сразу привлекла внимание ученых. Появилось много статей и заметок В. Г. Анастасевича, М. Берлинского, М. Т. Каченовского и других. Вплоть до наших дней продолжают выходить статьи, посвященные этой действительно замечательной вещи, возможно принадлежавшей Владимиру Мономаху.⁶

⁴ М. Е. Марков. О достопамятностях Чернигова. Изд. ОИДР. М., 1847. Изд. 2-ое. Чернигов, 1882; М. Н. Бережков. М. Е. Марков и его рукописный сборник о Черниговской старине. Нежин, 1902; М. Н. Бережков. Михаила Егоровича Маркова разные сочинения к пояснению истории Чернигова. ТАС XIV, т. III, М., 1911.

⁵ Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II. М., 1913 (Записки Моск. арх. ин-та, т. XVIII, стр. 92—95). В рукописи Черниговской духовной семинарии приведено очень много различных суеверий и обрядов. Есть данные о культе мертвых, о культе березы, например: «Волсы и еретицы и богомерские бабы кудесницы и иная множайшая волшебствуют и березки подвязывают и ветви сплетают, да жив будет человек того лета...» Ничего специфически черниговского в этом сборнике нет, он отмечает лишь наличие интереса к языческой старине.

⁶ В. Анастасевич. Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове. «Отечественные записки». СПб., 1821, ч. VIII, № 20, стр. 425—442; В. Г. Анастасевич. Известие о золотой гривне, найденной близ Чернигова в 1821 году. СПб., 1821; М. Берлинский. Объяснение изображений на медали, найденной подле Чернигова в 1821 году. «Соревнователь просвещения и благотворения». СПб., 1822, ч. XVII, стр. 116—119; М. Т. Каченовский. Разыскания по поводу старинной золотой медали, недавно открытой. «Вестник Европы». М., 1822. №№ 4, 5, 6, 10 и 15; Я. де-Сангле. О медали, найденной в Чернигове. Труды и записки Об-ва ист. и древн. Росс., ч. III, кн. I. М., 1826, стр. 110—125; Крузе. Объяснение Черниговской медали по двум надписям, вновь найденным в Готе. ЖМНП, т. IX, 1836; И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография. СПб., 1885, стр. 136—139; И. И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеевиками. Изв. РАО. нов. сер., т. III, СПб., 1888, стр. 376—377; В. А. Шугаевский. Мідяний змєвєвєк. «Чернигів та Півн. Лівобєр.». Київ, 1928, стр. 224—234.

Вновь интерес к старине пробуждается в Чернигове лишь в середине XIX в. В это время издаются труды М. Е. Маркова и А. Ф. Шафонского, выходит в свет новое «Историко-статистическое описание», составленное Н. А. Марковичем, появляются заметки о памятниках археологии.⁷

Научное историко-археологическое изучение Чернигова началось в 70—80-х годах XIX столетия.

Горячий энтузиаст археологии, не жалевший ни сил, ни средств на раскопки в Чернигове, профессор истории права Димитрий Яковлевич Самоквасов произвел свои знаменитые раскопки Черной Могилы и других курганов.⁸

Появились исторические работы, рассматривающие Чернигов как центр целой области, церковной (работа арх. Филарета Гумилевского) или политической. Таковы два студенческих дипломных сочинения студентов Киевского университета Д. И. Багаля и П. В. Голубовского, напечатанные одновременно, несмотря на полное совпадение темы.⁹

Тогда же пробудился интерес и к черниговскому зодчеству, поддержанный в дальнейшем рядом крупных исследователей.¹⁰

Большое значение для изучения прошлого Чернигова имело торжественное празднование тысячелетия города в 1908 г. К празднованию были приурочены заседания XIV Археологического съезда, созданного в Чернигове. К этому съезду задолго готовились: местные историки изучали архивы, составлялись планы города, подготавливались материалы для археологической и исторической карт.

Д. Я. Самоквасов через 35 лет после раскопок Черной Могилы вновь предпринимает накануне и во время съезда раскопки курганов в окрестностях Чернигова.¹¹

⁷ Н. А. Маркович. Историческое и статистическое описание Чернигова. 1852 («Черниг. губ. вед.», 1852, приб. к № 8). См. также № 44 за этот же год, где помещена заметка о срытии большого кургана.

⁸ Д. Я. Самоквасов. О раскопках кургана «Черная Могила» в Чернигове. Известия Русск. Геогр. об-ва, т. X, 1874; см. также Известия Моск. об-ва любит. естествознания, т. XX, кн. 2, вып. 1.

⁹ Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1873, т. I—V; П. В. Голубовский. История Северской земли до половины XIV ст. (Сборник сочинений студентов Университета св. Владимира, вып. III, Киев, 1881); Д. И. Багаля, История Северской земли до половины XIV ст., там же, в. IV, Киев, 1882. И Багаля и Голубовский считают Чернигов центром Северянской земли. Подробнее см. об этом в моей статье «Поляне и северяне» (СЭ, VI—VII, 1947).

¹⁰ А. М. Павликов. Спасо-Преображенский соборный храм в городе Чернигове. «Зодчий», 1882 г., вып. VI; А. Авдиев. Черниговские шиферные плиты из Спасского собора. «Зодчий», 1882, лист. 56; П. А. Лашкарев. Церкви Чернигова и Новгорода Северского. ТАС. XI. Том II. М., 1902.

¹¹ А. К. Ярыгин. Изыскания о древнем расположении гор. Чернигова. ТАС XII, М., 1905, т. III, стр. 177; П. М. Добровольский. Где находились старинные несуществующие ныне храмы города Черни-

Работа научной мысли, возбужденная юбилеем и археологическим съездом, продолжалась и в последующие годы, дав ряд важных исследований.¹²

Планомерные и широко поставленные археологические работы в Чернигове начались только в советский период.

В 1923 г. Н. Е. Макаренко начал детальное археологическое обследование древнейшего русского здания — Спасского собора 1036 г., давшее очень много для истории зодчества и быта.¹³ П. Смолічевым проводится исследование дружинных курганов под Черниговом в Шестовицах.¹⁴ В 1928 г. выходит в свет специальный сборник, посвященный истории Чернигова и Левобережной Украины, где в числе других работ помещен общий обзор черниговских древностей, написанный П. Смолічевым.¹⁵ Очерк Смолічева представляет собой первую попытку систематизации различных черниговских древностей X—XIII вв. Автор хорошо знал музейные коллекции Чернигова, работал в архивах, и его обзор представляет значительную ценность. Последней по времени выхода в свет работой, затрагивающей историю Чернигова, является книга В. В. Мавродина, рассматривающего историю Левобережья на очень широком историческом фоне.¹⁶

В двух музеях Чернигова (слившихся впоследствии в один исторический музей) хранилось много ценнейших исторических мате-

риалов из раскопок Д. Я. Самоквасова, Т. В. Кибальчича, Кармалея и Сахновского, П. Смолічева и др. Часть драгоценных кладов, найденных в Чернигове, хранится в Государственном Эрмитаже, часть в Киеве (бывш. коллекция Ханенко). Богатыми коллекциями из Черной Могилы, Гульбища и других курганов располагает Государственный Исторический музей в Москве.

В 1946—1947 гг. автором этих строк были предприняты раскопки Черниговского детинца в той части, где Стрижень размыл территорию древнего города.¹⁷

Важная историческая роль Чернигова и обилие разнородных материалов делают необходимым и возможным создание подробного общего очерка «древностей Чернигова», в задачу которого входит раскрытие яркой и во многом своеобразной культуры этого старейшего русского города.

III. ТОПОГРАФИЯ ЧЕРНИГОВА

Город Чернигов расположен на высоком холмистом берегу реки Десны, в том месте, где она делает крутой поворот к юго-западу, к Киеву (рис. 1).

Чернигов, как и Киев, лежит на границе зоны сосновых лесов, растущих на подзолистых песчаных почвах, и зоны лесостепи с ее островками дубрав и черноземными луговыми просторами.

В предскифское время, когда господствовал ксеротермический теплый климат, Киев и Чернигов стояли как бы на берегу обширного степного моря. Позднее «море» отступило на юг, и оба города оказались отделенными от степей небольшой защитной полосой лиственного леса в 50—70 км. Широкая луговая пойма Десны вполне возмещала убыль степных площадей вокруг самого Чернигова.

На севере, западе и юго-западе Чернигов был отделен от соседних областей безлюдными болотистыми хвойными лесами междуречья Днепра и Десны и болотами Замглай и Перистое. Леса подступали с запада к самому городу.¹⁸

С востока к Чернигову подходили языки лесостепных дубрав, связывая его с более южным миром обширных степных пространств Левобережья. Сама природа поставила Чернигов лицом к югу, к степям, отгородив его от северных лесных областей незаселенной полосой суровых сосновых боров и песков.

Важную роль в истории города сыграла и река Десна. Весь обширный бассейн Десны и

гова. Чернигов, 1908; Д. Я. Самоквасов. Значение Чернигова для русской археологии. Речь при открытии XIV Археологического съезда. ТАС XIV. Д. В. Айналов. План заплывов и изысканий в Чернигове летом 1906 г. Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда, вып. 1, М., 1906; Ф. Ф. Горностаев. Программа исследований в области религиозных и гражданских искусств в Чернигове (Там же); Д. Я. Самоквасов. План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV Арх. съезда (Там же); Очерк истории города Чернигова 907—1907 гг. (с планом). Чернигов, 1908; Труды XIV Археологического съезда были изданы в трех томах в 1911 г.

¹² Г. К. Лукомский. О происхождении форм древнерусского зодчества Чернигова. СПб., 1912; Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины (Посмертное издание). М., 1917. В 1909 г. Черниговская ученая архивная комиссия предприняла любительские раскопки древней церкви на берегу реки Стрижня. В. А. Шугаевским производились обследования окрестностей Чернигова, выявившие наличие скифского селища на Татарской Горке. Труды Московского предварительного комитета по организации XV Археологического съезда, т. I, М., 1911.

¹³ Микола Макаренко. Чернігівський Спас. (Записки Історично-Філологічного відділу ВУАН, кн. XX. Київ, 1928).

¹⁴ П. Смолічев. Розкопки сіверянських могил в с. Шестовиці у легку 1925 р. «Україна», 1926, кн. I.

¹⁵ Петро Смолічев. Чернігів та його околиці за часів великокнязівських. («Чернігів та Північне Левобережжя». Київ, 1928, стр. 118—146).

¹⁶ В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940.

¹⁷ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Чернигове в 1946 г. КС ИИМК, вып. XVII.

¹⁸ Наличие хвойных лесов у самого Чернигова отмечено урочищами «Елецкий» монастырь (с ударением на первом слоге) и «Еловщина» на север от города.

Сейма стягивался, как в фокусе, в Чернигове. Это в дальнейшем обусловило продвижение черниговских князей в верхнее течение Сейма (Курск) и Десны (Вщиж, Дебрянск), а оттуда и в бассейн Оки (Воротынск, Лопасня).

Чернигов возник на коренном лёссовом берегу Десны между устьями двух небольших речек Стрижня и Белоуса (Боловос по летописи). Берег изрезан оврагами, разделяющими его на несколько отдельных вершин. Это обусловило членение города на ряд отдельных участков.

Древнейшее поселение, прослеженное археологическими раскопками, находилось, однако, не здесь, а на противоположном, левом степном берегу. Там, около деревни Анискиной в урочище Татарская Горка, было обнаружено селище скифского времени, жизнь которого не прерывалась до эпохи Киевской Руси.¹⁹ Существовало ли одновременное поселение и на правом берегу — нам неизвестно.

При раскопках 1946 г. на берегу реки Стрижня в пределах древнего черниговского детинца были обнаружены остатки углубленных в землю жилищ, чрезвычайно близких к землянкам роменских городищ, с керамикой VII—VIII вв. н. э., но без характерных роменских черт. Наличие подобной керамики прослежено на всем протяжении зачистки профиля берега (75 м) и свидетельствует о значительном поселении в северо-восточной части детинца, возникшем задолго до первых летописных упоминаний о Чернигове (об этом ниже).

Местные краеведы иасчитывают на территории Чернигова до четырех древних городищ, образовавших характерное гнездо родовых крепостей, из совокупности которых и мог развиться позднейший летописный Чернигов. Именно этим путем сращения воедино нескольких небольших родовых укрепленных поселков и образовались такие древние города, как Киев или Искоростень. Берега Десны, изрезанные глубокими оврагами, давали возможность создать одновременно несколько укреплений по соседству друг с другом.

За свою тысячелетнюю жизнь Чернигов мог подвергаться различным перестройкам и перепланировкам. Древнейшие топографические планы Чернигова относятся к XVIII в.²⁰ Но к этому времени Чернигов представлял собою

сложный комплекс разновременных частей.²¹ Черниговская крепость, отдельные части которой известны нам с XI в., много раз возобновлялась и достраивалась. После разорения Чернигова татарами в 1239 г. первое известие о возобновлении крепости мы находим под 1380 годом.²² Следующее известие относится уже ко времени возврата Чернигова в состав Русского государства в 1531 г., когда Московское правительство укрепляло ряд городов (Чернигов, Коломну, Каширу).²³

Серьезная перестройка города, сопровождавшаяся, как стало видно из раскопок, даже сносом старых зданий, началась в конце XVII в. В 1667 г. черниговский воевода Иван Загряжский, а в 1670—80-е годы В. К. Дуинин-Борковский перестраивают черниговские укрепления, сохранившиеся до межевания 1803 г. и частично даже до наших дней. К сожалению, нам неизвестно, воздвигались ли эти укрепления на новом месте или на старой основе, т. е. в какой мере конфигурация черниговских валов, известных нам по планам XVIII в. отражает более древнюю планировку.

Учитывая то, что в плане черниговских укреплений могли отразиться различные строительные эпохи, рассмотрим сначала основные части города в общих чертах с тем, чтобы перейти в дальнейшем к более детальному рассмотрению каждого отдельного участка.

На устье р. Стрижня, впадающей в Десну справа, расположен детинец, имеющий форму прямоугольного треугольника, гипотенуза которого лежит вдоль Стрижня, образуя восточную границу. К северо-западному катету примыкает посад, по площади вдвое превосходящий детинец; восточная граница его также опирается на Стрижень. С запада к посаду и детинец примыкает третья часть города, носившая название «Третьяк», по площади равновеликая детинцу, но вытянутая вдоль берега с востока на запад. Еще далее на запад, как бы продолжая Третьяк, идет территория Еледкого Успенского монастыря, основанного в XI в. Каждый из участков города занимает естественный отрог берега и отделен от соседних глубокими и широкими оврагами. Вполне

¹⁹ Генеральное межевание Чернигова, начатое в 1803 г. князем Куракиным, окончательно уничтожило следы древней планировки, и в настоящее время восстановить ее можно только лишь при наложении планов XVIII в. на более поздние. Мною при изучении топографии Чернигова использован также гипсометрический план города 1930-х годов масштаба 1:2000 с сечением горизонталей через 0,5 м. Тщательно нанесенный современный рельеф помогает уточнить древнюю топографию.

²⁰ Витовт «начя созидати грады многие и зарубил Киев и Чернигов», ПСРЛ, т. XVII.

²¹ «О Чернигове. Того же лета повелением великого государя Василья Ивановича божьею милостью государя самодержьце всея Руси срублен бысть град Чернигов древян». Никои. лет., 1531 г ПСРЛ, т. XIII, стр. 58.

¹⁹ В. А. Шугаевский Татарская Горка близ Чернигова. Труды Предв. к-та по устройству XV Археологического съезда, т. I. М. 1911.

²⁰ Известны планы 1739, 1751, 1776, 1788, 1803 гг. и ряд планов без точных дат. Часть этих планов опубликована в статье В. А. Шугаевского «Чернигов XVIII ст. Кілька подробиць його топографії» (Науковий Збірник за рік 1927. Київ). Ряд планов Чернигова, не известных ни Шугаевскому, ни другим исследователям, хранится в Военно-историческом архиве в Москве. К юбилею Чернигова А. К. Ярыгин составил сводный план древних укреплений, но этот план страдает рядом неточностей.

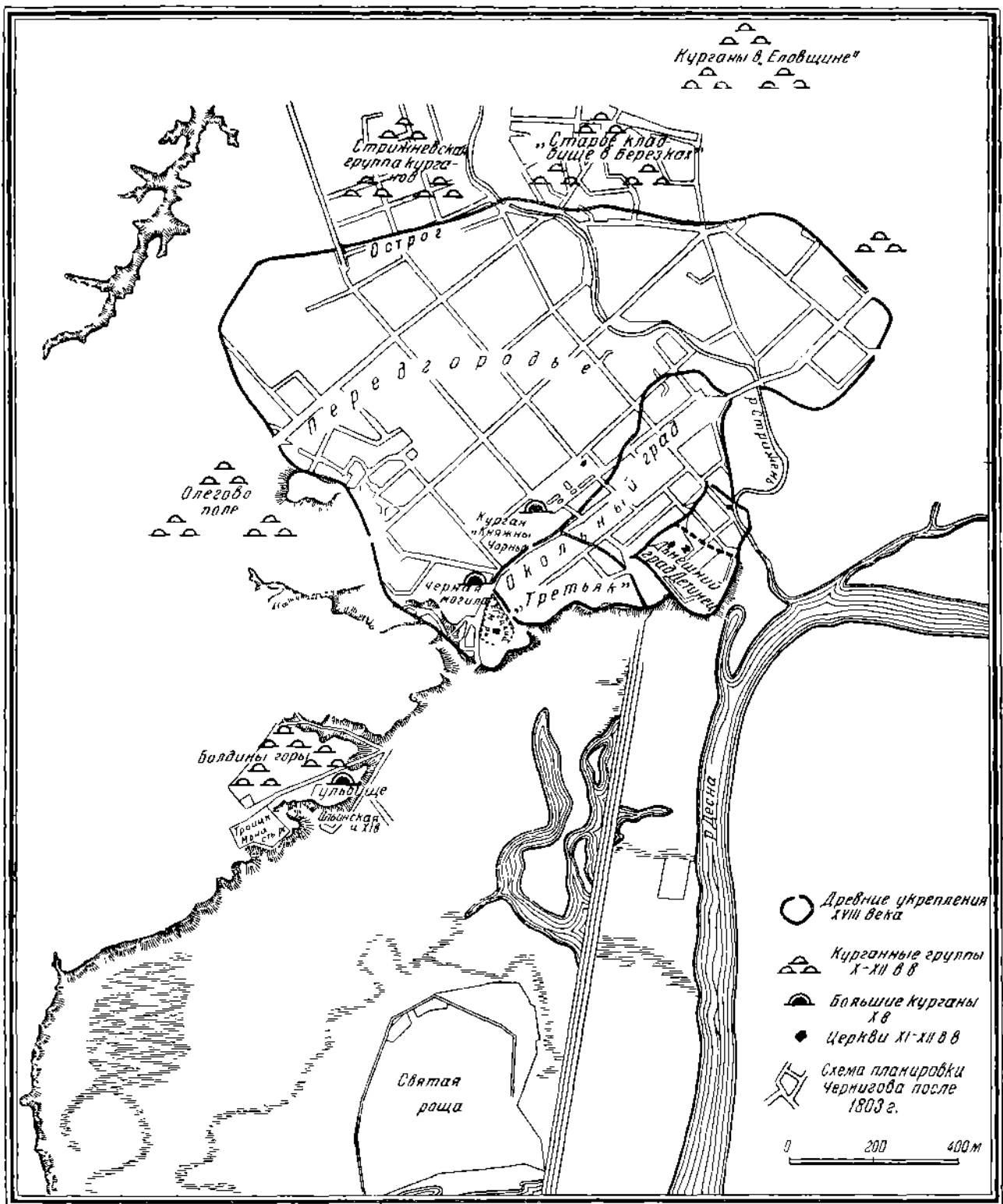

Рис. 1. План древнего Чернигова с показанием укреплений и курганных групп

возможно, что на каждом из этих отрогов в древности было городище. Высота холмов здесь достигает 20 м.

Далее на юго-запад, вниз по течению Десны, располагаются на следующих отрогах берега (уже за пределами города) обширная курганная группа «на Болдиных Горах» и у подножья холма церковь Ильи XI в. (рис. 2).

Рис. 2. Курганы на Болдиных Горах.

От Елецкого монастыря начинался последний центр черниговских укреплений. Вал, следы которого кое-где сохранились до сих пор, идет от монастыря на север, перпендикулярно линии берегового обрыва, и затем поворачивает к востоку, охватывая значительную территорию на север от перечисленных прибрежных частей города (Третьяк, детинец и др.). Линия этих укреплений пересекает р. Стрижень и идет по Застриженью, поворачивая затем на юг и смыкаясь с посадом недалеко от северо-восточного угла детинца. Общее протяжение данного вала около 6,5 км. Внутри этого северного полукольца укреплений находятся церковь Параскевы Пятницы на Торгу, построенная в самом конце XII в., остатки двух больших курганов X в. — «княжны Черны» (разрытый в 1851 г.) и знаменитая Черная Могила.

За пределами северного полукольца (назову его условно вторым посадом) до XIX в. сохранялся ряд курганных групп, тянувшихся далеко в стороны от Чернигова и представлявших остатки огромного кладбища, окружавшего город со всех сторон.

На юг от города на пойме, где сохранилось много стариц капризной Десны, часто менявшей свое русло, раскинулись обширные луга. В XII в. на этих пригородных лугах князья

иногда отдыхали в шатрах в воскресные дни с княгинями и детьми.²⁴

На этом лугу, невдалеке от церкви Ильи, на песчаной возвышенности, окруженной со всех сторон протоками и болотами, находилась «Святая роща» (сосновая).²⁵ Древний город был окружен пригородными селами, боярскими усадьбами, курганными кладбищами. Одна полоса древних поселений и курганов шла от Чернигова на юго-запад по правому берегу Десны (Гущино, Шестовицы), другая — по реке Белоусу на запад и северо-запад от города (Ольговка), третья — на северо-восток по р. Снови (Седнев, Листвен), четвертая — вверх по Десне на юго-восток. В дальнейшем изложении неоднократно придется привлекать материал этих окрестных поселений, так как они были очень тесно связаны с самим городом.

Познакомившись с основными частями города в том виде, в каком они сложились к XVIII в., попытаемся связать их с летописными известиями и определить стадии развития города.

Заранее следует оговориться, что без широких археологических исследований такое определение неизбежно останется лишь предположительным.

Прежде всего необходимо было бы определить, насыпаны ли валы, известные нам по планам XVIII в., на новом месте или на старой основе и к какому времени эта основа относится. Сравнительные размеры (периметры) всех черниговских укреплений приблизительно таковы (в м):

Детинец . . .	1600
Первый посад	2600
Третьяк	1600
Елецкий монастырь	800
Второй посад	8000

Впервые черниговские укрепления упоминаются в летописи в 1078 г. в связи с борьбой Ярославичей (Изяслава и Всеволода) со своим беспокойным племянником Олегом Святославичем, родоначальником Ольговичей, и Борисом Вячеславичем. Вскоре после смерти Святослава Ярославича, когда на Черниговском столе сел Всеволод, «приведе Ольг и Борис поганые на Русскую землю». Разбив

²⁴ «Святославу (Ольговичу)... стоящу перед городом в товарех с княгиней и с детьми; бывшу же тогда дни неделному...» Ипат. лет. 1160 г. ПСРЛ, т. II, стр. 507.

²⁵ Подобные урочища, связанные с языческим культом «рощений», имеются почти около каждого древнего русского города. Близ Новгорода Великого при выходе из Волхова в Ильмень-озеро находилась «Перуныя рель», а позднее Перынский скит. По преданиям это место связано с культом Перуна. С этим же культом связаны и киевские урочища «Зверинец» и «Выдубичи», расположенные при выезде из города в южном направлении. В Чернигове интересна близость к Святой роще церкви Ильи, преемника языческого Перуна. Как и в других городах, эти урочища связаны с путем на юг, в данном случае в Киев.

войска Всеволода, «Ольг же и Борис придо-ста Чернигову». Здесь они расположили горожан в свою пользу и покинули город, а тем временем обиженный Всеволод с союзниками двинулся к своей утраченной столице — Чернигову. «И поидоша к Чернигову и черниговци затворишася в граде. Ольг же и Борис не бящета Чернигове. Черниговцем же не отворившемся. Приступиша к граду: Володимер же [Мономах] приступи к вратом въсточным от Стржене и отъя врата и взяши град окольниши и пожьгоша и. Людем же въбегшем в дъньшнний град». ²⁶

Следующее известие о Чернигове относится к 1094 г. «Томь же — лете приде Ольг с половци ис Тьмутороканя и приде Чернигову. Володимер же затворися в граде. Ольг же приде к граду и пожьже около града и манастыре пожьже». ²⁷

Очень много топографических данных о Чернигове и его окрестностях рассеяно в летописном рассказе 1152 г., в одном из эпизодов борьбы Юрия Долгорукого за Киев. Киевские, Смоленские и Черниговские князья совместно старались отразить Юрия, который повоёвывал черниговских вятичей и шел с суздальскими, рязанскими, муромскими войсками на соединение с половцами. Вместе с половцами и Святославом Ольговичем Юрий осадил Чернигов осенью 1152 г. Защищавший город князь Изяслав Давыдович и его союзник Ростислав «повелеша людем всим бежати из острога в детинець». На утро половцы пошли к городу «и отъемше острог, зажгоша передгородье все. И пришедше всею силою стаща около города. Черниговцем же быущимся из города». Осажденные черниговцы предпринимали пешие вылазки из города и сумели продержаться 12 дней до подхода подкреплений из Киева. ²⁸

С какими же известными нам частями древнего Чернигова должны мы связывать перечисленные в летописи — дънешний град 1078 г.; детинец 1152 г.; окольный град 1078 г.; передгородье, огражденное острогом 1152 г.

Если отождествление детинца и дънешнего града не вызывает сомнений, то едва ли мы можем отождествлять окольный град и передгородье. Во-первых, мы должны учитывать,

что между первым и вторым известием прошло 74 года и за это время Чернигов неизбежно должен был сильно разрастись именно в своей периферийной части. Во-вторых, по самому смыслу слова передгородье и острог суть понятия более широкие, менее фундаментальные, чем понятие «города», хотя бы и окольного. Учитывая то, что в названном условно «втором посаде» в XII в. уже были и боярские дома (о чем свидетельствует клад на Александровской площади) и церковь Параскевы Пятницы на Торгу, можно к нему отнести и термин «передгородье». Термином «окольный град» мог покрываться не только так называемый «первый посад», но и Третьяк. Наиболее вероятным мне представляется следующее приурочение:

1. «Детинец» или «дънешний град»; это — то, что в XVII—XVIII вв. называлось Старой крепостью, фортецией. Теоретически можно допустить, что в XI в. размеры «дънешнего» града могли быть несколько меньше.

2. Окольный град — 1078 г. — второй концентр городских укреплений, примыкавший с севера к детинцу, а, возможно, простиравшийся и далеко на запад (Третьяк) до Елецкого монастыря, возникшего во второй половине XI в. Следы укреплений окольного града были заметны еще в XVIII в. и зафиксированы Марковым. Окольный град на востоке упирался в Стрижень, и здесь были ворота.

3. «Передгородье с острогом» — 1152 г. К середине XII в. объем столицы Черниговского княжества должен был сильно расширяться. Судя по тому, что передгородье было взято одними половцами (вообще плохими мастерами штурма городов) без участия основных войск Юрия, можно думать, что острог не был особенно прочной фортификационной преградой. Передгородье должно было включать в себя и церковь Пятницы и территорию находки клада 1885 г., а в таком случае вполне возможно, что древний острог XII в. шел примерно там, где был насыпан внешний вал Чернигова в XVII в. Но, разумеется, доказать это трудно, и, может быть, передгородье XII в. занимало лишь часть того пространства, которое оказалось включенным в систему укреплений XVII в.

Как видим, бесспорное приурочение летописных терминов к известным нам частям черниговских укреплений вряд ли возможно. По своим абсолютным размерам черниговский детинец вместе с окольным градом (включая в его состав и Третьяк) равновелик Киевскому Ярославову городу (вместе с Владимировым старым городом). Только соотношение внутренних частей иное — Владимиров город значительно меньше, чем черниговский детинец.

Не исключена возможность того, что дальнейшие исследования откроют внутри детинца

²⁶ Повесть временных лет. Издана А. А. Шахматовым. Пг., 1916, под 1078 г. В битве за Чернигов пал старший брат Всеволода Изяслав, и Всеволод стал Киевским князем, а в Чернигове сел его сын Владимир, руководивший штурмом Чернигова.

²⁷ Там же, под 1094 г. Владимир покинул Чернигов, уступив его Олегу Святославичу. В данном известии интересно то, что за пределами «города», городских укреплений, были постройки, сожженные Олегом. Интересно также и упоминание нескольких «манастырей» под городом.

²⁸ Ипат. лет. 1152 г. ПСРЛ, т. II, стр. 456—457. Описываемые события иллюстрированы Радзивиловской летописью, но, к сожалению, миниатюры настолько схематичны, что не помогают нам уяснить топографию города.

его древнейшую первоначальную часть и вторичную прирезку, произведенную за счет территории окольного града. При сопоставлении с древнейшими частями Киева и Переяславля Русского черниговская старая крепость удивляет своими размерами. Возможно, что древнейший «дънешний град» был меньше «фортеции» XVII в. Вторичной прирезкой к детинцу мне представляется северо-восточный угол его, отличающийся по рельефу.

Летописный рассказ о феодальных войнах вокруг Чернигова в 1149—1152 гг. называет нам несколько населенных пунктов в его окрестностях.²⁹ К ним относятся: Гюричев, Свѣнковичи, Гостыничы, Крыров, Семьнь. Комбинируя данные, извлеченные из летописи, с сохранившимися древними памятниками, о которых иногда летописи молчат (например, Ильинская церковь), и с археологическими данными, мы должны представить себе Чернигов окруженным рядом поселений и усадеб.

Пути, шедшие из Чернигова, вели прежде всего к Киеву, связывая эти два крупнейших русских города. Плавание по извилистой Десне, очевидно, практиковалось редко, и предпочитали конные пути.

Один из них вел по правому берегу Десны через Гушино, Шестовицы на Моровийск и Лутаву к Вышгороду, а другой, наиболее употребительный, — по кратчайшему расстоянию между Черниговом и Киевом по левому берегу Десны, где теперь пролегает шоссе. На этой дороге устраивались даже своеобразные конские состязания, вошедшие в быliny. Владимир Мономах в своем «Поучении» пишет: «А из Чернигова до Кыева нестишь ездих ко отцю днем есми переездил до вечерни». Былинный герой Иван Гостыный сын бьется об заклад с киевскими боярами:

Из Киева бежать до Чернигова
Два девяносто-то мерных верст
Промеж обедней и заутреней.³⁰

Путь этот начинался от Святой рощи близ древнего храма Перуна и шел через пункты с древними названиями — Скоренец, Олбин, Козелец (или мимо Остерского Городца). Он выводит к Труханову острову, где в XII в. уже был мост через Днепр, ведший прямо в Киев.

Важен был и путь в Любеч, ближайший город на Днепре, отстоящий от Чернигова на 50 км. В Чернигове были известны Любецкие ворота, где начинался путь в Любеч.

Еще один путь вел на северо-восток на Седнев, Ропеск, Стародуб и Вщиж. Ответвления

от этого пути шли в землю радимичей и вятичей. Из Чернигова он мог выходить и в направлении на Товстолес, и на Бобровицу (древний Гюричев). Этот же путь вел и в Новгород-Северский. Иногда пользовались деснинским путем, но чаще для того, чтобы попадать в Чернигов, а не выезжать из него. Так, Святослав Всеволодич, почти ежегодно ездивший в Корачев «орудий своих дея», возвращался иногда по Десне в насадах. Пристань в Чернигове должна была быть где-либо у подножья детинца, а может быть, даже на Стрижне.

От Чернигова должен был идти еще один важный путь на юго-восток в хазарские донские степи, к Саркелу, Тмутаракани, с которой так был связан Чернигов. Возможно, что этот путь и отмечен такими городами, как Белая Вежа на Остре или село Козары на Остре. Этот южный путь ответвлялся от киевского и шел через Татарскую Горку — древнее скифское поселение, где существовало село и в XI—XII вв.

Ко многим вопросам топографии Чернигова и его окрестностей нам еще придется вернуться в дальнейшем изложении после того, как ряд деталей будет уже выяснен.

III. ЧЕРНИГОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

1. Общие сведения

Знаменитые черниговские курганы когда-то широкой дугой окаймляли городские стены и расходились лучами в направлении важнейших дорог — на юго-запад, на северо-восток и на север (рис. 1). Размеры некрополя в настоящее время не поддаются никакому точному определению, так как тысячи курганных насыпей уничтожены и сравнены с землей. В этом отношении показательны наблюдения Д. Я. Самоквасова, основного исследователя черниговских курганов. Начав работу в 1872 г., он неоднократно возвращался к ней и в 1878 и в 1908 гг.³¹

В 1908 г. во время XIV Археологического съезда Д. Я. Самоквасов подвел итоги исчезнувшим за 40 лет курганам и установил, что из 550 курганов, насчитанных им в 1872 г., уцелела едва пятая часть.³² Д. Я. Самоквасов с большим сокрушением отмечает распашку курганов, кладонскательство и любительство и полунаучные раскопки без дневников, производившиеся местными крае-

²⁹ Все эти данные критически разобраны П. В. Голубовским в его работе «Историческая карта Черниговской губернии с древнейших времен до 1300 г.». ТАС, XIII, т. II, М., 1908. Очень важными оказались сведения Маркова о народных названиях урочищ.

³⁰ Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым.

³¹ К сожалению, обобщающее исследование о черниговских или «северянских» курганах (как он называл их) Самоквасов так и не написал. Его наброски и заметки с выписками из дневников изданы посмертно его женой Т. В. Самоквасовой в 1916 и 1917 гг.

³² Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. М., 1916, стр. 6—7.

ведами. Пытаясь восстановить весь объем Черниговского некрополя, Самоквасов пишет: «Древние обитатели Чернигова оставили на пространных около 5 верст в диаметре, ограниченном реками Десной, Стрижем и Белоусом, многие тысячи языческих курганов, покрывавших пепелища от костров сожженных покойников и могильные ямы с костяками покойников погребенных».³³

Внутри древнейшей части города — «детинца» и «окольного града» никаких следов курганов не сохранилось. Нет здесь и таких уничтоженных курганов, которые известны нам в Киеве, где насыпи их были давно срыты, а погребения в земле сохранились. М. К. Каргеру удалось восстановить весь киевский некрополь и проследить, как город, раздвигая свои стены, занимал площадь бывшего кладбища. В Чернигове это проследить не удается; ни при одних земляных работах на территории древнего детинца или окольного града не были найдены дружинные древности IX—X вв. Если этот факт не случайность, то может свидетельствовать о значительной древности упомянутых частей города.

Но тотчас же за стенами «окольного града» (включая в него и Третьяк) располагаются уцелевшие до наших дней величественные насыпи кургана княжны Черны на Торгу, напротив Пятницкой церкви XII в., и Черной Могилы близ Елецкого монастыря.

Мы не можем определить, как близко подходил некрополь к стенам детинца, но можем утверждать, что район кургана Черны и Черной Могилы в X в. находился уже за городскими стенами.

На протяжении XI и XII вв. город расширялся, истребил мелкие курганы вокруг княжеских погребальных холмов, а самые городские кладбища оказались перенесенными за пределы «передгородья». Если мы совместим на одном плане городские укрепления и курганные группы в том виде, как зафиксировал их Д. Я. Самоквасов в 1872 г., то увидим, что в максимальных пределах внешнего центра укреплений («острога») не сохранилось ни одной группы курганов, несмотря на то, что во второй половине XIX в. внутри «острога» было много незастроенных пустырей, огородов и садов. Но тотчас же за валами острога в разных направлениях начинаются курганные группы. Возможно, что в древности, в эпоху Святослава и Владимира, курганы находились и на территории передгородья, но здесь они оказались стертymi городом, а новые кладбища XII в. были, очевидно, вполне христианскими по обряду погребения, без курганных насыпей.

Некрополь, раскинувшийся вокруг города, мог заполняться, по всей вероятности, не только покойниками из самого Чернигова, но

и из пригородных сел вроде Семья, Гюричева и др., где в XI—XII вв. курганный обряд погребения должен был сохраняться дольше, чем в самом городе. Анализ черниговского некрополя может дать ответ на ряд важных исторических вопросов, как, например: племенной состав Черниговской земли, княжеский быт, топография пригородных сел и боярских усадеб и время их возникновения, этнический состав черниговских дружин в X—XI вв. и т. п. Ответ на все эти вопросы может быть получен только в результате определения датировки курганов и разностороннего изучения инвентарей и погребального обряда.

Рассмотрим основные курганные группы, сохранившиеся до XIX—XX вв. Часть их уцелела до наших дней и была осмотрена и изучена в 1944—1947 гг., другие же пришлось наносить на план только по данным 1872 г. Обзор их начнем с северо-восточной стороны, с Застриженья, с тем, чтобы закончить его на Болдиных Горах на юго-западе.

1. Одна из курганных групп расположена на северо-восток от детинца, по дороге в Бобровицу — древний Гюричев (на север от современной улицы Революции). Сведений о раскопках этих курганов нет; они даже не нанесены на план Самоквасова, хотя там есть очень значительные по величине курганы до 6 м высоты.³⁴ Судя по размерам, эти курганы принадлежат к числу древнейших насыпей IX—X вв.

2. Значительная курганная группа находилась на северной окраине города, на левом берегу Стрижня (в районе современных улиц — Ростиславской, Первомайской и Водогонной). Самоквасовым она названа «Старое кладбище в Березках» (на его плане помечена цифрой V). Непосредственно к этой группе примыкает урочище «Курганье», где много разрушенных песчаных курганных насыпей. В настоящее время часть курганов сохранилась близ Первомайской улицы.

3. В 1872 г. сохранялась курганная группа при выезде из Чернигова по направлению к Еловщине и Товстолесу (современная улица Интернациональная). Разрозненные курганы в этом направлении тянутся почти до Товстолеса. На плане Самоквасова южная часть этих курганов обозначена цифрой VI.

4. Большая курганная группа описана Самоквасовым под именем Стриженской (на плане — IV). Она расположена на левом берегу Стрижня на северной окраине Чернигова напротив урочища «Курганье» и представляет собой как бы продолжение предыдущей группы, тянущейся на запад. По современным улицам города эту группу можно ориентиро-

³⁴ Многие из курганов раскопаны (возможно в 1908—1909 гг. членами Черниговской ученой архивной комиссии), но следа этих раскопок в археологической литературе нет.

³³ Там же, стр. 7.

вать так: улицы Гоголевская, Котляревского, Чапаева, Великая, Шевченко. Находясь в 1872 г. далеко за пределами города, в настоящее время эта группа исчезла под городскими кварталами перечисленных улиц. В ней насчитывалось свыше сотни курганов.

5. Небольшая группа курганов (распаханных) находилась на западной окраине города. Самоквасов насчитал всего пять небольших курганов и один большой (на плане — III). Эта группа носит название «Олегова Поля». Большой курган имеет своеобразную овальную форму, напоминая коллективные кладбища на окраине Саркела в овальных курганах XI в. На современном плане эта группа должна находиться между улицами Попудренко и Вокзальной. Вероятно, остатком этой же группы является одинокий курган, сохранившийся в огородах дома № 11 по ул. Попудренко. Высота его около 4 м.

6. На юг от Олегова Поля расположено одно из крупнейших курганных кладбищ — Троицкая группа на Болдних Горах (по плану Самоквасова — II). Здесь на крутом берегу Десны возвышаются видимые издали огромные холмы Гульбища, Безымянного кургана и других древних погребальных насыпей. По соседству с ними в березовой роще до сих пор уцелело много небольших курганов. Из числа курганов Троицкой группы, изображенных на плане 1872 г., в настоящее время сохранилась только южная половина (на юг от дороги), а северная половина группы уничтожена и застроена.

7. Обособленно стоят в черте города два больших кургана. Один из них на сквере Попудренко превращен теперь в цветочную клумбу (он был раскопан в 1851 г.). Это — так называемый курган княжны Черны. Другой грандиозный курган расположен внутри окольного града, близ Елецкого монастыря. Это — знаменитая Черная Могила, раскопанная Д. Я. Самоквасовым в 1873—1874 гг.

8. Прямым продолжением Черниговского некрополя является курганная группа близ дер. Гущина, частично исследованная Д. Я. Самоквасовым, и курганы близ Шестовиц, раскопанные П. И. Смоличевым и Я. В. Станкевич.

9. Черниговский некрополь XI—XII вв. не ограничивается только одними курганами — при случайных земляных работах на территории города иногда находят христианские погребения в кирпичных гробницах (на площади близ кургана княжны Черны) или в деревянных гробах, но без признаков курганной насыпи. Иногда удается проследить связь с определенной церковью (например находка серебряных колтов близ Екатерининской церкви).

К этой же группе относятся и гробницы в древних соборах, вскрытые раскопками.

Изучение черниговских курганов поможет разрешению ряда вопросов, связанных с историей и топографией города, определением этнического состава населения Черниговщины, быта и хозяйства древних черниговцев.

Из одного только топографического размещения курганных групп (не касаясь их хронологии) мы уже можем сделать некоторые выводы:

1. Курганы существовали непосредственно за валами «окольного града»; остатками некрополя в этих местах являются курган княжны Черны и Черная Могила. Из этого нельзя делать вывода о том, что курганов в X в. не было внутри территории «окольного града» — просто мы ничего пока не знаем о таких погребениях, которые были бы ближе к детинцу, чем Черная Могила.

2. Курганы на территории «передгородья» были, кроме упомянутых крупных, очевидно уничтожены.

3. В 1872 г. курганные группы начинались сразу же за чертой городского вала, окаймляя город почти сплошной дугой. К топографии курганов в связи с топографией города мы вернемся после выяснения вопросов датировки.

Из 550 известных Д. Я. Самоквасову курганов, им было раскопано 150.³⁵

По курганным группам раскопки Д. Я. Самоквасова распределяются так:

Троицкая группа	118 курганов
Стриженская »	11 »
Гущинская »	11 »
Старое кладбище в Березках	7 »
Черная Могила	1
Гульбище	1 »
Безымянный	1

Всего — 150 курганов

³⁵ Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земля. М., 1908; Его же. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917. (В этих двух работах опубликованы раскопки 1872—1878 гг.); Его же. Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. М., 1916. (Здесь опубликованы раскопки 1908 г.). В этих работах опубликованы краткие обобщенные дневники, изредка чертежи, а также помещены фотографии многих вещей. Д. Я. Самоквасов упорно называет черниговские курганы «северянскими», хотя ни в летописях, ни в археологических данных мы не найдем подтверждения этому. См. Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, СЭ, вып. VI—VII, 1947 г. Кроме Д. Я. Самоквасова раскопки курганов в Чернигове производил П. М. Добровольский, А. Верзилов и А. П. Шелухин, но сведения об этих раскопках ограничиваются двумя строками. Аркадий Верзилов. Найдавнішій побут Чернігівської околиці («Чернігів і Північне Лівобережжя». К., 1928, стр. 69). Упомянуто погребение с конем на Холмянской дороге. О раскопках христианских могил см. Константинович. О находке скелета с металлическими украшениями в г. Чернигове. «Древности», т. X, стр. 28.

Из 150 раскопанных курганов только 38 содержали те или иные вещи, остальные же относятся к досадному разделу погребений без инвентаря.

Раскопки выявили три основных типа погребальных обрядов: 1) трупосожжение на месте, 2) погребение в срубе, 3) погребение в узкой могильной яме (рис. 3).

По обряду погребения курганы распределяются так:

Название курганной группы	Год раскопок	Общее число раскопанных курганов	Обряд погребения			
			ямы со срубом, гробом.	трупосожж. жен.	ямы погребальн.	
					с вещами	без вещей
Троицкая— на Болдиных Горах	1872	106	—		13	93
Там же	1908	12	2		7	3
Стриженская группа	1872	11			2	9
Старое кладбище в Березках	1908	7	—	5		2
Гущинская группа	1872	11			3	7
Княж. курганы (Черная Могила и др.)	1851	4		4	—	—
		151	3	9		114

2. Курганы с погребениями в ямах без срубов

Невысокие курганы с более или менее глубокими ямами под ними являются самой многочисленной категорией черниговских курганов. Они окружают более древние огромные насыпи княжеских курганов, вроде Гульбища, и тянутся на тысячи квадратных метров на север от обрыва Болдиной Горы. Много их было и на северной окраине города. Подобные курганы легче всего подвергались уничтожению, и мы даже приблизительно не можем представить себе количество всех насыпей в древности.

Д. Я. Самоквасов производил раскопки не в одной определенной части, а выборочно в самых различных участках могильника. Это даст нам более полное представление о кладбище в целом. К сожалению, археологом не указано местоположение курганов без вещей, но, по всей вероятности, они не составляли топографически обособленной группы в могильнике, так как в таком случае Д. Я. Самоквасов отметил бы это в своем отчете. Когда в 1908 г. он выбирал курганы для демонстрации процесса раскопок делегатам XIV Археологического съезда, он, руководствуясь какими-то внешними признаками, подобрал по преимуществу курганы с вещами. Но эти кур-

ганы находились в различных участках. Вообще же погребения с вещами составляют лишь 18% всех погребений в ямах без срубов.

Для всех 139 курганов с ямами Самоквасовым приведен один типовой чертеж (без масштаба),³⁶ но при описании курганов с вещами каждый раз указаны размеры насыпи и ямы, значительно варьирующие.

Типовой чертеж дает приблизительно следующие размеры (в см):

Высота кургана	130—140
Диаметр »	800
Длина могильной ямы	200
Ширина »	80
Глубина »	140

Почти во всех курганах (с вещами и без вещей) встречены остатки деревянного гроба, крышка которого заколачивалась обычно двумя гвоздями — в головах и в ногах. Никаких данных о возрасте и поле погребенных без вещей в отчетах, к сожалению, нет. Поэтому, ввиду краткости отчетных данных, прибавить что-либо к сказанному о погребениях без вещей нельзя. Курганы с вещами, несмотря на их малочисленность, представляют известный интерес.

Как видно из сводной таблицы, в которую занесены все отчетные данные, мужские погребения с вещами очень малочисленны. Среди погребений с вещами преобладают женские. Особый интерес представляет возрастной состав погребенных с вещами.

Троицкая группа

Мужчины (без указания возраста)	2 погребения
Женщины (без указания возраста)	10 погребений
Молодые женщины	2 погребения
Девочки-подростки	5 погребений
Мальчики	1 погребение

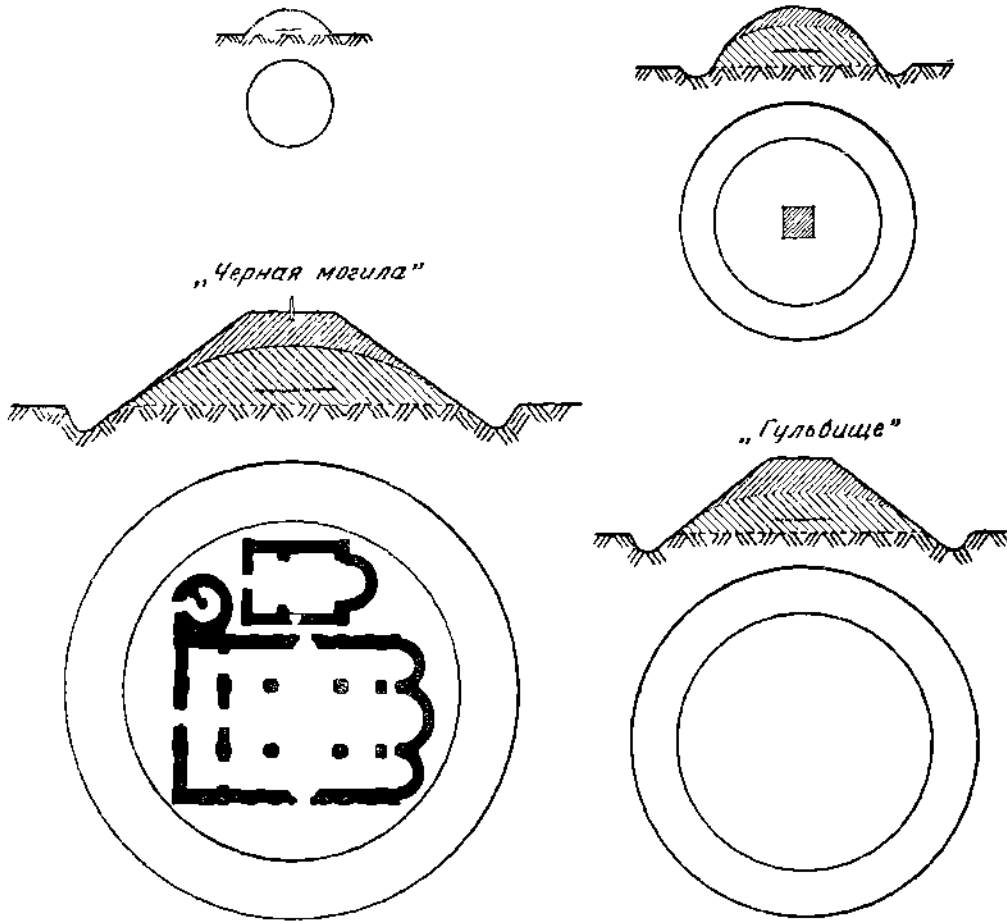
Размеры и глубина могильной ямы безусловно зависели от возраста погребенного. Курганы взрослых значительно крупнее, и ямы в них глубже. Можно вывести следующие средние размеры для детских и взрослых курганов (в см):

	Курганы взрослых	Курганы детские
Высота кургана	ок. 170	100
Диаметр »	800	500
Длина могильной ямы	180—200	?
Ширина »	70—90	?
Глубина »	180—200	70—100

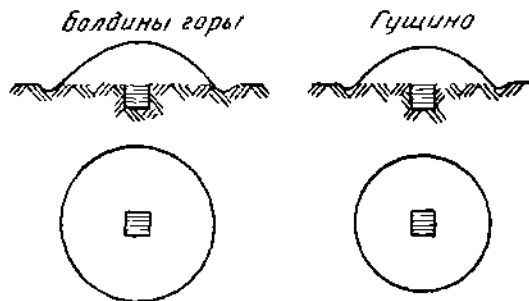
Незначительность детских курганов обусловила плохую сохранность могильных ям. Только в одном случае удалось проследить ее длину и ширину (курган № 2 1908 г.): длина 140, ширина 70. Поскольку для захоронения взрослых длина ямы приблизительно на 15—20 см превышала рост человека, мы и здесь

Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 191, рис. 58 и 59.

Курганы IX-X вв с сожжением
 „Старое кладбище в Березках“

Курганы X в
 со срубными гробницами

Курганы XI-XII в
 с могильными ямами

4 0 4 8 12 16 20 24

Рис. 3. Планы и разрезы черниговских курганов X—XII вв. На плане Черной Могилы помещены для сравнения планы Спасского собора 1036 г. и Ильинской церкви XI в.

можем допустить приближенный расчет: погребенная в кургане № 2 девочка была около 125—130 см ростом, что соответствует возрасту 9—11 лет. Ориентированы погребения на запад и лишь некоторые на юго-запад. Инвентарь погребений количественно невелик. В мужском погребении (курган № 3) найдена обычная лировидная пряжка и гладкое бронзовое поясное кольцо. В другом случае — неопределенный железный предмет.

В погребении мальчика тоже обнаружены лировидная пряжка и два небольших простых перстенька.

В женских и девичьих погребениях встречены височные кольца разных типов, лунницы, небольшое количество бус, перстни, ножи и шитые золотом парчевые ленты на шее, всегда в сопровождении мелких пуговиц.

Для всех погребений характерно отсутствие керамики. Только один раз в кургане № 6 с парным погребением найдена необычной формы глиняная мисочка с широко отогнутым горизонтальным венчиком и с ручкой.

Дважды в курганах (в насыпи) найдены тесла, возможно применявшиеся в качестве мотыг (например, если захоронение произошло зимою).

Височные кольца здесь в основном трех типов:

1. Трехбусинные золотые или серебряные. Бусы с зернью и жемчугом.

2. Однобусинные, завязанные (с пастовыми бусинами). То обстоятельство, что эти украшения наглухо завязаны, в известной мере решает вопрос о назначении височных колец, часто называемых серьгами. Данный тип никак не мог служить серьгой, так как не продевался в ухо.

3. Гладкие перстнеобразные (серебряные и бронзовые). Лишь однажды встречены височные кольца из проволоки с нанизанными на нее круглыми сердоликовыми бусинами.

Лунницы всегда встречаются только по одному экземпляру на погребение и представляли, очевидно, средник небольшого ожерелья из 3—10 бус. Лунницы есть вызолоченные, а одна лунница сделана из необычного материала — из перламутра с золотым ушком.

Бусы поражают своей малочисленностью — есть погребения, содержащие всего лишь по одной бусине, положенной как бы символически. Несколько раз встречены круглые сердоликовые многогранные, бипирамидальные и призматические. Имеются стеклянные позолоченные и зернстые — «ягодные». Однажды встречена золотая сканная бусина.

Разнообразны перстни, носившиеся то на левой, то на правой руке. Есть и простые перстеньки из бронзовой или серебряной проволоки. Встречаются дорогие перстни из золота и даже с эмалью по золоту. Есть серебряные с чернью. Совершенно отсутствуют браслеты.

Во многих случаях на шее покойницы под нижней челюстью найдены узкие парчевые ленты с пуговками (с одной или двумя). Пуговицы часто вызолочены.

Железные ножи всегда находились у левого бока. Один из ножей украшен красивой серебряной обоймой с чернью.

Черниговские курганы резко отличаются от деревенских следующими признаками: 1) отсутствием керамики; 2) отсутствием браслетов; 3) наличием золотых вещей и 4) наличием серебра с чернью (особенно на рукояти ножа).

Весь характер инвентаря говорит о том, что перед нами городское кладбище с явными следами городского ремесла на вещах.

В меньшей степени городской характер улавливается в Гушинской загородной группе в 5 км от Чернигова.

Датировка погребений облегчается находкой в кургане № 5 1908 г. монеты Этельреда 994—1000 гг. Височные кольца, подобные кольцам этого погребения, встречены в курганах: № 1, 2/1908, 4, 7; бусы в курганах № 7/8, 1/1908, 4.

Вещи из кургана № 5 должны быть отнесены к первой половине XI в., к эпохе Мстислава Владимировича или Ярослава Мудрого.

Курганное кладбище на Болдиных Горах несомненно продолжало существовать и после крещения Руси. Курганы с погребениями в ямах без срубов почти не противоречат церковному погребальному обряду: насыпь невелика, трупосожжения нет, языческих стравниц нет; ориентировка не противоречит канону; парных погребений с насильственным умерщвлением женщин нет; вещей при покойниках почти нет (82% погребений без инвентаря).

Древние черниговцы могли хоронить здесь своих покойников и в то время, когда на Болдиных Горах уже возникла Ильинская церковь.

Анализируя инвентарь Троицкой группы, мы наблюдаем значительную пестроту и разнообразие вещей. Эту пестроту можно было бы объяснить хронологическими или социальными различиями, но мне кажется, что прежде всего мы должны учесть явно ощутимую возрастную группировку материала. Взрослые женщины и девочки-подростки резко отличаются друг от друга по подбору украшений, хотя среди второстепенных предметов встречаются совершенно аналогичные вещи, заставляющие сблизать их хронологически.

Особенно многообразны височные кольца. Мы, пожалуй, совершили бы ошибку, если бы пытались выстроить все эти кольца в эволюционный ряд (например, сначала перстнеобразные, затем однобусинные и далее трехбусинные) или объяснять различие бедностью и богатством.

Различия между детскими и женскими погребениями заключаются в следующем: ножи

встречаются только в женских погребениях; парча только один раз встречена в детском кургане, тогда как в женских она обычна; трехбусинные височные кольца не встречены в детских погребениях. Кроме того, следует обратить внимание на способ ношения перстня на правой руке, а у девочек на левой.³⁷

В этнографическом и археологическом материале мы часто встречаемся с возрастными различиями в костюме и головных уборах. Относительно хозяйственных ножей любопытные сведения были сообщены мне сотрудницей Загребского этнографического музея Б. Мохачек: у хорватов жених дарит невесте при обручении нож, как символ хозяйственности. Образцы ножей, богато орнаментированных, на узорных цепочках обильно представлены в Загребском музее. В Черниговском некрополе ножи являются обязательной принадлежностью захоронений взрослых женщин и отсутствуют в могилах подростков.

Головные уборы и относящиеся к ним украшения особенно четко отражают изменения в возрасте и семейном положении девушки и женщины. В Далмации в окрестностях Дубровника в селе Коповле мною зарисованы и сфотографированы серьги разных возрастных групп крестьянок. Серьги («вежилице», «орачины») делаются обычно из золота (рис. 4).

Девочка-подросток с 9—10 лет до замужества носит небольшие скромные сережки-орачины. Девушка-невеста, отправляясь к венцу, одевает пышно орнаментированные вежилицы со сканными подвесками. Вежилицы имеют временную булавку для прикрепления к головному убору (их даже не вдевают в уши). Замысловатое украшение невесты служит ей лишь один день, когда совершается свадебный обряд, после чего праздничные вежилицы убирают до новой свадьбы кого-либо из членов этой семьи. Замужняя женщина меняет свои прежние украшения на третий тип серег. Орачины замужней женщины очень похожи во всех основных частях на детские, но они вдвое больше размером и богаче украшены. Типологически они очень близки между собою и совершенно отличны от подвенечных украшений. Отличаются они и хронологически — видеины мною подвенечные вежилицы получены были их хозяйкой от прабабки. Самые условия их ношения позволяют им сохраняться чрезвычайно долго.³⁸

В археологическом материале возрастные различия хорошо прослеживаются, например,

³⁷ Во время православного обряда венчания священник надевает кольца брачующимся на правые руки. Таким образом, наличие перстня на правой руке может указывать на замужнюю женщину.

³⁸ У удмуртов молодая женщина имеет право носить подвенечный убор вплоть до рождения первого ребенка. В. Н. Беллицер. Национальный костюм удмуртов (Кратк. сообщ. Ин-та этнографии, т. II, 1947, стр. 88).

в инвентаре погребений Суук-Су: женские погребения содержат крупные височные кольца с кубическими золотыми бусинами, а детские — небольшие сережки с двумя или тремя зернами металла внизу.³⁹

Для черниговских курганов мы можем предположительно наметить следующие различия в инвентаре:

Девочка-подросток. Два проволочных перстнеобразных височных кольца. Перстень на левой руке (иногда золотой). Лунница в ожерелье (?). Могила неглубокая, насыпь кургана не выше 1 м.

Девушка невеста (или молодаяка до рождения первого ребенка). Два богато украшенных трехбусинных височных кольца. Перстень (или два) на правой руке (или на обеих). Нож у левого бока. Лунница. Могила значительно глубже. Насыпь высока.

Замужняя женщина. Два или три височных кольца. Одно из них с пастовой бусинкой; остальные перстнеобразные, похожие на девичьи. Лунниц нет. Перстень на правой руке. Нож у левого бока. Устройство могилы и насыпи такое же, как в предыдущем случае.

Несомненно, что в предложенной мною возрастной разбивке может оказаться элемент случайности, но все же сопоставление с далматинскими украшениями как будто бы помогает разобраться в возрастных отличиях черниговских курганов. Детские костяки наиболее надежны, так как здесь мы опираемся на размер скелета. Менее достоверно разделение взрослых женщин на два разряда. Оба наряда объединены наличием ножей и ношением кольца на правой руке (т. е. так, как надевает священник при венчании). Отличия заключаются в пышности височных колец, в так называемом «подвенечном уборе», и в наличии в нем лунниц. Первое обстоятельство легко примиримо с данными этнографии. Лунница же в уборе невесты могла означать, что она еще не вполне порвала с той возрастной группой, из которой она переходила в связи с замужеством. Можно допустить и то, что большая пышность некоторых инвентарей отражает не возрастное, а социальное различие.

На черниговском материале, количественно ограниченном, нельзя притти к определенным выводам. Данная гипотеза должна быть проверена на материале более массовом.

3. Курганы со срубными гробницами

Курганы со срубными гробницами, представляющие важный и интересный раздел русских погребений X в. встречены в самом

³⁹ Например, детские погребения № 56, 72, 131, 169. В древностях Муромы А. Ф. Дубынин установил возрастные различия по материалам Малышевского могильника.

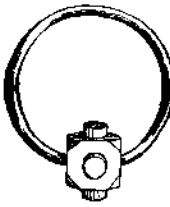

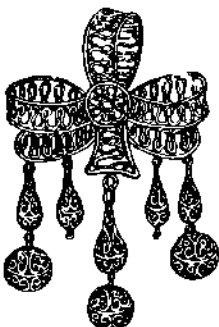

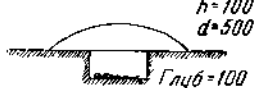

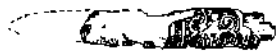
<i>возрастные различия украшений Сучук-Су</i>			
			
	<i>Детские погребения</i>	<i>взрослая женщина</i>	
<i>Возрастные изменения украшений /Далмация, с. Конавле/</i>			
			
	<i>Серьга девочки-подростка</i>	<i>Временная серьга невесты только для свадьбы /передается по наследству от прабабки/</i>	<i>Серьга молодой и вообще замужней женщины</i>
<i>Возрастные различия в инвентаре женских погребений Черниговских курганов XI века</i>			
	<i>Девочка-подросток</i>	<i>Подвенечный убор</i>	<i>Замужняя женщина</i>
<i>Курган</i>			
<i>Височные кольца</i>			
<i>Лунницы</i>			
<i>Перстни</i>	 <i>На левой руке</i>	<i>На правой руке</i> 	<i>На правой руке</i>
<i>Ножи</i>			

Рис. 4. Возрастные различия женских украшений по этнографическим и археологическим данным

Чернигове только дзядды на Болдыных Горах, но зато они тянутся вниз по Десне (Гущино и Шестовицы). Есть они и на север от города, на Халывинской дороге, где П. М. Добровольский раскопал погребение с конем.⁴⁰

Встречены срубные гробницы и в Седневе близ Чернигова, и в окрестностях Стародуба (Левинка). Есть они и на Правобережья Днепра в Киеве и южнее его. В XII в. этот обряд погребения сохраняется в Поросье.

Исторический интерес срубных гробниц XV в. заключается в том, что они одновременны курганам с сожжением и однотипны с ними по инвентарю. Ни хронологического, ни социального различия между дружинными курганами с сожжением и со срубными гробницами не заметно.

Д. Я. Самоквасовым наиболее четко исследован курган в Гущинской группе за пределами городского некрополя. Курган высотой 4,2 м, в диаметре 16 м, с ровиками, прикрывал собою кубическую яму; каждая сторона куба — 285 см. Стенки ямы выложены деревом, и сама яма была забрана сверху дубовым накатом, сгнившим, разумеется, ко времени раскопок. На дне ямы лежали костяки воина и коня, оба головами на запад. Конь занимал северную половину гробницы, а воин — южную. Около воина с левой стороны были положены боевой топорик с тяжелым обушком, копье (обращенное рожном на восток) и серп, предназначавшийся, очевидно, для накашивания травы колю на походе. Копье расположено таким образом, что его древко должно было упираться в западную стенку гробницы. Если бы оно лежало на земле, то длина древка не превышала бы 140 см, что для копья конного воина несоразмерно мало. Очевидно, копье было или поломано, или же опущено в могилу сверху. В последнем случае длина «ратовища» могла достигать (исходя из размеров ямы) 360 см. Такая длина вполне возможна для кавалерийского копья. У костяка находилось также кресало, кремь, нож и мусат — точильный брусок. От одежды сохранились 6 бронзовых пуговиц, обрывки шерстяной ткани и бронзовые бляшки. Из бляшек интересна одна в виде мордочки зверя с острыми торчащими ушами.

Конь был опущен в могилу взнузданным и оседланным. Удила — простой формы без псалий. Стремена с широкой подножкой и сплошным ушком. Пряжка от подпруги железная, вытянутая; ширина подпружного ремня могла быть не больше 2 см.

В восточной части гробницы между воином и конем стоит небольшой глиняный горшочек (высота 10 см) с отогнутым краем и одной линией волнистого узора. Рядом с горшком, ближе к стенке гробницы, было поставлено деревянное ведро, скрепленное железными

обручами и с железной дужкой. Диаметр дна ведра, если верить рисунку Самоквасова, — около 30 см.

Курганы на Болдыных Горах раскапывались Д. Я. Самоквасовым специально для XIV Археологического съезда 1908 г., и участники съезда принимали участие в раскопках. Однако, несмотря на то что Д. Я. Самоквасов старался придать своим раскопкам образцовый характер, как отчетность, так и самая система исследования остались попрежнему неудовлетворительными. При публикации отчета нет чертежей, нет рисунков костяков.

Самый большой из курганов со срубными гробницами, находившийся на западной окраине некрополя, остался недокопанным: обнаружив обширную яму и произнеся при этом пространную речь о методах археологических раскопок, Самоквасов забросил раскопки на глубине 4 м, не дойдя до содержимого гробницы.⁴¹

Второй курган оказался ограбленным. Высота его 5 м, диаметр 18 м, яма 280 × 250, глубиной 280 см. На дне гробницы лежало два потревоженных костяка без вещей. Костяк коня найден не в яме, а на восточном краю ее, на груде выброшенной из ямы земли. Конь был положен головою на север, на правом боку, ногами к западу. Конь был взнуздан и оседлан. Удила с небольшими кольцами и дополнительными приваренными к ним колечками, в которые были продеты железные же кольца для поводьев. Всего на каждой стороне удил было по три кольца — два (образующих восьмерку) неподвижных и одно подвижное, расположенное в другой плоскости. Стремена не изданы, так как раскрошились при раскопке; форма их неизвестна.

Дружинники, практиковавшие погребения с конем в срубных гробницах без признаков сожжения, были немногочисленны в самом Чернигове. Местом их жительства было, вероятно, Шестовицкое городище в 18 км на юго-восток от города, где в окрестных курганах найдены срубные гробницы, погребения воина с конем и с женщиной.

4. Курганы с трупосожжением

Курганы с сожжением воина или воина и женщины, так хорошо известные нам по красочному описанию Ибн-Фадлана, встречены вокруг Чернигова в разных местах.

Можно думать, что именно погребения этого типа более древние, чем ямные погребения без срубов, больше всего пострадали при расширении города. Один из участков древнего некрополя с сожжением начинался около Елецкого монастыря и тянулся далее на се-

⁴¹ Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов... «В яму углублен колодезь до 6 аршин, но ее дна не встречено, а наступивший вечер побудил прекратить раскопку» (стр. 33).

⁴⁰ А. Верэилів. Ук соч., стр. 69.

вер; от него уцелели до XIX в. только крупнейшие насыпи. Второй участок находился на левом берегу Стрижня, в урочище, называвшемся «Старое кладбище в Березках».

Я начну обзор именно с этих более простых окраинных курганов, раскопанных в 1908 г. Их здесь исследовано всего пять, и все пять оказались курганами с сожжением.

Размеры в м:

№ курган*	Высота	Диаметр	Размер кострища
1	3,5	14	Ок. 4
2	7	20	3,6
3	7	25	5,5
4	2,8	10	?
5	?	?	?

Как видим, эти курганы относятся к крупным и по объему насыпи в несколько раз превышают поздние курганы христианского Чернигова.

По степени сохранности насыпи и инвентаря наибольший интерес представляет курган № 2. Его насыпь на $\frac{2}{3}$ состоит из местного песка, взятого из ровиков, а верхняя треть, прикрывающая насыпь, состоит из привезенной откуда-то со стороны глины. Это явление не случайное — древние черниговцы обычно сооружали насыпь в два приема: первые две трети из ровиков, а сверху накрывали эту насыпь как бы глиняной шалкой, охранявшей курган от расползания. В средней части насыпи и на границе слоев глины и песка в кургане № 2, как и в других курганах этой группы, ничего не встречено.

На уровне материка встречено кострище около 360 см в поперечнике. Почва была прокалена и в стороны от кострища на 1,5 м.

Чертежей и зарисовок Д. Я. Самоквасов, по обыкновению, не публикует, но благодаря наблюдательности некоторых участников Археологического съезда, помогавших Самоквасову в его работе, удалось сделать очень ценное наблюдение относительно формы погребального костра. Д. Я. Самоквасов обычно описывает эти кострища как расплывчатые округлые пятна, здесь же были найдены угловатые бревна, положенные друг на друга крестообразно и перемешанные с хворостом.⁴² Погребальный костер был сложен из небольших бревен диаметром 7 см и длиной около 350 см, т. е. по своим размерам и квадратной форме был очень близок к срубным гробницам того же времени. Наряду с бревнами здесь был обнаружен и хворост. Обилие же тонкого пепла и золы в курганах подобного типа может свидетельствовать о применении соломы. Сведения, сообщаемые о кургане № 2,

значительно уясняют нам конструкцию «крады великой», но все же остается несколько нерешенных вопросов: 1) была ли «крада» сплошной кладкой из бревен (наподобие поленицы дров) или только обкладкой сжигаемых покойников? 2) возлагались ли трупы сжигаемых и сопровождающий их инвентарь поверх крады или прямо на землю и затем покрывались горючим материалом?

Данные о кургане № 2 в «Старом кладбище в Березках» позволяют нам лишь определить квадратную форму «крады» и материал, из которого она складывалась. Описание позволяет восстановить такую картину погребения: на кострище лежали головами на запад костяки мужчины и женщины (по правую руку от мужчины, южнее) на расстоянии 70 см друг от друга. Налево от мужчины — оседланный и взнузданный конь, а направо от женщины — «кости крупного животного», судя по описанию Ибн-Фадлана, — быка или коровы. В головах у воина найдены кости барана, а у женщины горшочек и птичьи кости. Направо от женщины находилось деревянное ведро с железными обручами и дужкой — непременно принадлежность почти всех черниговских курганов этой эпохи. Еще один сосуд и какая-то ткань были в ногах. В центре кострища был поставлен горшок с пережженными костями животного, по всей вероятности барана, так как в русском погребальном ритуале X в. жертвоприношение барана занимало очень важное место и кости барана в сосуде ставились обычно в центре (рис. 5).

Мужчина воин был снабжен оружием (копья, стрелы), на узком поясе у него были бронзовые бляшки, отдаленно напоминающие стилизованную звериную морду. Женские украшения в большинстве своем расплавились. На месте женского костяка найдено свыше сотни серебряных и стеклянных слитков. Уцелели проволочные простые колечки, стеклянные бусы, одна сердоликовая призматическая бусина, пять серебряных квадратных бляшек, украшенных восемью лепестками. Курган следует датировать X в.⁴³

Другие курганы этой группы представляют меньший интерес. В кургане № 1 вещи не сохранились, в кургане № 3 найден гончарный горшок с двумя волнистыми линиями, наполненный костями, серебряное колечко и бляшки. Плохая сохранность кострища объясняется наличием христианских склепов XVIII в., разрушивших глиняную «крышу» кургана. В кургане № 4 найдено дно сосуда с костями и две бляшки, аналогичные бляшкам из большого кургана № 2. В кургане

⁴² Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов. М., 1916, стр. 8—9.

⁴³ Д. Я. Самоквасов обратил особое внимание на баранье ребро со знаками, которые он назвал «резамы» (Самоквасов. Раскопки северянских курганов, рис. 6). Мне кажется, что он был введен в заблуждение естественными трещинами кости, которые, действительно, напоминают известный знак рюриковичей.

№ 5 уцелело также дно сосуда с костями, два наконечника сулиц и стрела.

Кладбище «в Березках» на северной окраине города возникло еще в X в. Продолжали ли здесь хоронить в XI и XII вв., — неизвестно, так как для раскопок 1908 г. выбирались крупные курганы, оказавшиеся ранними. Возможно, что продолжением этого кладбища, разраставшегося на северо-восток, была так называемая Стриженская группа с обычными захоронениями в ямах.

Б. Курганы Гульбище, Черная Могила и Безымянный

Драгоценнейший для русской археологии материал по княжескому и боярскому быту времен Олега и Святослава получен в результате раскопок огромных курганов, расположенных на запад от древнего черниговского детинца, за стенами второго города.

Два древних кургана находились непосредственно за валами; это — курган княжны Черны, варварски уничтоженный в 1851 г., и знаменитая Черная Могила, раскопанная Д. Я. Самоквасовым в 1872 и 1873 гг.⁴⁴

Два других кургана увенчивают обрыв Болдиной Горы, господствующей и над родником Перуна — Ильи, и над «Святым лесом» на луговой террасе Десны. Материалы из этих курганов издали Д. Я. Самоквасовым в виде краткого перечня важнейших предметов. Детали погребального обряда и особенно топография находок прослежены неудовлетворительно.⁴⁵ Поэтому мне придется подвергнуть краткие записки Самоквасова специальному источниковедческому анализу, разбив материал на две части: обряд погребения и размещение вещей, во-первых, и характер инвентаря — во-вторых.

Обряд погребения. В общих чертах обряд погребения больших черниговских курганов рисуется очень сходно с описанием Иби-Фадлана.

На избранном для погребения месте складывался костер, на котором сжигался покойник и сопровождающая его женщина; вокруг трупов было положено много оружия, украшений, посуды и других бытовых предметов. В ногах покойников клали туши быков, оседланных и вьюзданных коней. Когда костер догорал, часть оружия и доспехов изымали с кострища и временно относили куда-то в сторону. Затем приступали к насыпке курга-

на, и когда насыпь достигала примерно половины или двух третей высоты предполагаемого кургана, на вершину насыпи укладывали снятые с кострища доспехи, дополняли их ритуальными сосудами и через некоторое время по окончании тризны, совершавшейся вокруг воинских доспехов умершего воина, продолжали досыпку кургана, засыпая при этом и доспехи. Последним актом погребального обряда было водружение на вершине окончательного насыпанного кургана столба с именем покойного. Впоследствии около столба, на широкой горизонтальной площадке (около 80 кв. м) производились поминки, так как на вершине находят обломки глиняных горшков и стеклянные браслеты.

Такова схема погребального обряда. У Самоквасова чертежи сделаны только для Черной Могилы; в остальных случаях он ограничился ссылками на сходство с ней. Порядок раскопки был принят следующий:

1. Прорезана узкая траншея вдоль западной полы кургана.
2. От траншеи сделан коленчатый «покоеобразный» вырез до середины кургана.
3. Срезана горизонтально верхняя треть всей насыпи.
4. На полученном срезе заложен раскопный колодец 21 × 21 м. Квадрат колодца разделен на три полосы с севера на юг.
5. Каждая треть раскопного колодца (21 × 7 м) раскапывалась до уровня кострища в последовательном порядке, начиная с западной полосы.
6. Западная треть кострища была разобрана отдельно, а средняя и восточная трети были разобраны после снятия земли с них обе одновременно (?).
7. В процессе раскопок допускались подбой под нераскопанную еще часть насыпи.
8. Полностью доследована только западная пола кургана. Остальные полы и восточная часть погребального костра остались недоследованными.

Окружность Черной Могилы равна 125 м. На площади основания этого грандиозного кургана могли бы уместиться: пятиглавый Спасский собор 1036 г. и две небольшие церквушки типа Ильинской. Понимание конструкции насыпи затруднено путаницей в сведениях Самоквасова. Известный разрез Черной Могилы, помещенный им на титульном листе «Могила русской земли», не сходится с цифровыми данными. Разрез кургана представляет трапецию, в которой измерены оба основания и высота. Если мы примем радиус верхней площадки кургана за единицу, то получим следующие соотношения:

	По цифровым данным	По чер- тежу
Верхнее основание	2	2
Высота . . .	2.2	1.75
Нижнее основание	8	6

⁴⁴ По окончании раскопок курган был вновь засыпан, его первоначальная форма была восстановлена, а на вершине холма, где в X в. должен был стоять столб с именем умершего, Д. Я. Самоквасов водрузил гранитный обелиск с записью о произведенных раскопках. Обелиск украшен изображениями найденных при раскопках вещей и орнаментом, взятым с турьих рогов.

⁴⁵ Д. Я. Самоквасов. Могила русской земли; Его же. Могильные древности Северянской Черниговщины.

На чертеже, с явным нарушением масштаба, изображены столб наверху и груда доспехов внутри насыпи. Все это заставляет очень осторожно относиться к самоквасовскому чертежу и проверять его перекрестным расчетом и сопоставлением с изданной фотографией (Мог. древн., рис. 3), где, кроме самого автора раскопок, четко видна толщина верхнего слоя насыпи и кострища. В печатном отчете есть путаница и в словесном описании, и в цифрах. Так, толщина кострища в одном случае определена в 2 аршина, а в двух других случаях в 2 четверти аршина. Перекрестная проверка и сопоставление с фотографией позволили признать правильным второй размер.

На основании перерасчетов мною сделана реконструкция насыпи Черной Могилы, несколько отличающаяся от самоквасовской, но основанная на его же материалах.

Кострище сооружалось, очевидно, не прямо на материке, а на небольшой песчаной подсыпке в 1—1,5 м и диаметром в 10—15 м. Это имело чисто практический смысл для усиления притока воздуха. Засыпано было кострище землей из обширного рва. Первоначальная насыпь должна была иметь не менее 7 м в высоту и имела, судя по фотографии, форму шарового сегмента. Груда доспехов помещалась, вероятнее всего, на вершине этой насыпи, увенчивая ее и оставаясь некоторое время видимой. Окружность ровика, из которого бралась земля для насыпи, — 170 м. Ширина рва — 7 м. Если мы сопоставим между собой объем первичной насыпи (той насыпи, на вершине которой были помещены доспехи), вычислив его по формуле объема шарового сегмента с объемом рва (по формуле полуцилиндра), то получим очень близкие величины — около 4000 м³ земли. Очевидно, вся потребность в земле для первоначальной насыпи удовлетворялась заранее отведенными рвами. Для вторичной досыпки кургана нужно было еще 2000 м³ глины, которую должны были привозить из близлежащих оврагов.

Насыпка кургана требовала огромного количества людей. Вероятно, с тех дальних времен ведет свое начало обычай, обязывающий всех присутствующих на похоронах бросить горсть земли на могилу (см. ниже рис. 7).

Деревянный столб на вершине кургана, обложенный кирпичом, определен Д. Я. Самоквасовым как сооружение XI в. «Кирпичи, связанные крепким известковым цементом, имели форму прямоугольников 10 вершков длины, 5 вершков ширины и около 2 вершков толщины с бороздами на одной стороне, совершенно сходны по форме и составу с длинными красными кирпичами, входящими в состав нижней части стен Черниговского Спасского соборного храма, основанного князем

Мстиславом Владимировичем в 1031 году». ⁴⁶ Если мы переведем меру кирпичей на сантиметры, то получим 44 × 22 × 9. Подобные кирпичи относятся не к XI, а к XVII и XVIII вв. В Спасском соборе они имеются только в частях, отремонтированных в начале XVIII в. Бесспорным датирующим признаком являются каннелюры — бороздки, появляющиеся в XV в. и доживающие до XVIII в. К концу XVII в. относится ряд построек в Елецком монастыре (колокольня, ограда), сложенных из подобного кирпича с бороздками (40 × 20 × 9 см). Вероятно, именно тогда монахи и устроили какую-нибудь часовенку на столбе на вершине языческого кургана, возвышавшегося прямо против монастырских ворот. Поэтому самоквасовское сопоставление с архитектурой XI в. следует признать недоуменным. ⁴⁷

Столб на вершине Черной Могилы, вероятно, существовал и в X в., только в раскопках Самоквасова его остатки не удалось отделить от остатков столба, обложенного кирпичом XVII в.

Топография кострища Черной Могилы (рис. 5). Для восстановления порядка размещения трупов и вещей на погребальном костре мы располагаем, во-первых, графической схемой, во-вторых, словесным описанием, в-третьих, уникальным альбомом фотографий (хранящемся в Кабинете археологии МГУ), частично изданных вдовой Д. Я. Самоквасова. И тем не менее реконструкция погребального обряда остается делом нелегким, так как перечисленные выше материалы противоречат друг другу. В отчете иногда указано местоположение предмета в северной или южной части кострища (а на рисунке наоборот), но нигде не отмечено взаимное положение вещей по глубине. Мы даже не знаем такой существенной детали, как положение вещей по отношению к углям — были ли вещи под углями костра или над ними? А между тем от того или иного ответа на этот вопрос зависит реконструкция всего погребального сооружения. Определяя расположение вещей на кострище, мы должны помнить, что часть предметов была с него взята для водружения на вершине первичной насыпи. К ним относятся два шлема, кольчуги, два ножа-скрамасакса и бронзовый божок. Турьи рога не носят никаких следов огня, поэтому можно утверждать, что они не были взяты с кострища, а были положены уже позднее, когда существовала первичная насыпь. Это относится и к золотым монетам и к

⁴⁶ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины, стр. 5—6.

⁴⁷ В «Могилах русской земли» Самоквасов привлекает в качестве аналогии кирпич из развалин на берегу Стрижня, но, как показали раскопки 1946 г., каннелированный кирпич встречен там только в склепе эпохи Петра Великого.

ритуальному сосуду с костями и шерстью барана.

При рассмотрении плана кострища, помещенного в «Могилах русской земли» (рис. 65), необходимо расшифровать услов-

этому приходится определять его приблизительно, исходя из размеров зарисованных мечей и копий и сличения их с натурой.

При знакомстве с составом и количеством вещей возникает вопрос о количестве погреб-

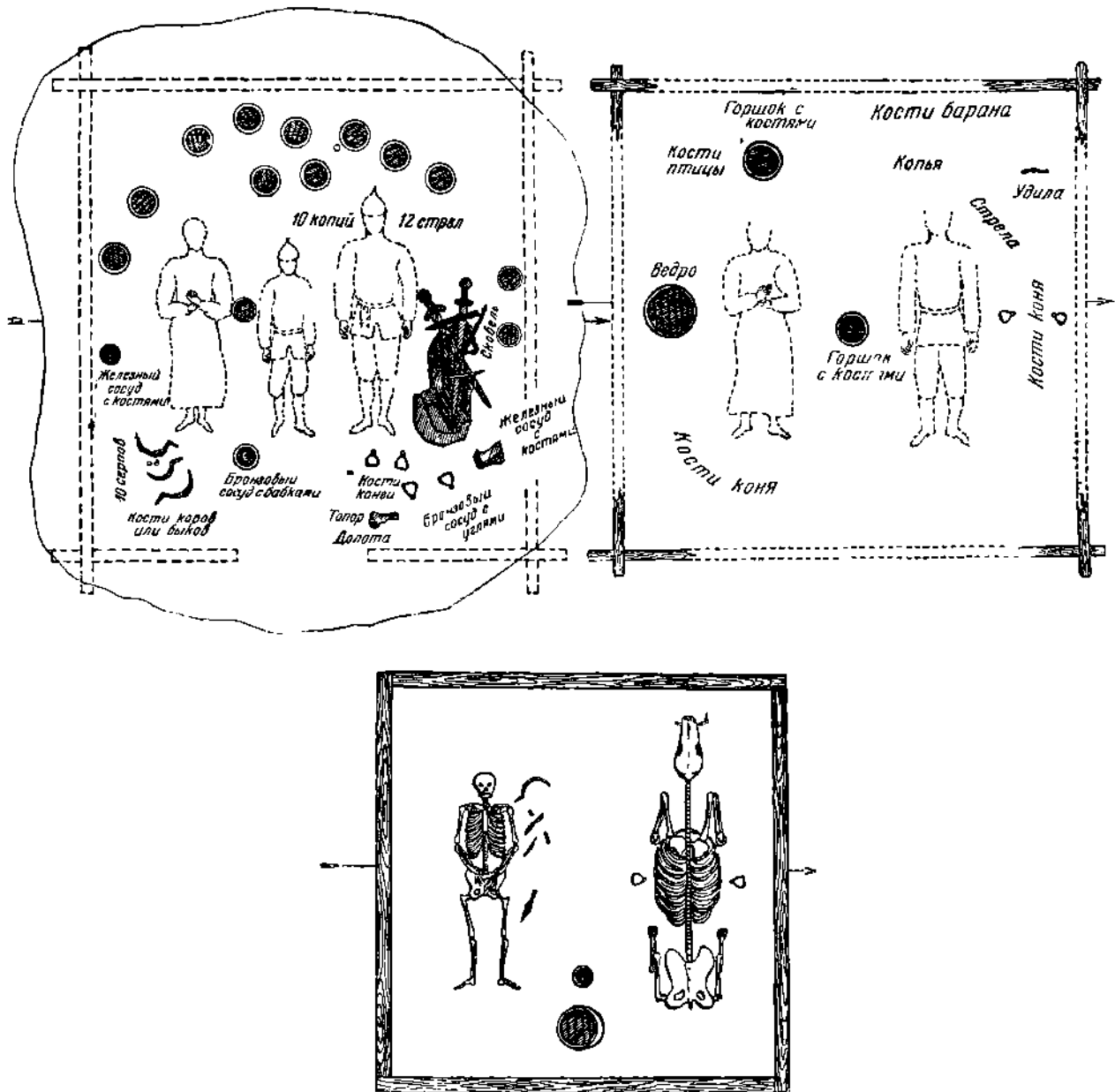

Рис. 5. Наверху слева — реконструкция кострища Черной Могилы, справа — реконструкция кострища кургана „в Березках“, внизу — план срубной гробницы (Гушино).

ные сокращения чертежа: *ОР* — оружие, *С* — стрела, *ЖС* — железный сосуд, *БС* — бронзовый сосуд, *ЖП* — железный предмет, *О* — обручи от ведра, *СР* — серп, *Л* — лошадиные кости, *К* — коровьи кости, *М* — остатки мужского костяка (?), *Ж* — остатки женского костяка (?), *БР* — бронзовый предмет, *Т* — топор, *А* — ? (три предмета в восточной части кострища). Масштаб чертежа не указан, по-

бенных на костре покойников. Самоквасов пишет, что в центральной части кострища на пространстве 3,5 м в диаметре найдены разбросанные остатки двух костяков — мужчины (на севере) и женщины (на юге). Обломки черепов встречались в западной половине кострища.⁴⁸

⁴⁸ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности, стр 30—31 и 35.

Трупосожжение мужчины и положенной по правую руку от него женщины — явление обычное, но в данном случае нас удивляет дублетность всего основного мужского инвентаря: 2 шлема, 2 кольчуги, 2 меча, 2 оседланных коня, 2 копыя, 2 ножа. Это удвоение можно было бы объяснить богатством погребенного князя и стремлением родственников подчеркнуть его высокое положение необычным количеством имущества. Но против этого говорит то, что повторены дважды не только бытовые, но и ритуальные вещи: 2 турьих рога, 2 сосуда с костями барана, 2 ножа для жертвоприношений, 2 золотых монеты. Такая дублетность инвентаря, связанного с погребальным обрядом, не может вытекать из желания показать богатство умершего. Не может она быть отнесена и за счет женщины, так как женщина сама была только принадлежностью ритуала.

В чем различие между однородными вещами? Один из шлемов больше размером, оклеив позолоченным медным листом и внутри содержал остатки парчевой шапки. Другой шлем меньших размеров и скромнее по своему убранству. Возможно, что они принадлежали субъектам разного возраста и положения.⁴⁹ Турьи рога также разных размеров; больший рог богаче украшен. Остальные вещи не дают существенных отличий.

Из числа вещей, встреченных только в одном экземпляре, следует вспомнить бронзовый сосуд с комплектом детской игры — сотней бабок и одной бронзовой «биткой» — тоже в форме бараньего астрагала. Среди русских древностей мы знаем всего лишь два случая находки этой детской игры.

Второй раз бабки были найдены Д. В. Милеевым при раскопках Десятинной церкви в Киеве. Там под церковью, в срубной гробнице с бревенчатым накатом, в детском погребении были найдены ведро, ложка, детская глиняная свистулька и 157 бабок, частично залитых свинцом (как и в Черной Могиле) и украшенных гравированным орнаментом. Дата погребения — X век.⁵⁰

Наличие игральных бабок в Черной Могиле подтверждает предположение о двух мужских погребениях и может указывать на то, что один из знатных воинов был молод еще настолько, что носил неполномерный шлем и играл в бабки.

Таким образом, предположительно можно говорить о трех покойниках, сожженных на

кострище Черной Могилы: воин (князь?) в золоченом шлеме, одетом поверх парчевой шапки, юный воин в небольшом скромном шлеме с «коном» бабок в ногах и женщина с однобусинными височными кольцами, которые в следующем столетии носили замужние черниговки (см. выше предположительную возрастную классификацию украшений XI—XII вв.).

Юноша-воин не был рабом или слугой, так как во всем погребальном обряде мы явно ощущаем желание отметить двух равноправных покойников: доспехи обоих воинов украшали курган во время воинских игр — тризны, в честь обоих умерших «пили в розех» участники «стравы», положив рога рядом с доспехами. Мы можем предполагать, что молодой воин был близким родственником старшего воина, а может быть, что и все трое сожженных находились в родственных связях.⁵¹

Порядок размещения трех костяков был, по всей вероятности, таков: северную половину, как обычно, занимал старший воин, южную половину — женщина, а юноша (судя по расположению сосуда с бабками) был положен посередине между ними.

Если на самоквасовский чертеж кострища мы нанесем контуры трех трупов, то они займут среднюю часть его и лягут как раз в промежутки между вещами.

Топография погребального кострища предстает перед нами в таком виде: среднюю часть занимали покойники, положенные в полном воинском доспехе. По левую руку от старшего князя находилась груда оружия. Один из мечей расположен таким образом, что если мы мысленно представим себе лежащего рядом воина, то меч, высовывающийся из общей груды, придется как раз рукоятью на левое бедро покойника. Вероятно, князь был опоясан мечом. Этот меч является самой нижней вещью в грудке; поверх его положено (или вонзено в землю) копые, меч, сабля, седло со стременами. Здесь же, в скипевшейся массе железных вещей, находились обрывки кольчуги, очевидно с левого бока князя. У ног князя был положен щит с медной оковкой. Среди оружия, поверх его, неожиданно оказался железный скобель — плотничный инструмент (Д. Я. Самоквасов ошибочно назвал его шпорой — см. предмет № 3294).

Где-то в северной части (около груды оружия) находились два сосуда; один из них — железный, с пережженными костями барана, а другой — бронзовая жаровня с углем. На плане они не отмечены, но, судя по описанию,

⁴⁹ К сожалению, Д. Я. Самоквасов расчленил комплекс находок Черной Могилы и в 1874 г. передал значительную часть дублетных предметов в Киевский университет и в частные руки Антоновичу, Иваиовскому, Уварову и в другие коллекции «как образцы северянских древностей». Поэтому мы лишены возможности детального сопоставления многих вещей, в том числе и шлемов.

⁵⁰ ИАК, вып. 32 (прибавл.). СПб., 1910, стр. 129.

⁵¹ На кострище центральная часть была потревожена в то время, когда из угля вытаскивали доспехи — тогда некоторые кости оказались разбросанными (см. «Могилы русской земли», рис. 41). Естественно, что незначительные кальцинированные остатки костей Д. Я. Самоквасов не мог точно учесть и определить количество сожженных субъектов.

мы должны разместить их где-то в северо-восточном углу кострища. У ног князя были положены два оседланных и взнузданных коня.⁵²

Из вещей, связанных с женщиной, нам известно только положение десяти серпов в ногах (на чертеже их только три). Здесь же были кости быка или коровы и зерна. Несколько севернее серпов (т. е. ближе к предполагаемому юноше) стоял бронзовый сосуд с бабками. По правую руку от женщины находился какой-то железный сосуд (?). Всю западную часть кострища занимают обручи и дужки деревянных ведер. Они идут неправильным полукругом от северного края кострища до южного; всего стояло около 12 ведер. На каждом отроге полукруга, как бы замыкая его, стояло по железному сосуду. Деревянные ведра ставились, вероятно, с медом или вином, а не со смолой, как думал Д. Я. Самоквасов.

Во всем расположении вещей мы видим определенный порядок и систему. С мужчиной положены предметы вооружения и ратного быта, а с женщиной — орудия сельского хозяйства, злаки и домашняя скотина. Центральная часть кострища была приведена в беспорядок в то время, когда отсюда вытаскивали обугленные остовы мужчины и юноши в кольчугах и шлемах. Здесь найдены украшения, наконечники поясов, золотые, серебряные и стеклянные слитки.

В восточной части кострища найдены ключи, замки, топоры и долота. Кострище занимало площадь в 10 м в поперечнике, но вещи встречаются только очень компактно, на небольшом срединном участке кострища в 320—350 см в поперечнике.

Важным вопросом является точная датировка как всей Черной Могилы, так и ее отдельных частей. Датировка облегчена находками трех византийских монет. Как известно, одна монета найдена на кострище и две монеты около груды оружия и турьих рогов на вершине полунасыпанной насыпи. Д. Я. Самоквасов относил монету на кострище к середине X в., а монеты в насыпи к концу IX в., связывая их с византийским императором Василием I. При таком определении монет единственной датирующей монетой является та, что найдена на кострище, так как монета в насыпи — более ранняя. Ю. В. Готье, а вслед за ним и М. И. Артамонов, отнесли монеты с именем Василия к другому императору — Василию II

Болгаробойце, правившему в 975—1025 гг.⁵³ При таком распределении монет мы могли бы допустить следующие варианты датировки отдельных частей Черной Могилы:

1. Кострище и «тризнице» одновременны. Тогда они датируются временем 975—1025 или, точнее, 975—989 гг., считая за верхнюю дату введение христианства.

2. Кострище и «тризнице» не одновременны. Тогда кострище датируется монетой середины X в. (945—959 гг.) или временем несколько более поздним (учитывая обращение монеты). Тризна же и начало насыпания второй насыпи должны быть тогда отнесены ко времени после 975 г.

Итак, вопрос о дате Черной Могилы сводится к тому — относятся ли монеты к Василию I Македонянину (869—879) или же к Василию II Болгаробойце?

Приведу описание монет: 1—2. Монеты в насыпи около турьих рогов. Золотые византийские монеты с изображением императора и мальчика или юноши в плаще. Надпись: *Vasilios et Constant aug.* На реверсе — Христос на троне и надпись: *Iis Xrs rex regnantium...* 3. Монета на кострище. Золотая византийская монета, разрубленная пополам. На аверсе — изображение одного из двух императоров-соправителей и надпись: *Roman aug...* Судя по надписи, Роман — второе лицо, соправитель, помещенный на втором месте. На реверсе — погрудное изображение Христа и часть надписи: *... regnantium.* Надписи значительно мельче и эпиграфически сильно отличаются от надписей монеты Василия и Константина.

Каталог Британского Музея, располагающего значительным количеством византийских материалов, позволяет определить все монеты Черной Могилы. Монеты Василия I и Константина — это монеты Василия I Македонянина (867—886) и его сына Константина, умершего в десятилетнем возрасте (869—879 гг.). К этим годам, когда император чеканил на монете свое имя и имя сына, и относятся обе монеты из насыпи 869—879 гг.⁵⁴ Монеты Василия II Болгаробойцы (975—1025 гг.) резко отличаются от монет Василия I как характером изображений, так и начерком букв, мелких и тонких⁵⁵ (рис. 6). Монета из кострища — это монета Константина VII Багрянородного и его сына Романа II (945—959 гг.). Таким образом,

⁵³ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М. 1930; М. И. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. Проблемы истории капиталистических обществ. 1935, № 9—10.

⁵⁴ Приношу свою благодарность Ю. С. Крушкюлю и А. А. Сиверсу, определившим монеты из Черной Могилы.

⁵⁵ W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum. V. II, London, 1908, табл. 12, стр. 436.

⁵⁶ Там же, табл. LVII, №№ 6—12.

⁵² Самоквасовский чертеж расходится здесь с описанием. В описании пара стремян отнесена к южной части, но на чертеже совершенно ясно все стремяна нарисованы в ногах князя и снабжены лентерой С. В данном случае я отдаю предпочтение чертежу, изданному самим Самоквасовым, а не посмертной публикации описания.

датирует Черную Могилу не более ранняя монета в насыпи, а более поздняя на кострище 945—959 гг. Вопрос о одновременности первой и второй насыпи нумизматического подтверждения не получает.

Обращает на себя внимание большая потертость монет Василия и Константина (869—879 гг.) и четкость монеты Константина и Романа (945—959). Наиболее вероятной абсолют-

стра, так как руководителям погребального церемониала нужно было из центра описать окружность при помощи простейшего инструмента древних зодчих — веревки с двумя кольшками. Правильное геометрическое построение двух концентрических окружностей было известно задолго до X в., в эпоху сооружения болотных городищ-святилищ с двумя точными кругами валов. Идея круга, идея

Рис. 6. Византийские монеты IX—X вв. из Черной Могилы (верхний ряд) и их аналоги.

ной датой Черной Могилы являются 960-е годы, эпоха князя Святослава.⁵⁷

Попытаемся теперь представить себе процесс организации погребального костра, но заранее оговорившись, что здесь мы вступаем в область предположений и допущений, лишь частично подкрепленных отчетным или музейным материалом.

Поразительная правильность окружности всех древнерусских курганов свидетельствует о том, что окружность будущей насыпи определялась заранее, до сооружения самого ко-

кромлеха общая всем народам, в том числе и древним славянам, могла сказываться при сооружении кургана в том, что место сожжения умершего ограждалось временной круговой оградой. В курганах южных вятичей близ Воронежа эта ограда была сделана в виде массивного тына, у словен новгородских ограждение-кромлех делали из валунов.

Можно допустить, что многие погребальные костры окружались круговыми ограждениями, хотя бы временными и неуловимыми для археологии, но обозначавшими границу будущего кургана. В пользу такого предположения говорит сопоставление русского термина «крада» с греческими текстами XI в. где этому слову соответствует иногда *κράα*, а иногда *σφαίρα*.

⁵⁷ В. А. Пархоменко. Князь Черный. Юбилейный Збірник на пошану акад. Д. Багалія. Київ, 1927 В. А. Пархоменко относил курган к более раннему времени, но все его построение основано на легендах XIX в.

Греческое *πυρα* переводилось на русский словами: «огнь», «жыгома», *крада* и вполне соответствовало огненной сущности погребения. Греческое *σφαίρα* переводилось словами: «круг», «образ», *крада* и как бы свидетельствует о круговой форме погребального костра или о его круговом ограждении.⁵⁸ Судя по остаткам прямоугольного костра, в кургане № 2 в «Старом кладбище в Березках», можно думать, что слова «сфера» или «круг» относились не к самому костру или сруб (столпу), куда ссыпались кости сожженных, а к ограде, к контурам будущего кургана или ко всему комплексу погребальных сооружений.

«Кроугъ» — «крада» Черной Могилы определяется в 125 м. Внутри трассированной окружности будущего кургана существовала небольшая песчаная подсыпка, возможно тоже круглой формы. Диаметр ее — около 10 м, высота — 1—1,5 м. На ней-то и сооружался костер. Подсыпка нужна была как для усиления притока воздуха, так и для придания большей торжественности обряду, производившемуся при огромном стечении будущих участников насыпки земляного холма. Пока производились все приготовления к похоронам, покойник, по рассказу Ибн-Фадлана, находился во временной могиле, вырытой в земле и закрытой сверху деревом и землей. В этой временной могиле умершему клали «набид», какие-то плоды и музыкальный инструмент.⁵⁹ Приготовления к похоронам длились 10 дней. Мы не можем воспринимать описание Ибн-Фадлана как типичное во всех деталях, так как русс, похороны которого он описывает, умер в пути и был похоронен в своем временном, путевом жилище — в ладье, но и там, основным местом является какая-то «кабина» на ладье, помещенные закрытое, с узким входом.⁶⁰ Если в Чернигове был похоронен местный черниговский князь, то он был у себя дома и мы напрасно стали бы искать здесь признаки ладьи. Погребение в ладье — это, по всей вероятности, погребение чужеземца, умершего в пути, в чужой стране. Самоквасовские материалы позволяют с большим трудом восстановить конструкцию погребального костра. По данным кургана № 2 в «Старом кладбище в Березках», костер имел прямоугольную форму, и в его состав входили тонкие бревна. На всех четырех углах сохранились перпендикулярно лежащие бревна.⁶¹ Перед нами встает ряд вопросов. Что

представлял собой погребальный костер? На какой высоте клались покойники? Почему вещи расположены на кострище компактно, а не разбросанно? Почему все сосуды в курганах с сожжением стоят прямо, дном вниз?

Погребальный костер не мог состоять из нескольких сплошных рядов бревен, положенных попеременно ряд на ряд, так как подобное плотное расположение бревен должно было всегда сохранять большое количество бревен не обгорелыми. Если допустить, что покойники и сопровождающие их предметы укладывались поверх такого штабеля бревен, то совершенно непонятна строгая систематичность вещей — ведь на большом костре, жар которого испепелял трупы людей и туши коней, быков, баранов, — все вещи неизбежно должны были скатываться к периферии костра, проваливаться вниз, одним словом, утрачивать свой первоначальный порядок. Штабельную конструкцию костра с водружением наверху покойников мы должны решительно отвергнуть.

Прежде всего поражает незначительная толщина кострищ — в Черной Могиле она не превышала 35 см. Обилие золы и пепла свидетельствует о массовом применении хвороста и, может быть, соломы. Следы хвороста, как уже сказано, были обнаружены в раскопках 1908 г. при более внимательном анализе кострища. Очевидно легкий горючий материал вроде хвороста и был основной частью костра.

Большой интерес представляет значительная оплавленность верхних частей предметов и то, что зола и пепел не подстилала, а прикрывали сверху многие предметы. Все это указывает нам на то, что не покойников клали на костер, а костер разводили над ними (рис. 7 и 8).

Многие недоумения разъяснятся, если мы допустим, что погребальное сооружение, в котором сжигали покойников Черной Могилы, Гульбища и кургана № 2 «в Березках», представляло собой подобие домовины, легкого бревенчатого сооружения, наполненного и окруженного со всех сторон хворостом и соломой. Идея дома мертвых, воспроизводящего схематически жилище живых, такая же общечеловеческая, как и идея кромлеха. Обе они нередко сочетаются и дополняют друг друга. Мне представляется, что в центре подсыпки строилась легкая прямоугольная домовина из жердей или досок. В Черной Могиле есть несколько крупных железных гвоздей, загнутых таким образом (в два колена), что это могло получиться только при скреплении двух тесин толщиной около 5—6 см. Вероятнее всего, что эта домовина не была настоящим домом, а

местах. При раскапывании Черной Могилы в 1873 г. Д. Я. Самоквасов вообще не обратил внимания на расположенные угольные остатки, ограничившись определением кострища как круглого.

⁵⁸ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. Л., 1930, т. III. Словарь, стр. 164, 179.

⁵⁹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 81.

⁶⁰ Там же, стр. 49.

⁶¹ Эта интереснейшая деталь была упущена Д. Я. Самоквасовым в процессе раскопок, и только П. С. Уварова обратила внимание черниговского археолога на один из углов. После этого были произведены исследования, и угольные бревна обнаружались в других

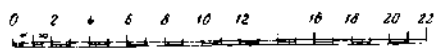
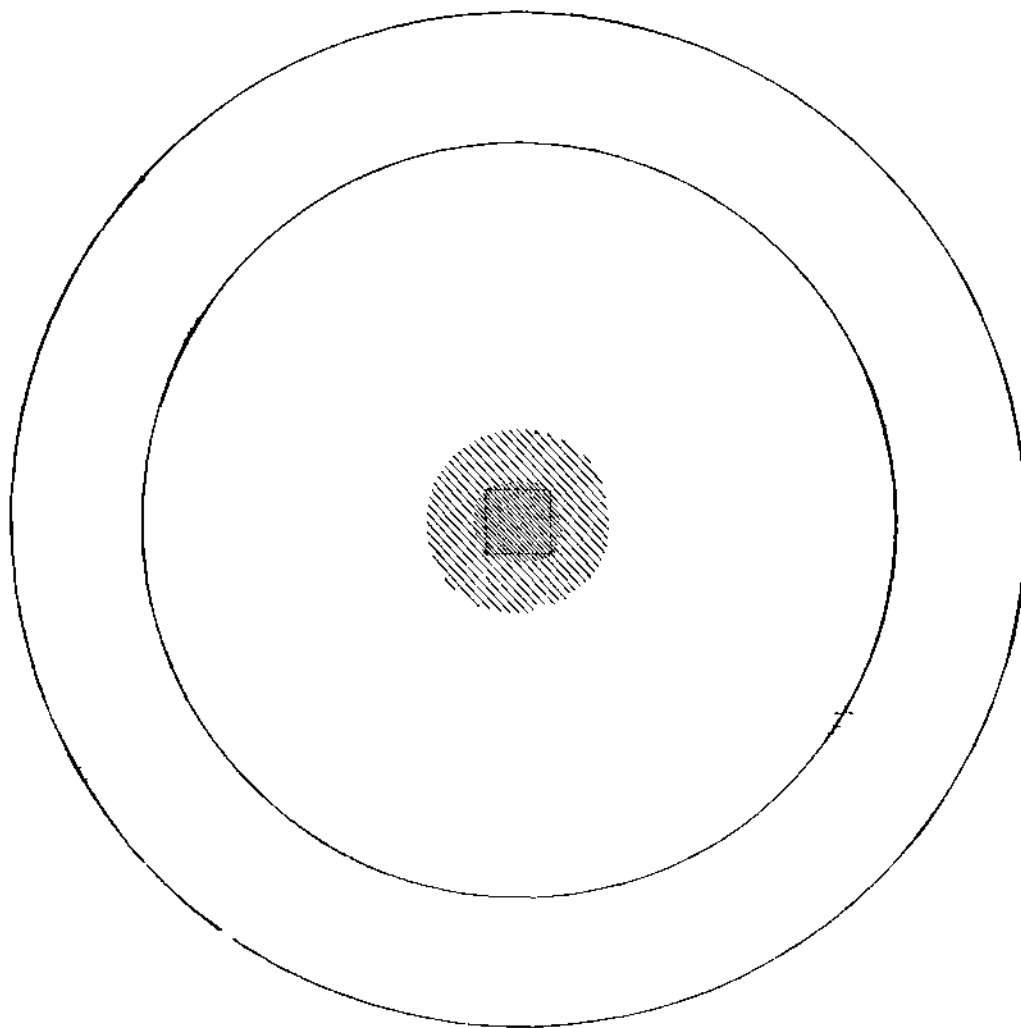
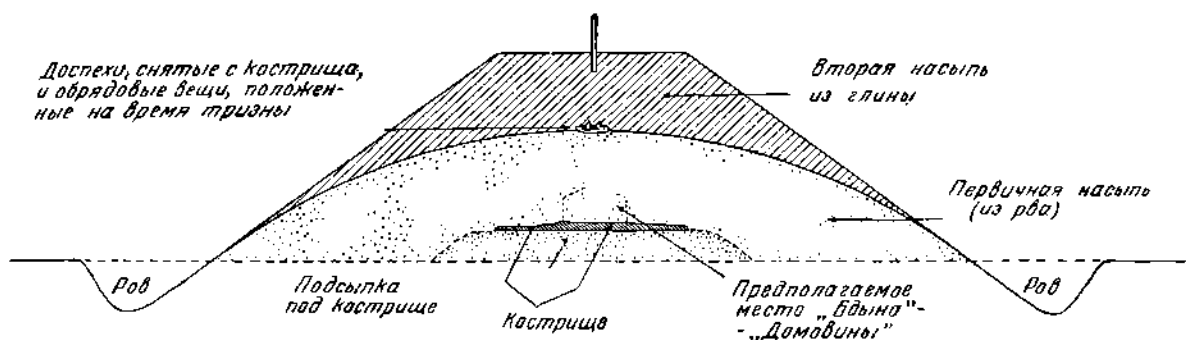

Рис. 7. План и разрез Черной Могилы.

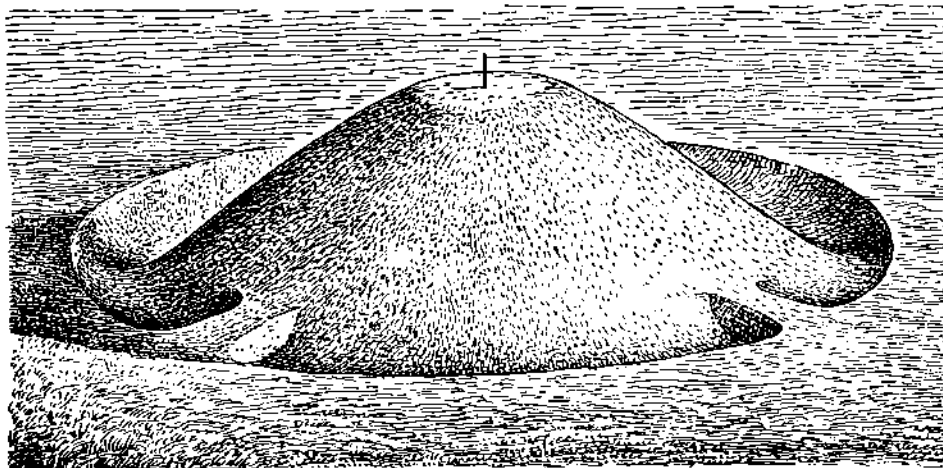
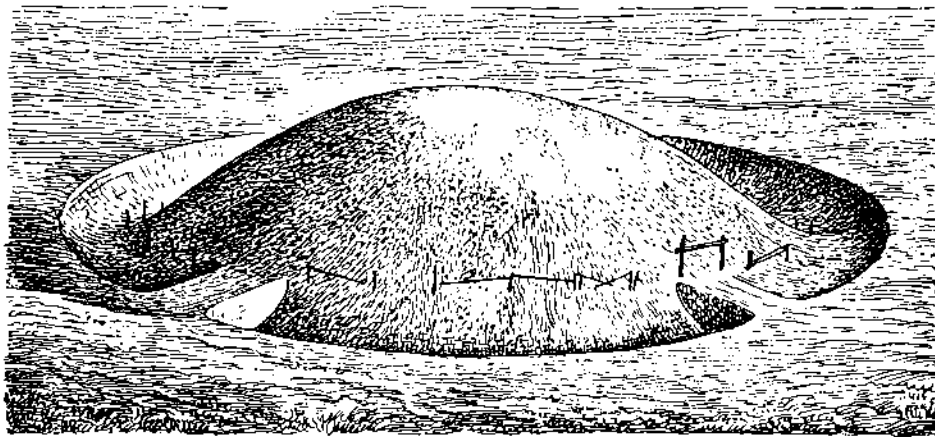
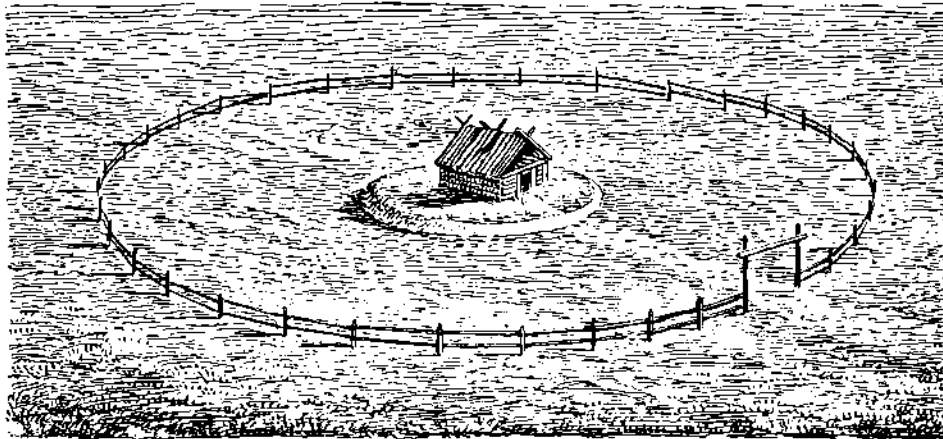

Рис. 8. Черная Могила; реконструкция стадий сооружения кургана.

лишь изображением, символическим подобием его; бревна или жерди могли быть положены неплотно, с просветами, образуя лишь прямоугольную ограду, может быть, покрытую соломенной крышей. Все в такой домовине должно было быть подчинено требованиям сгораемости, легкого доступа воздуха, что достигалось незначительной толщиной строительного материала, неплотностью кладки жердей, хорошей тягой и обилием хвороста и соломы. Длина такой домовины определяется расстоянием между крайними вещами на кострище Черной Могилы — 320—350 см, т. е. размерами срубных гробниц-домовин той же эпохи, известных нам по курганам со срубами в ямах. В сколоченную домовину («палатку», «кабину» по Ибн-Фадлану) укладывали покойника, одетого в специальную одежду, в состав которой входила, по рассказу Ибн-Фадлана, и парчевая шапка. Умершего снабжали питьем, пищей и всем необходимым.⁶² Если мы допустили существование домовины, то сразу станет понятен и бронзовый сосуд с углями, и древодельские инструменты, и гвозди, и компактное расположение всего сгоревшего инвентаря, и большая опаленность верхних частей, и ряд других деталей. Инструменты плотников (топоры и долота) положены в восточной части кострища, поблизости от замков и ключей, которые, может быть, отмечают место входа в домовину. Скобель был брошен на груду оружия. Этнографические данные говорят о том, что инструменты, которыми делали гроб, должны быть очищены, а остатки материала — сожжены. Тысячу лет назад, очевидно, все «орудия древодельские», при помощи которых сколачивали последнее жилище князя, подлежали сожжению.

Бронзовый сосуд с углями в свете этнографии становится устойчивым символом жилища, домашнего очага, переносимого на новое место.⁶³ В такой домовине, когда она была заполнена жертвенными животными, происходит и один из самых мрачных эпизодов погребения — умерщвление женщины, обречен-

ной на сожжение.⁶⁴ Когда дом мертвых был наполнен всем, его, очевидно, закладывали хворостом доверху, подкладывая хворост снаружи и зажигали все сооружение. Подсыпка, поднимавшая костер на 1.5 м над уровнем земли, создавала хороший доступ воздуха, и домовина должна была ярко гореть, создавая внутри высокую температуру, необходимую для сожжения трупов, лежащих на земле. Земля вокруг костра была прокалена на значительном расстоянии. Сожжение на подсыпке было обычным для Чернигова. Так, в Гульбище общая высота кургана — 8.5 м, а кострище обнаружено на глубине 7 м от вершины; значит, высота подсыпки и здесь, как в Черной Могиле, — 1.5 м. В «Безымянном» кургане — высота 7 м, а кострище — на глубине 5.7 м. Значит подсыпка равна 1.3 м. Курган Гульбище вообще во всем обряде подобен Черной Могиле, отличаясь от нее лишь размерами. Аналогичен им был и уничтоженный в 1851 г. курган княжны Черны, где кольчуга, турий рог и сосуд находились в середине насыпи. Курган «Безымянный» отличается и размерами и отсутствием доспехов в середине насыпи. Три крупнейших черниговских кургана объединены одним признаком: насыпь их сооружалась в два приема, и на вершине укладывались доспехи.

Первичная насыпь Черной Могилы достигала 7 м высоты и, судя по фотографии, представляла собой шаровой сегмент. Положенные на вершину доспехи должны были быть видны со всех сторон, а значительная отлогость насыпи позволяла, если это требовалось ритуалом, разместиться около доспехов значительному числу лиц. Возможно, что здесь и происходили поминки-страва.

Ковши круговые, запеваясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят,
Дружина пирует у брега.

⁶² «Потом принесли все его оружие и положили его к его боку. Потом взяли двух лошадей и гоняли их обеих, пока они обе не вспотели. Потом они разрезали их обеих мечом и бросили их мясо в корабле, потом привели двух коров (быков) и разрезали их обеих также и бросили. Потом доставили петуха и курицу и убили их и бросили их в нем...». Путешествие Ибн-Фадлана, стр. 81—82.

⁶³ При переходе в новый дом старшая в семье женщина топит печь и ровно в полдень выгребает жар в горшок и приносит приглашение домовому «милости просим, дедушка, к нам на новое жилище!» Горшок с угольями водворялся в новом доме, символизируя переход домового. А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М. 1868, стр. 117. Водворению домового предшествует изгнание злых сил из дома, для чего пускают в дом петуха, кошку или собаку. Ибн-Фадлан сообщает, что первым животным, которое было брошено на костер, была собака (стр. 81).

⁶⁴ «Предварительно обреченная женщина смотрела через какие-то ворота и должна была увидеть свою судьбу. Она будто бы видела умерших родственников, а потом, в третий раз она сказала: «Вот я вижу моего господина сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки; и вот он зовет меня; так ведите же к нему!» И они прошли с ней в направлении к кораблю». Ибн-Фадлан. Ук. соч., стр. 82. Комментарий см. на стр. 151—153. Запутанное толкование этого места значительно упрощается, если мы примем высказанную выше гипотезу о круговой ограде вокруг костра. На месте одной из перемычек рва и могли быть ворота, украшенные какими-то непонятными для араба обаялками. Отсюда обреченная заглядывала в царство мертвых, и отсюда же она отправилась прямо к дому мертвых. Составленная мною реконструкция погребальных сооружений до насыпки кургана в очень малой степени основана на точных данных; она является чтением арабских авторов, с одной стороны, и отчетов Д. Я. Самоквасова, с другой. Это — субъективная попытка осмыслить весь комплекс первоначальных погребальных сооружений, но автор не берет на себя смелость защищать ее.

Давно уже доказано, что тризна — не поминки, а военная игра, турнир, состязание в честь умершего.⁶⁵

Мне кажется, что именно ради тризны военные доспехи умершего клали на вершину высокой насыпи, чтобы они, как ратные символы, воодушевляли состязающихся воинов. Слова «тризна», «тризнице» соответствуют греческому *ἀγών* — борьба, состязание. Греческие олимпиады переводились словами «пятилетнее тризнице». Тризнице иногда приравнивалось к поприщу, к пространству для состязаний.⁶⁶

Наиболее интересны для уяснения сущности тризны сопоставления синонимов в переводах с греческого. Слово *ἀγών* переведено:

в Хронике Георгия Амартола	в Хронике Иоанна Малалы
Подвиг	Тризна
Поприще	Урястание
Троуд	Подрумие, игра

Исходя из смысла слов, равнозначных тризне, можно думать, что в славянской тризне, как и в античном погребальном церемониале, главное место принадлежало конским состязаниям, скачкам, ристаниям на «поприще», «подвигу» (т. е. движению) на «подрумий» (ипподроме).

Состав военных символов, увенчивавших полунасыпанный курган, различен в Черной Могиле и в Гульбище:

Черная Могила	Гульбище
Два шлема	Шлем
Две кольчуги	Кольчуга
Сосуд с костями барана и петуха	Сосуд с костями барана и яичной скорлупой
Два турьих рога	_____
Две монеты	_____
Два ножа для жертво- приношений	_____
Идол	_____
_____	Меч в ножнах
_____	Копье
_____	Стремена (2 пары)
_____	Удила
_____	Стрелы
_____	Топор
_____	Щит

Как видим, состав имущества, вынесенного для обозрения на насыпь кургана, различен. В Гульбище перед нами воин с большим ассор-

тиментом оружия, доспехов и конского снаряжения. Из ритуальных вещей здесь только один сосуд с остатками барана и куриных яиц (вещь обязательная почти при каждом погребении).

При насыпке Черной Могилы люди, руководившие погребальным обрядом, не заботились о том, чтобы вытащить наверх все оружие; много оружия они оставили на кострище. Но зато они очень внимательно отнеслись к тому, чтобы богаче представить связь погребенных с культом. Здесь мы видим и два турьих рога, обязательные атрибуты славянских божеств, два жертвенных ножа и, наконец, бронзового идола. Современники покойных дали нам понять, что под насыпью Черной Могилы лежат люди, облеченные правами не только военачальников, но и жрецов, люди, которым могут понадобиться на том свете и ножи для заклания жертв и священные ритоны для провозглашения благоденствия соплеменникам.

Такое сочетание военного и жреческого могло быть только в лице князя. Во многих славянских языках «князь» и «жрец» звучат почти одинаково (чешский: князь — *kněz*, жрец — *kněz*; польский: князь — *książe*, жрец — *ksiadz*). Мы знаем, что у славян князь нередко выполняли функции верховных жрецов. Думаю, что мы вправе признать княжескими курганами Чернигова только два — курган княжны Черны, где был похоронен знатный воин, сопровождаемый турьим рогом, и Черную Могилу, где похоронили одного или двух знатных воинов с турьими рогами.⁶⁷

Гульбище следует считать могилой боярина, черниговского богатыря, но не князя, так как в инвентаре его отсутствуют ритуальные вещи.

Инвентарь. Рассмотрение погребального обряда повело нас вплотную к анализу инвентаря, начать который удобнее в хронологическом порядке с Гульбища.

Гульбище. Топография кострища в Гульбище совершенно не прослежена; вещи найдены «в беспорядочном разбросе», что и понятно, так как с кострища перед насыпкой кургана было взято много разных предметов, находившихся в различных местах (шлем, меч, две пары стремян, щит и др.). Тогда и разворошили все кострище, разбросав те вещи, которые по их представлениям были недостойны помещения на вершине насыпи. Поэтому для описания примем типологический, а не топографический порядок.

Предметы вооружения представлены здесь менее обильно, чем в Черной Могиле. Два копья, обломки топора, одна стрела. Форма всех этих вещей почти неизвестна.

⁶⁵ А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, стр. 131—132. В словаре Памвы Берынды «тризнице — месте, где бывают поединки, або бойовання». Церковь наказывала тех, кто «по мертвечи дрался».

⁶⁶ Г. Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь. М., 1900, стр. 732.

⁶⁷ В пользу этого говорит и топография курганов: Гульбище, более ранний курган, расположен далеко от города на обособленном месте, а княжеские курганы возвышались непосредственно у самых городских стен.

Главным предметом вооружения был меч огромных размеров (рис. 9). Приведу описание Д. Я. Самоквасова: «Железный прямой обоюдоострый меч около семи четвертей длины с массивной крестообразной ручкой 3 вершков длины, украшенную серебряною насечкою и

Меч из кургана Гульбище является самым крупным из всех русских мечей. По устройству и размерам рукояти этот меч близок к мечу № 3 из находок на Днепрострое.⁶⁹ Но когда мы сравним между собой рисунки обоих мечей, изготовленные в одном масштабе, то увидим

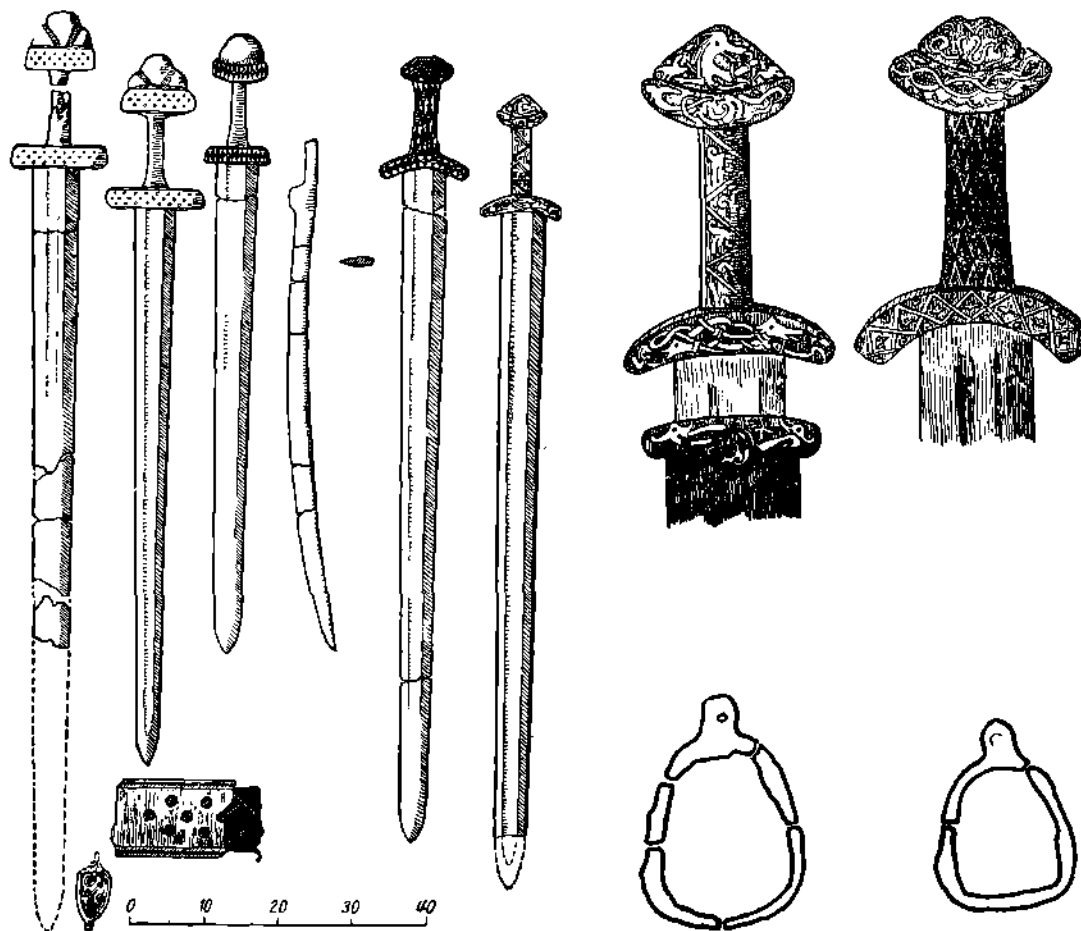

Рис. 9. Мечи и стремена X в. Слева направо: меч из Гульбища (внизу наконечник пожел и деталь рукояти); меч, найденный у Днепростроя; мечи и сабля из Черной Могилы; меч из Киева. Рукояти мечей из Киева и из Черной Могилы. Внизу — стремена из Гульбища (левое) и из Черной Могилы (правое).

тремя рядами камней и с массивным выемочным набалдашником. Меч лежал у основания шлема на окисшей массе кольчуги, и его форма и величина, по очистке от верхнего слоя ржавчины, ясно были видимы, но при снятии верхняя половина клинка разломилась на части, а нижняя оказалась настолько разложившеюся, что дробилась на мелкие осколки».⁶⁸

Рукоять вместе с перекрестием меча действительно равна 13 см. Длина всего меча будет около 126 см. Рукоять с навершием и перекрестием — 21 см. Клинок около 105 см, ширина клинка 6,5 см, длина перекрестия 13 см. Собственно рукоять — 10 см. Вес рукояти — 950 г.

существенную разницу (рис. 9). Днепровский меч слишком короток (96 см) и легок (ширина клинка 3—5 см) для столь большой и тяжелой рукояти. Очевидно, его клинок был сильно сточен или даже обломан и заточен. Удар таким мечом будет непосильным, так как центр тяжести находится около самой рукояти. Иное дело — меч из Гульбища; он очень пропорционален, его тяжелая рукоять уравновешена длинным и широким клинком, центр тяжести перемещен ближе к точке удара. По соотношению частей он несравненно

⁶⁹ Изв. ГАИМК, вып. 100. М.—Л., 1933, стр. 602—603, табл. I, рис. 4. Мечи найдены в Днепре, выше о. Хортицы у древней Крайской переправы, где, возможно, погиб Святослав. Клеймо на мече Днепростроя представляет собой неразборчивое подражание.

⁶⁸ Могильные древности..., стр. 37.

пропорциональнее днепровского меча. По своим абсолютным размерам черниговский меч близок к большим двуручным мечам средневековья. Обычные размеры русских мечей X в. — 85—90 см. Нужна была богатырская сила и огромный рост, чтобы одной рукой рубить этим мечом-великаном. Навершие и перекрестие меча орнаментированы очень своеобразным приемом, встреченным только на

стый, и медная обшивка закрывала весь торцовый край толщиной в 5—6 см. Кроме щита, была кольчуга — обязательная принадлежность каждого русского воина IX—X вв. Здесь стоит вспомнить и русские кольчуги во Франции и проникновение русского термина в турецкий — болгарский язык и тот живой интерес, который проявляли восточные авторы к «панцирям» русского кагана.

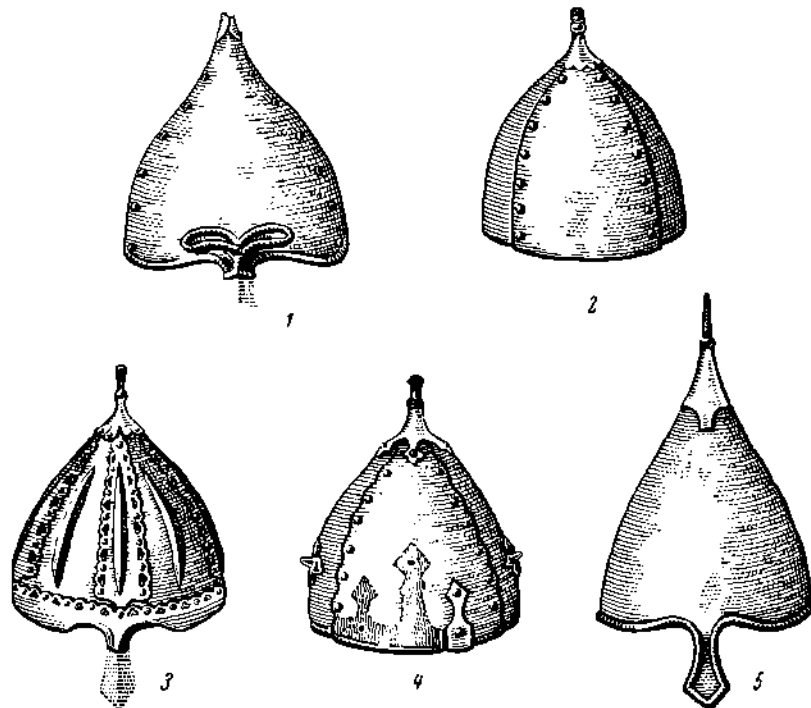

Рис. 10. Черниговские шлемы и их аналоги. 1. Воронежская область 2. Гульбище 3. Гнездово. 4. Черная Могила. 5. Поросье.

мечах из Руси.⁷⁰⁻⁷¹ Прием этот заключается в том, что перекрестие делалось из двух частей — основы и футляра. Основа оплеталась сеткой из толстых серебряных нитей, а в футляре просверливались отверстия, через которые видны были места перекрещивания двух нитей, когда футляр надевали на основу.

Меч находился в ножнах, завершавшихся бронзовым наконечником с изображением извивающегося дракона.

Доспехи богатыря из Гульбища состояли из щита, окованного медью, снабженного изнутри двумя ручками, а с наружной стороны украшенного серебряными бляхами, расплавившимися в огне. Щит был массивный, тол-

⁷⁰⁻⁷¹ Д. Н. Анучин. О некоторых формах древнейших русских мечей. ТАС VI, т. I, табл. XIII, рис. 1, меч из Гнездова; Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР № 18, 1895. Большая Рыбежка, кург. XII. Меч по форме близок к мечу из Гульбища, но меньших размеров, и рукоять его не так массивна; Изв. ГАИМК, вып. 100, М.—Л., 1933. Меч № 3 с Днепроострой. Табл. I, рис. 4. Любопытно, что все эти мечи без иноземных клеев.

Шлем был склепан из нескольких треугольных пластин и украшен спереди полукруглой медной набивкой. Наверху у шишачка имелась втулка для плюмажа. К шлему прикреплялась кольчужная бармица (рис. 10).

Стремена по своим размерам были под стать мечу — в полтора раза больше обычных⁷² (см. рис. 9).

В разделе оружия надлежит рассмотреть резные костяные пластинки, относящиеся, по моему мнению, к убранству лука. От огня уцелело восемь пластинок, но пять из них слишком фрагментарны, чтобы можно было что-либо сказать о них. Ключом к разгадке назначения пластинок является наиболее сохранившаяся пластинка с конской головой (№ 3201). По своему виду она похожа как бы на нос миниатюрной ладьи с головой коня наверху и выпяченной вперед грудью; орнамент в средней части несколько стерт. Такая пластинка могла быть только украшением узкого, изогнутого предмета, какого-то отрога.

Форма черниговских луков нам хорошо известна по рисунку на турьем роге; это — сложный лук. Выгиб концов сложного лука в месте прикрепления тетивы соответствует профилю нашей пластинки. Если мы представим себе пластинку с конской головой, прикрепленной с тыльной стороны отрога лука, то узел тетивы придется как раз на ту часть пластинки, которая сильнее потерта (рис. 11). Обломки овальной пластинки (№ 3205) могли относиться к рукояти лука, а парные длинные пластинки с орнаментом из завитков и стилизованных звериных морд были, по всей вероятности, накладками на наименее сгибаемых частях лука.⁷³

Одежда воина из кургана Гульбище должна быть угадана по сохранившимся металлическим вещам.

⁷² К таким же укрупненным предметам относятся и обручи от деревянного ведра. Диаметр ведра получается около 40 см, что значительно превышает обычные размеры таких ведер (17—25 см).

⁷³ Мало вероятно, чтобы эти костяные пластинки служили украшением седла, колчана или какого-либо иного предмета.

На воине поверх кольчуги был, очевидно, легкий тонкий плащ, застегивавшийся крупной подковообразной бронзовой фибулой, какие часто встречаются в мужских дружинных погребениях срубных гробниц X в.

Сохранилось пять пар массивных серебряных

напоминает нам былинную характеристику щеголя. Наряду с этими крупными пуговицами есть и обычные мелкие позолоченные пуговицы от рубахи.

К мужским вещам следует отнести кресала прямоугольной формы с щелевидной прорезью,

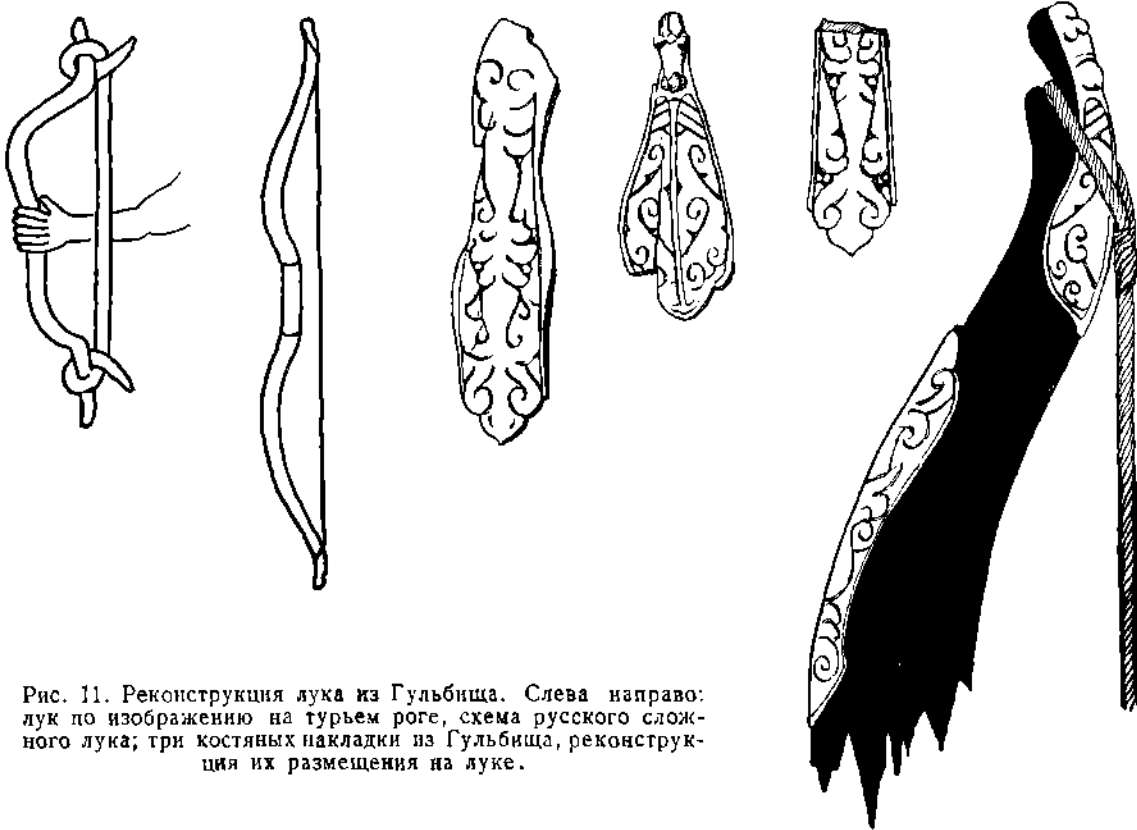

Рис. 11. Реконструкция лука из Гульбища. Слева направо: лук по изображению на турьем роге, схема русского сложного лука; три костяных накладки из Гульбища, реконструкция их размещения на луке.

позолоченных застежек с крючками и петлями (рис. 12). Подобные застежки известны в кочевнических древностях XIV в., но этот же самый мотив косо поставленных квадратных парных застежек мы встречаем, например, в гуцульской этнографин. Застежки другой формы, но такие же по идее, имеются и в Гнездове. Во всех случаях такие застежки применялись к плотно облегающей фигуру меховой одежде типа тулупа или теплого кафтана. Квадратные бляшки с петлей и крючком на одном из узлов являются застежками плотной меховой одежды, надевавшейся, может быть, под кольчугу. Бляшки украшены узорами из четырех крестообразно расположенных кринов. Кафтан был подпоясан узким наборным поясом с позолоченными бляшками, украшенными рельефными кринами (рис. 13). Сохранился один наконечник пояса с тамгообразными узорами в виде стилизованных голов рогатого животного. К плотной одежде относятся и костяные полусферические пуговицы с геометрическим узором. Лишь на одной пуговке выгравированы две птицы, что

которая на краях завершается круглыми отверстиями.

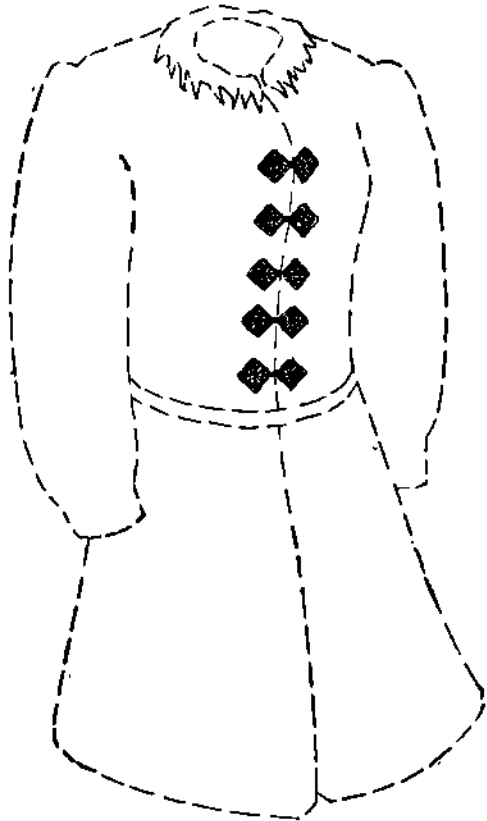
Женский инвентарь Гульбища особенно сильно пострадал от огня. На месте женского костяка было найдено около 200 слитков серебра, золота и стекла. Уцелело небольшое количество бус. Вероятно, у ног женщины лежали зерна ржи, пшеницы и ячменя.

Неизвестно, к мужскому или женскому погребению следует отнести несколько видов хорошо сохранившихся серебряных позолоченных бляшек с разнообразным рельефным узором восточного стиля IX—X вв. Часть из них очень напоминает головки радимических гривен, но здесь их назначение было иным.

На кострище был найден саманидский дирхем, по определению, приведенному Д. Я. Самоквасовым, конца IX в. (без слова «аллах»). Судя по всему инвентарю, дата монеты должна быть близка ко времени погребения, которое следует относить к началу X в., во всяком случае, не позднее княжения Игоря. Богатырь, погребенный в кургане, владелец самого боль-

шого из русских мечей, невольно вызывает в памяти образы былинных богатырей.⁷⁴

Курган Безымянный. Рядом с Гульбищем, дальше от края горы, находится еще несколько таких же больших курганов,

7 м, диаметр 21 м. Кострище найдено на подсыпке. В середине насыпи никакого оружия не найдено. На кострище найдены топор, нож, удила, пряжки, оселок, обручи от деревянного ведра, серп, бронзовые пуговицы и узорчатые бронзовые бляшки. Хорошо сохранилась льняная ткань, сложенная в несколько рядов.

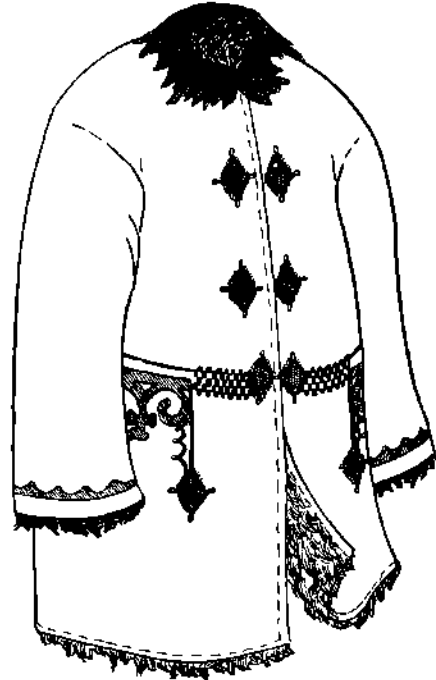

Рис. 12. Слева — предполагаемое размещение застежек из Гульбища; справа — современный гуцульский полушубок.

лишь отчасти уступающих Гульбищу по размерам. Один из них в 20 м от Гульбища раскопан Самоквасовым в 1872 г. и описан под именем Безымянного. Высота кургана

⁷⁴ Среди многочисленных былин, место действия которых связано с Черниговом, особенно интересна своими историческими деталями и упоминанием старейшего эпического богатыря Святогора былина «О победе богатырей Черниговского князя Олега со Святогором во главе над князем Додоном». А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, том III. Мезень. СПб., 1910, стр. 249—255.

Во славном во городи во Чернигове,
Да у ласкова-ле у князя-ле у Олеговича
Собиралися все его богатыри
И славный богатырь Святогор его...

Князь Олег известил богатырей о рати, идущей на Чернигов из степей, и просил защитить его от князя Додона. Олег угостил богатырей вином, Святогор выпил четыре чарочки в полтора ведра. В поединке Святогор победил вражеского всадника, разбил все войско и с победой вернулся в Чернигов. Олег, желая наградить Святогора Романовича, предлагает ему «сесть с приселками», но богатырь просится во чисто поле, где встречает Илью, Добрыню и Алешу и уговаривает их ехать дальше к морю искупаться в водах прохладных. На обратном пути богатыри встретили огромный гроб, оказавшийся по росту только Святогору, который лег

Среди обломков резной кости есть кусок гребенки с орнаментом из налегающих друг на друга углами квадратов, прочерченных двойным контуром. Совершенно такой же орнамент имеется на гребнях из Черной Могилы, из Седнева и из кургана в Приладожьи.

Судя по узору бляшек и гребенки, Безымянный курган следует датировать первой половиной X в. Хронологически он стоит между Гульбищем и Черной Могилей. Отсутствие оружия на вершине первоначальной насыпи сближает Безымянный курган с большими курганами «в Березках». Как те, так и этот принадлежали черниговским дружинникам, но не княжескому кругу.

Черная Могила. Признавая Черную Могилу по ее величине, местоположению и

в него и умер. Товарищи похоронили Святогора, навалили на него камень и написали:

Лежит под тем камнем
Сильный могучий богатырь Святогор Романович
Он родившись же был во городе в Чернигове
По судьбе же бога он помер во чистом поле...

наличие одновременно оружия и ритуальных предметов погребением одного из неизвестных нам черниговских князей эпохи Святослава, мы должны особенно внимательно рассмотреть инвентарь этого знаменитого кургана.

Обзор начнем с оружия.

Мечи в Черной Могиле относятся к двум различным типам (см. рис. 9).

сти, принадлежавший самому князю и надетый на него перед похоронами.

Размеры меча (в см)

Общая длина	около 105
Длина клинка	около 90
Рукоять с навершием и перекрестием	15
Рукоять	9
Толщина рукояти	3
Длина перекрестия	12
Ширина клинка	5 5

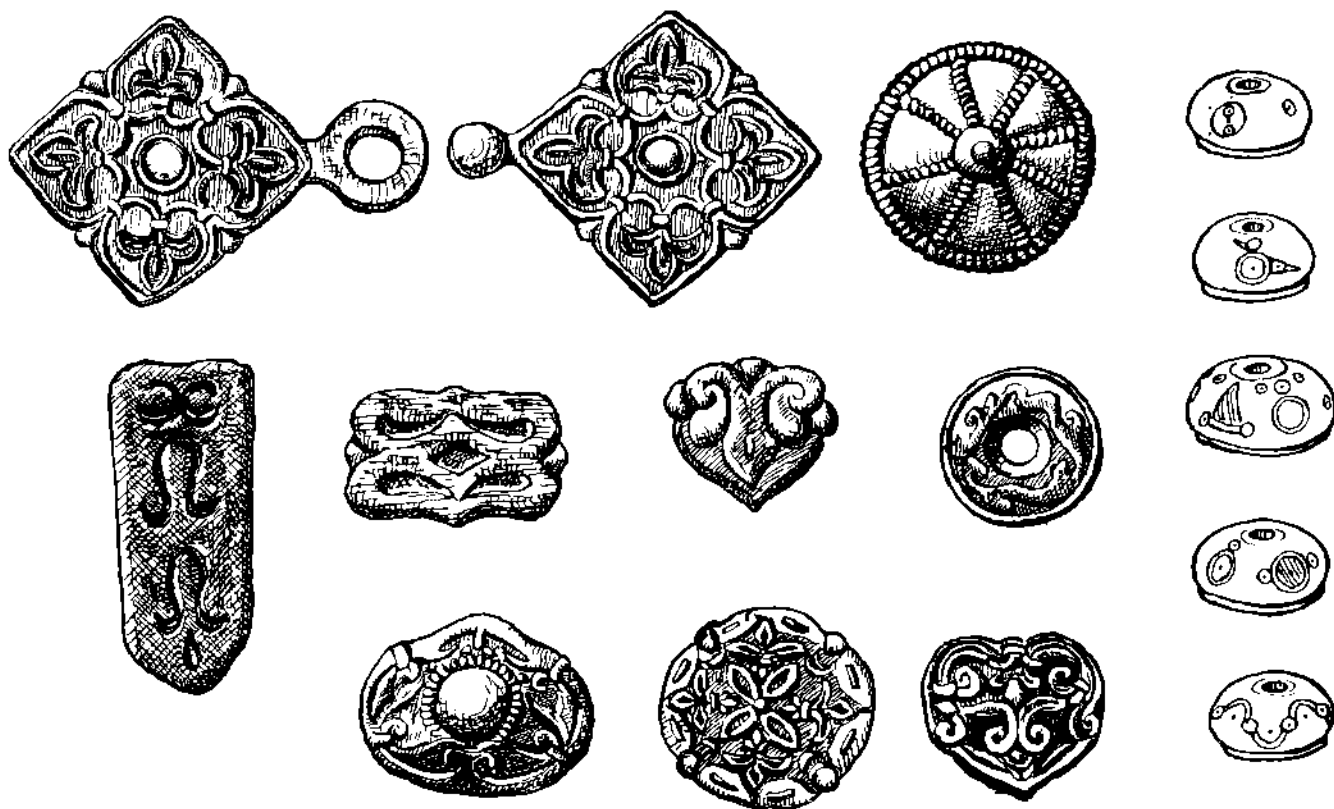

Рис. 13. Застежки, бляшки и пуговицы из Гульбища.

Один из них — обычного типа и ничем интересным не отличается. Размеры его невелики. Общая длина около 82 см, клинок — 65 см, шириной 5.5 см. Собственно рукоять всего только 8.5 см. При параллельности перекрестия и основы навершия в это незначительное пространство могла войти лишь небольшая узкая рука. Между прочим, это еще один аргумент в пользу того, что второй покойник Черной Могилы — юноша. Подобные мечи в Западной Европе относятся к первой половине X в. (тип V по Петерсену). Перекрестие и навершие меча украшены ромбической серебряной насечкой, часто встречающейся на мечах этой эпохи. Ближе всего по типу меч из Приладожья X в.⁷⁵ Значительно бóльший интерес представляет второй меч, лежавший в самом низу груды оружия, по всей вероятно-

Рукоять меча богато украшена позолоченным серебром с гравированным узором. Главная отличительная особенность этого меча заключается в изогнутом, опущенном перекрестии и приподнятом навершии. Почти все западноевропейские мечи этого времени отличаются одной особенностью: две параллельных плоскости навершия и перекрестия так плотно зажимают руку воина, что воин лишен возможности вытянуть меч в одну линию с рукой, как это принято при современном способе кавалерийской рубки. Клинок меча каролингского типа образует с локтевым суставом руки воина прямой угол, что сильно ограничивало размах, уменьшало силу удара и позволяло использовать лишь часть полезного коэффициента меча.⁷⁶ Русские оружей-

⁷⁵ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч. Курган в Вахрушеве близ Тихвина.

⁷⁶ Воин, который попытался бы рубить каролингским мечом приемами современной кавалерийской рубки, рисковал вывихнуть себе руку, так как угол навершия упи-

ники, приравливая мечи к рубке с коня, внесли серьезные изменения в конструкцию европейского меча. Они опустили мешавшее руке воина перекрестие вниз, врезавшиеся в рукоострые углы навершия они срезали и получили в результате совершенно новый тип меча с повышенной эффективностью.

Меч из Черной Могилы — один из первых представителей этого усовершенствованного типа меча, приспособленного для конного боя. Появление самой потребности в таком оружии надо связывать с южнорусскими степями, где незадолго перед этим возникло оружие с большим будущим — сабля, оружие конных воинов, действующих на просторе. Под влиянием сабли и палаша, приучивших русских воинов к размашистой широкой рубке с коня, произошло видоизменение общеевропейского типа меча X в.

Подобные мечи известны из Новгородской земли, но наиболее близок меч из окрестностей Киева с богато орнаментированной рукоятью и верхней обоймой от ножен.⁷⁷ Киевский меч во всех своих конструктивных частях воспроизводит форму черниговского. Звериный и растительный орнамент, украшающий его рукоять и ножны, обычен для русского искусства X—XI вв. Вопрос о месте изобретения меча типа Черной Могилы не может быть решен окончательно, но здесь нелишним будет сослаться на мнение шведского археолога Т. Арне, стремившегося везде, где только можно, видеть скандинавские вещи. Приводя норвежские и шведские аналогии, он писал о мече из Черной Могилы: «Этот тип меча родился, по всей вероятности, в России под влиянием Востока».⁷⁸ Если уж Арне не решается говорить о западном происхождении черниговского типа меча, а указывает на Русь, как на его родину, то мы со своей стороны можем говорить об этом более решительно.

В Черной Могиле рядом с мечами была положена и сабля. Длина клинка около 70 см. Изгиб слабый. Рукоять коленчатая, отделенная от клинка массивным приливом. Наличие сабли в составе русского княжеского вооружения говорит о том, что этот новый вид оружия уже применялся на Руси в X в. Если сабли и однолезвийные мечи появились где-то в районе салтовской культуры, то именно Чернигов имел больше всего связей с районом Донца, и в Чернигове раньше, чем в других

местах, должно было бытовать оружие степных воинов.

Постоянные войны с печенегами, уграми, хазарами и «внутренними болгарами», которые вели руссы в IX—X вв., вызывали особое внимание к подвижному конному войску и его снаряжению. Черниговские и киевские оружейники дали в руки русским воинам оружие, которое сочетало все качества западноевропейского мечевого клинка с конструктивными выгодами восточной сабли — меч типа Черной Могилы.

Не этими ли мечами, столь удобными для конников, так интересовались в 943 г. арабы, что раскапывали могилы руссов, чтобы извлечь из них мечи?

Помимо мечей и сабли, в Черной Могиле найдены колья в количестве 10 экземпляров. Часть их находилась в гряде оружия, а часть около головы князя. Были ли среди них черешковые колья — сулицы, неизвестно. На кострище уцелел единственный топор. Форма его ближе к рабочему топору, но по размерам его следует отнести к оружию.

В головах покойников и отчасти в гряде оружия найдено пять ножей; некоторые из них в костяных рукоятях. Оселки для точки ножей встречены там же. Есть оселок, направленный в позолоченное серебро.

Стрелы Черной Могилы очень близки к гнездовским. Здесь есть и обычные для русских древностей ромбовидные, и узкие трехгранные, предназначенные для проникания в скважины кольчуги, и двурогие стрелы с широкой площадью поражения.

Доспехи состояли из массивного щита, вероятно деревянного, к которому была приклепана железными заклепками массивная бронзовая обшивка. Возможно, что к конструкции щита относятся обломки слегка согнутых железных стержней толщиной около 2 см. Кольчуги Черной Могилы плотного хорошего плетения из колец, круглых в поперечном сечении. Часть колец сделана из медной проволоки. Судя по позднейшим кольчужным изделиям, медные кольца в 3—4 ряда применялись для оторочки бармицы шлема, ворота, рукавов и подола кольчуги.

Из шлемов можно описать только один, так как второй шлем (меньших размеров) был отдан Д. Я. Самоквасовым в Киевский университет. Шлем, хранящийся в Московском Историческом музее, склепан из нескольких железных пластин и обтянут медным позолоченным листом. Места склепки пластин вырезаны волнообразно, и на каждом выступе помещена заклепка. Спереди у него три вертикальных накладки, по низу идет обруч в 2 см шириной, к которому сзади прикреплена кольчужная бармица. Наверху все пластины корпуса шлема собраны под шишак, имеющий наверху (как и шлем из Гульбищ) втулку для перьев. По бокам

рается в залястье. Рубка могла производиться только согнутой рукой. Произведенные мною эксперименты по материалам ГИМ показали, что окружность, образуемая концом меча при рубке согнутой в локте рукой (этот способ часто изображался на миниатюрах), значительно меньше, чем при рубке вытянутым в руке клинком.

⁷⁷ Материалы Киевского Исторического музея.

⁷⁸ Т. Арне. *Le Suède et l'Orient*. Uppsala, 1914, стр. 31.

шлема прикреплены две квадратных бляшки с торчащими горизонтально небольшими остриями. Шлем из Черной Могилы, будучи новым, производил, вероятно, впечатление пышного и богатого убора: золотая поверхность шлема, украшенная боковыми бляшками, внизу переходила в серебристую волну бармицы, окаймленную бронзой, а наверху над шлемом развевался плюмаж. Даже заклепки здесь играли орнаментальную роль (см. рис. 10, 4).

Формально к разделу оружия мы должны были бы отнести и два широких обоюдоострых ножа, которые иногда сопоставляют с франкскими скрамасаксами. Но по существу эти ножи мы должны выделить из общей массы

были сожжены на кострище, а рядом с кострищем, на материке был поставлен большой железный котел, внутри которого лежали кости и голова козла. Нож был положен на котел сверху горизонтально. Такие котлы были обязательной принадлежностью русского дружинного погребального обряда. Обычно в них находят кости барана, бараньи черепа с рогами и даже шерсть. Последнее обстоятельство указывает на то, что жертвенный баран не сжигался обычным порядком на погребальном костре, так как тогда шерсть обязательно сгорела бы. Жертвоприношение барана (а иногда и кур) в качестве последнего этапа погребального обряда производилось очевидно особым образом, так,

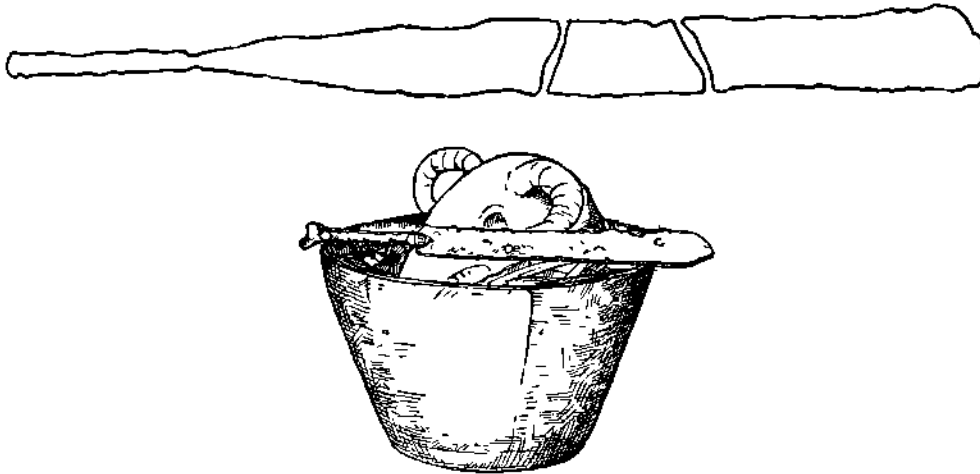

Рис. 14. Жертвенный нож из Черной Могилы. Внизу — жертвенный нож, котел и череп козла из Гнездова.

воинского снаряжения. Во-первых, их форма очень необычна для русского оружия. Ни для колющего, ни для рубящего удара они непригодны. Рукоять у них плавно переходит в лезвие без всякой видимой грани, что также необычно для оружия. Во-вторых, самое местоположение этих ножей рядом с турьими рогами и жертвенным сосудом заставляет предполагать совершенно особое предназначение этих ножей.

Большой интерес представляет находка подобного ножа в Гнездове. В раскопках С. И. Сергеева в кургане № 74 был найден обоюдоострый нож с тонкой железной рукоятью⁷⁹ (рис. 14). Рукоять ножа украшена небольшим гранчатым навершием, обтянутым серебром; далее, возможно, шло кольцо. Между рукоятью и клинком помещено на каждой стороне по серебряной мужской голове с бородой. Особенно примечательно место этого ножа в кургане. Покойники

чтобы все животное целиком досталось бо- жеству — поэтому мы встречаем и шерсть и рога. Для этого же нужен был и большой сосуд, чтобы слить, собрать в него кровь жертвы. Обоюдоострый нож с необычным для оружия изображением бородатого мужчины, положенный поверх сосуда с остатками жертвенного животного рядом с погребальным костром, является убедительным доказательством связи ножа с ритуалом жертвоприношения.

В Черной Могиле на вершине первичной насыпи, прежде чем уложить снятые с кострища доспехи, был поставлен большой железный котел, наполненный пережженными бараньими и птичьими костями, клочьями бараньей шерсти, поверх всего лежала голова барана с рогами.⁸⁰ Около этого котла и найдены два ножа-скрамасакса гнездовского

⁷⁹ А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 46, 48, рис. 113—115 и 141.

⁸⁰ Обугленность бараньих костей и одновременно наличие шерсти как бы противоречат одно другому. Но вполне возможно, что жертвенный баран съедался в жареном виде, а его шкура (а может быть и кровь) и кости складывались в котел.

типа, имевшие, очевидно, прямое отношение к обряду заклания жертв.⁶¹

Конское снаряжение представлено в Черной Могиле стременами с округлой профилированной подножкой и ушком, отделенным более узкой перемычкой; прорезь для путалища прямоугольная. Эти стремена сходны со стременами из Гульбища (но уступают им по размерам) и резко отличны от стремян из срубной гробницы в Гущине, где стремя не имеет ушка, а только утолщение верхней части и прорезь в нем.

Одежда в Черной Могиле, естественно, представлена слабо. Есть простые бронзовые наконечники пояса (6 экз.) и гладкие поясные кольца, но наборные бляхи не сохранились. Имеется серебряная круглая фибула для легкого плаща, но неизвестно, кому из погребенных она принадлежала.

Из женских вещей сохранились однобусинные височные кольца и большое количество слитков золота, серебра и стекла. При разборе музейных материалов нередко среди слитков обнаруживались слитки стекла с отпечатками на них узорных металлических вещей, позднее расплавившихся в огне. Найдены обломки костяных гребней и рукоятей с гравированным узором. Интересна плетенка из квадратов, совершенно аналогичная плетенке, встреченной в кургане Безымянном и в кургане № 8 в Седневе, а также и в Приладожьи.

Важной в археологическом отношении является находка глиняного пряслица. Здесь, в богатом княжеском погребении пряслице еще глиняное. Значит, в середине X в. шиферные пряслица еще не появились. Случайно уцелело некоторое количество золотой канители и тонких золотых спиралек, по всей вероятности, от головного убора.

К женскому рукоделью относятся две проколки — одна бронзовая, а другая костяная, выточенная тончайшим образом. Проклочка предназначалась для очень тонких вышивальных работ (рис. 16).

Очень важна в археологическом отношении и керамика черниговских курганов. Горшки с волнистым орнаментом найдены в курганах «в Березках». В Гульбище найдены лишь фрагменты. В Черной Могиле найдены два горшка. Оба они сделаны на гончарном кругу. Венчик довольно круто отогнут и хорошо профилирован, тулово украшено линей-

⁶¹ Баран (овен, агнец) как жертвенное животное применялся повсюду. Определить, какому божеству славянского языческого пантеона был посвящен баран — трудно. У русских крестьян в XIX в. Ильин день называли «Бараний рог», в этом случае мы можем связывать барана с Перуном. Постепенно жертвенное животное замещалось испеченным из теста символом: колова — караваем, баран — баранкой, петух — поткой из теста. Заклание барана (или козла) было, судя по всем данным, последним актом погребального обряда. Котлы с остатками жертвенного животного ставились рядом с кострищем или на вершине кургана.

ным орнаментом. Весь облик горшка, симметричного и тщательно сделанного, свидетельствует об устойчивых ремесленных навыках (рис. 15). В других курганах Чернигова и одновременных им курганах Седнева мы встречаем керамику сходного облика, гончарную, симметричную, далеко ушедшую от ранней «полугончарной» керамики. Орнамент встречается как линейный, так и вол-

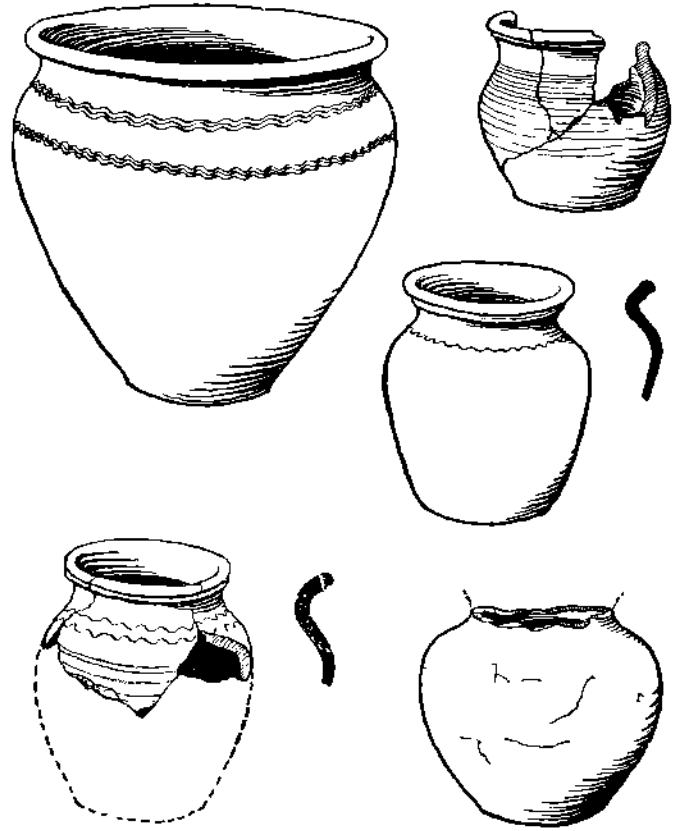

Рис. 15 Керамика черниговских курганов X в.

нистый. Возникновение гончарного круга здесь нужно отодвигать к IX в., а может быть, и еще раньше, так как в X в. керамика Чернигова носит явно ремесленный характер. В это время окончательно сформировался тот устойчивый тип «горнцов», который на несколько столетий стал основным видом кухонной посуды.

Сосудами для жидкостей (мед, вино, пиво) служили в Чернигове деревянные, окованные железными трехгранными обручами ведра с железными ушками и дужками. Размеры их были обычно не больше 25—30 см в диаметре, и только у боярина из Гульбища его ведро достигало почти 40 см в диаметре, напоминая былинную

Чару зелена вина
В полтора ведра.

В Черной Могиле у изголовья покойников было найдено около полутора десятков деревянных ведер.

Орудия труда, к сожалению, немногочисленны. У ног женщины лежало 10 серпов, но установить точно их тип не представляется возможным. Большой интерес представляют плотничные инструменты — топор, долота и скобель, при помощи которых был сделан «бдын», смертная домовина князя. Долота не сохранились, а скобель хорошо виден на фотографии. Его назначение — сдирать кору и выстругивать бревна и доски. Топор, как уже говорилось, представляет собой среднее между оружием и орудием труда. Интересно местоположение топора среди замка, ключей и зерен ржи и пшеницы. А. Котляревский указывает, что у ряда славянских народов (в том числе у русских Воронежской области) во время похорон кладут топор у порога избы, а дорогу посыпают житом.

Все это является дополнительными аргументами в пользу того, что сожжение производилось в домовине или «бдыне». Дверь домовины могла быть заперта замком. Бдын-домовина был, очевидно, ориентирован по странам света; дверь должна быть на востоке, в ногах покойника. Топор расположен как раз у предполагаемого порога.⁸²

В Черной Могиле найдена бронзовая бочковидная гирька, но она настолько пострадала от огня, что взвешивать ее бесполезно.

Для истории древнерусского быта большой интерес представляют игры, найденные на кострище: бабки, зернь и фигуры какой-то игры вроде шашек или шахмат (рис. 16). Свыше сотни бабок и бронзовая битка к ним — это уникальная находка детской игры. Способы игры в бабки очень разнообразны, но сама игра распространена повсеместно.⁸³ Полусферические костяные фигуры с шариком наверху можно признать или пешками шахматной игры или шашками («леки») или же фишками какой-либо иной игры с доской (типа греческой мельницы или иной).⁸⁴

Обычной находкой для русских дружинных курганов являются костяные брусочки с очками от 1 до 6. Своеобразной является их форма — две грани параллелепипеда квадратные, а остальные четыре — прямоугольные, в 2—3

раза длиннее короткой стороны. При таком устройстве очень трудно, бросая «кубик», выбросить то очко, которое обозначено на квадратной грани. На длинных гранях обозначены очки: 3, 4, 5, 6. Такие кости могли служить для счета, когда играющий не выбрасывал кость для получения случайного результата, а ставил кость определенной цифрой вверх. Возможно, что кости имели не только игровое значение.⁸⁵

Большой интерес представляет небольшой бронзовый идольчик, вероятно не бывший в огне и положенный под доспехи на вершине кургана. К сожалению, до химической расчистки его, очень трудно что-либо сказать об этой сидящей человеческой фигурке с каким-то предметом в руках (рис. 17).

Для того чтобы закончить обзор инвентаря Черной Могилы, нам необходимо рассмотреть два наиболее замечательных предмета — туры рога, положенные вместе с жертвенным котлом и ножами для заклания жертвы на вершине насыпи во время (или после) тризны. Турый рог являлся сосудом для питья — ритонном. Такое назначение рогов прослеживается еще со времен позднего палеолита, когда рога предшествовали появлению глиняной посуды. Этот глубокий архаизм ритонов способствовал сохранению за ними функций не только бытовых, но и ритуальных сосудов.

О бытовом применении турьих рогов нам говорит целый ряд источников. Русская Правда предусматривает возможность удара рогом на пиру. Мартин Галл сообщает об употреблении рогов при дворе Болеслава Храброго. Герборт говорит о том, что бояре города Щетина, собираясь в своих контингах, пили из рогов, украшенных золотом и камнями. На миниатюрах жития Бориса и Глеба турья рога на особых подставках изображены на пиршественном столе. Иван III послал псковичам турый рог, окованный золотом.⁸⁶

Воспетые в былинах древнерусские пиры

⁸² В связи с этими костями, помеченными очками от 1 до 6, следует обратить внимание на одну миниатюру Радзивилловской летописи (лист 46 оборот). Она иллюстрирует текст известного сказания о принесении в жертву славянским богам в Киеве одного молодого варяга. Старцы сказали: «мечем жребьи на отроку и на левици...» Несчастный жребий достался отроку-варягу. На миниатюре изображен князь Владимир, руководящий жеребьевкой, и безбородый юноша, держащий в руке такую же кость, как в Черной Могиле с 6 очками. На столе лежат две других кости, на которых обозначено 4 и 5 очков. Очевидно число 6 считалось несчастливым. Замечу, что при игре в бабки четные цифры означают проигрыш, и чем больше четная цифра, тем крупнее проигрыш. При шести очках на кости цифра 6 должна считаться самым крупным проигрышем, а когда кость служила для ритуальной жеребьевки, то шесть очков означали проигрыш жизни.

⁸³ Одиноко стоит не подкрепляемое источниками мнение Н. Финдейзена о том, что туры рога из Черной Могилы являются музыкальными инструментами, а именно охотничьими рогами. См. Н. Финдейзен. История русской музыки, т. I, М., 1928, стр. 2.

⁸² При таком расположении домовины мужчина занимает правую от входа, а женщина левую стороны дома, т. е., так, как прослежено П. Н. Третьяковым в городище Березняки. (К истории племен Верхнего Поволжья. МИА СССР, вып. 5). Такое же расположение мужчин и женщин по отношению ко входу сохранялось у старообрядцев в церкви. Бдын — погребальная постройка считалась обязательной принадлежностью языческого обряда; княгиня Ольга, став христианкой, отвергла смертную домовину «призва сына своего Святослава и заповеда ему с землею равно погребстись, а могилы не суги, ни тризны творити, ни бдыня деяти» (А. Котляревский. Ук. соч., стр. 118).

⁸³ Игры народов СССР. М.—Л., 1933. Бабки, козны, лодыжки, костычи, стр. 458—466.

⁸⁴ Учитывая стандартность всех костяных фишек, их трудно признать шахматными фигурами, так как должны были бы сохраниться не только одни пешки.

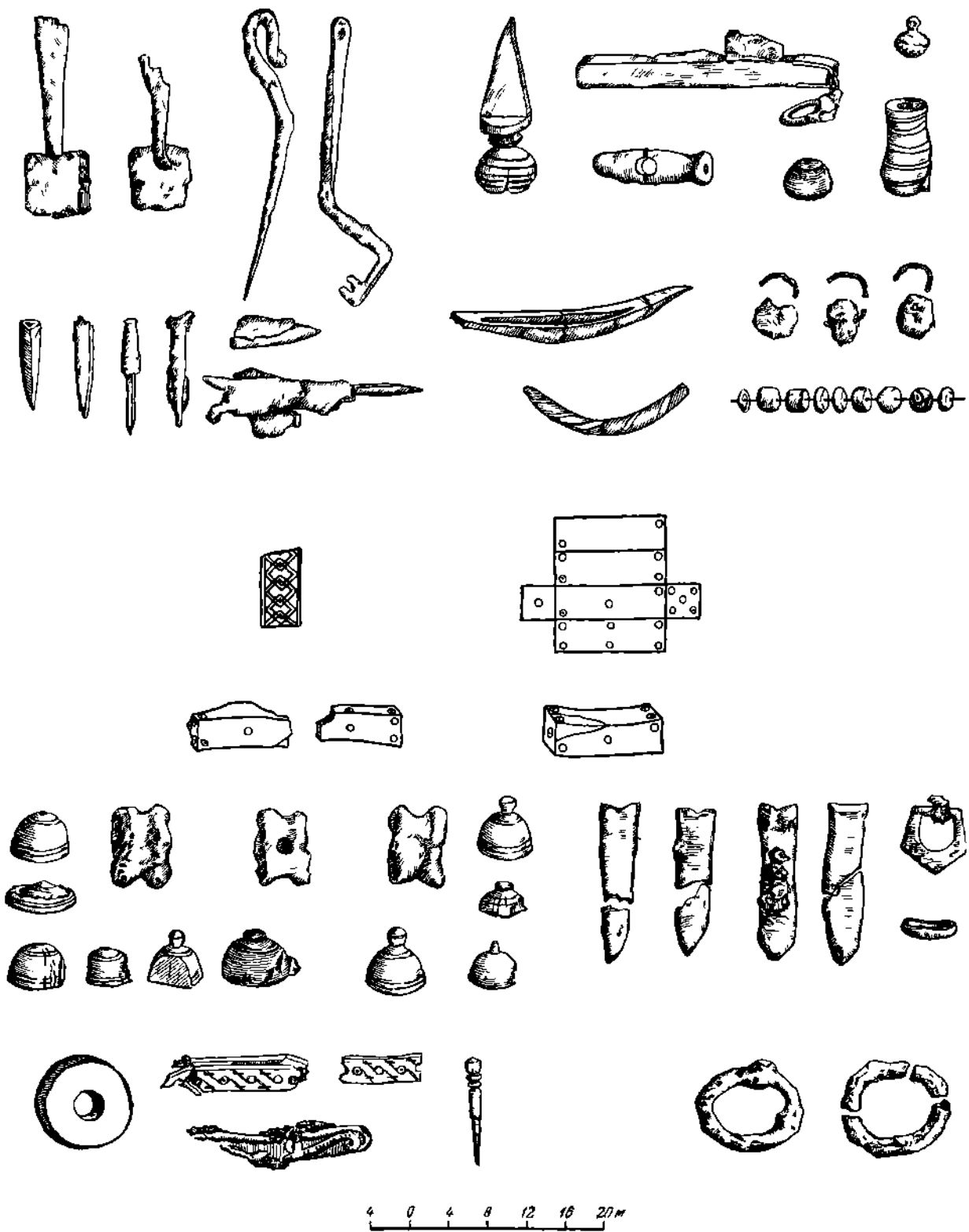

Рис. 16. Мелкие вещи из Черной Могилы: ключи, оселок, стрелы, височные кольца, бусы, игральные кости, бабки, шашки, поясной набор, глиняное пряслице, проколка для рукоделия.

сами по себе являются остатком языческого ритуала; возможно, что и питье из рогов, как наиболее архаичного типа посуды, было одним из элементов языческого праздника. Иногда источники определенно говорят о том, что культ некоторых славянских языческих богов требовал в качестве обязательного обряда питья из рогов во время священной пляски.⁸⁷

Ритуальное значение рогов-ритонов явственно выступает в скифском искусстве. Скифопобратимы пьют кровь с вином из рога, скиф перед богиней стоит с рогом в руках (Чертомлык), всадник торжественно держит в руках рог-ритон, преподносимый богине (Керчь, Карагодеуашх). Каменная баба скифского времени с Нижнего Днепра в качестве атрибута божества имеет большой турий рог. В кургане Карагодеуашх в качестве погребальной обрядовой посуды положены на двух блюдах две пары ритонов. Это очень близко напоминает Черную Могилу.

Турий рог впоследствии становится обязательным атрибутом славянских богов. Арконский Святovit держал в руках огромный рог с вином; каменный рельеф из Альтенкирхена близ Арконы изображает бородатого мужчину с большим рогом в руках. Среди западнославянских древностей есть идола, изображающие мужчину с рогом. Знаменитый збручский четырехликий идол «Святovита» на одной из граней имеет изображение женщины с турьим рогом в руках.⁸⁸ На новых фотографиях Краковского музея можно видеть и детали этого рога: устье его оковано широкой полосой, в средней части заметна ромбическая накладка, совершенно аналогичная ромбам черниговских рогов, а узкий конец имеет завершение, заставляющее вспомнить об орлиных головах из серебра, которыми заканчивались туры рога из несохранившейся находки 1851 г. в кургане княжны Черны.

Приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы показать, что туры рога широко бытовали в славянской среде и были очень тесно связаны с языческим культом, являясь атрибутом славянских богов и необходимой принадлежностью ритуального пира.⁸⁹

⁸⁷ «...кладут требу... упирем и берегыням и Переплуту и вертыячеся пьют ему в розех», т. е., приплясывая, пьют из рогов в честь бога (Слово св. Григория). Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 384.

⁸⁸ А. А. Захаров, выискивавший ориентализмы в збручских изображениях, не обратил внимания на поразительное соответствие изображений русским бытовым вещам X столетия. Примером такого соответствия является турий рог в руках богини и туры рога из курганов X в., См. ESA, т. IX.

⁸⁹ Для ритонов употребляли по преимуществу туры рога как потому, что рога этого огромного животного давали сосуды значительного объема (что было необходимо для круговой общей чаши), так и потому, что тур почитался священным животным. Тур был божеством,

Наличие диких туров в окрестностях Чернигова подтверждено известной фразой Владимира Мономаха о его охотничьих успехах в бытность черниговским князем. Ряд былин имеет запев о «турице златорогой» возле города Чернигова. Любопытно отметить, что первая статья о древнерусских турьих рогах вышла из-под пера черниговского жителя, отставного генерала Маркова, еще в 1816 г.⁹⁰

В 1851 г. во время строительных работ в Чернигове был разрушен курган, который местное предание связывало с именем мифической княжны Черны, будто бы бросившейся

Рис. 17. Бронзовый идол из Черной Могилы.

с терема после взятия Чернигова древлянским князем. На самом деле курган покрывал собой богатое дружинное погребение воина в кольчуге. Среди прочих вещей была найдена «серебряная окова большого рога с резьбой и с чернью — гладкой и тонкой работы, узкий конец ее был отделан в виде орлиной головки».

С тех пор неоднократно в русских дружинных курганах IX—X вв. были находимы оковки турьих рогов. Серебряная оковка с городчатым орнаментом найдена в срубной гробнице в Шестовицах близ Чернигова, аналогичная оковка встречена Н. Е. Бранденбургом в кургане на р. Паше в Приладожьи, такой же городчатый орнамент имеет оковка

ством, близким к Яриле. Сохранилось множество урочищ по всей России, связанных с эротическим культом тура. «Турова божница» упоминается в летописи в XII в. Среди славянских амулетов находим подвески с изображением турьей головы (у радимицей). «Турица» — праздничный языческий маскарад широко известен у различных славянских народов. Возможно, что почитание туров способствовало выбору для ритуальных сосудов-ритонов именно турьих рогов.

⁹⁰ Черниговские губернские ведомости 1851, № 26, стр. 237. Эти замечательные вещи были во владении Сердобина или князя Куракина и бесследно исчезли.

рога из Гнездова. В Гнездове встречен и другой тип оковки, составленной из отдельных бляшек, набивавшихся по устью рога.⁹¹

Наиболее яркими и интересными по художественности исполнения бесспорно являются два турьих рога из Черной Могилы. Эти турьи рога впервые были изданы Д. Я. Самоквасовым в 1874 г.⁹² С тех пор они часто привлекали внимание историков искусства.

Рога разной величины. Один из них 54 см в длину, а другой, со знаменитым тератологическим фризом,— 67 см длины. Никаких

как были закончены все погребальные обряды. Возможно, что, прощаясь с умершим, перед тем как окончательно засыпать землей его останки, родичи, поминая его, «пили в розех» и положили эти рога рядом с оружием.

Оба рога одинаково окованы серебром вокруг устья и украшены квадратными накладками в средней части (рис. 18). Ф. Я. Мишуков при реставрации рога с тератологическим фризом в 1935 г. обнаружил гравированный орнамент из завитков на самой роговой поверхности в промежутках между серебря-

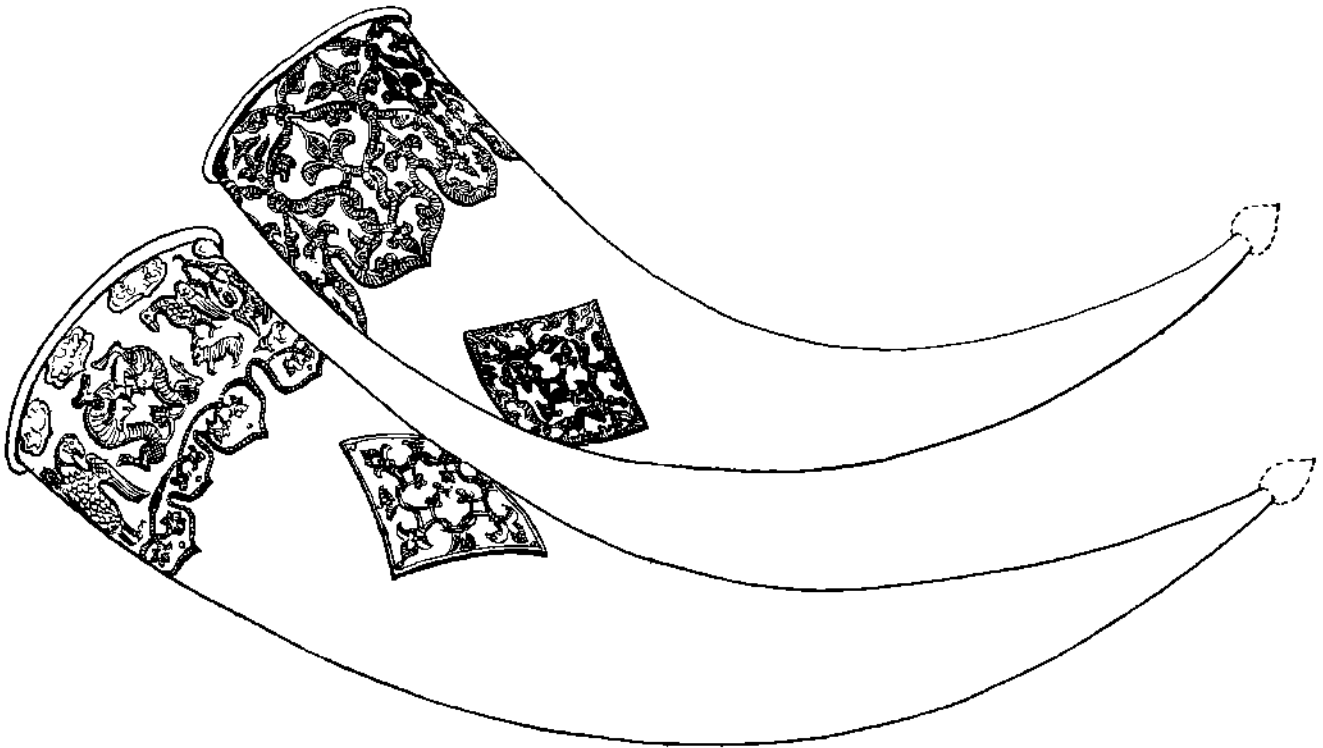

Рис. 18. Турьи рога из Черной Могилы.

следов огня на тонкой серебряной оправе рогов нет. Страшный жар грандиозного погребального костра, сплавивший в стекловидные слитки все украшения покойников, не коснулся хрупкого серебра турьих рогов. По всей вероятности, они были положены после того,

⁹¹ Шестовицы — материалы Черниговского областного музея. Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья, табл. IX, рис. 4, стр. 70. В. И. Сизов. Смоленские курганы, табл. 4, рис. 5, А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках И. С. Абрамова. ЗОРСА, т. VIII, рис. 37.

⁹² «Древняя и Новая Россия». Значительно лучший рисунок опубликован в посмертном издании Д. Я. Самоквасова «Могильные древности Северянской Черниговщины» М., 1917, рис. 14. В Борна в специальной статье, посвященной русскому тератологическому орнаменту, пытается доказать северогерманское происхождение рисунка на оправе рога. Порочность концепции Борна вскрыта А. С. Гушиным (Памятники художественного ремесла древней Руси, 1936). Но Гушин, опубликовав попутно фотографию рога, не дал ни описания, ни анализа изображений.

ными накладками. Квадратные накладки на боковых сторонах рогов украшены орнаментом, образованным из тех же элементов, что и узор на оковке устья рога.

Композиция этого узора очень проста и широко распространена в X—XI вв. на Руси. В основе — четыре «крива», обращенные корнями к центру квадрата, а остриями цветов направленные к углам. Мы видим этот узор на поясных бляхах Гнездова и Приладожья, на застежках кафтана из Гульбища, мы находим его на плаще Ярослава, на фреске из Нередицы и на ряде других вещей и изображений. В народной вышивке XIX в. этот узор с его четырехсторонней композицией является очень широко распространенным.

Зная, что единичные изображения крива рассматривались в древней Руси как символ жизни, плодородия (крин на колтах, на плащах святых, на головных уборах), мы должны и четырехкратному повторению этого симво-

ла, направленному в разные стороны, придавать также символическое значение. Это тем более вероятно, что на ритуальном сосуде все, каждый узор, каждая деталь, могло иметь особый магический смысл. Магический узор, обращенный «на все четыре стороны», следует сопоставлять и с четырехликими статуями богов (збручский идол и кельтские божества), и с многочисленными заговорами, где упоминаются четыре ветра, поклон на четыре стороны, т. е. со стремлением славянина-язычника обезопасить себя со всех сторон. К этому

Рис. 19. Серебряная оковка малого турьего рога.

кругу понятий относится и культ перекрестков дорог («столп на путях»). Графическим выражением этого желания обезопасить себя круговой обороной от злых духов и являются четыре кривы, излюбленная орнаментальная композиция X в. Косо поставленный квадрат, включающий в себя растительный узор, был необходимой частью этой композиции.

Один из рогов (меньший) орнаментирован сочным растительным узором, переплетенным в гирлянды.⁹³ Этот узор, близкий к иранскому, был очень распространен в древней Руси и встречается на вещах безусловно не восточного, а местного происхождения. Такова, например, рукоять меча, найденного в Киеве близ Золотых Ворот.⁹⁴ Сходство орнамента

⁹³ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности, рис. 13.

⁹⁴ В. Е. Гезе. Заметки о некоторых киевских древностях. Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. VII, вып. I.

серебряной оправы рукояти и оковки турьего рога полное (рис. 19).

Аналогичный узор через Киев проник и к западным славянам. Известны украшения переметных сум (?) из Моравии, повторяющие киевские и черниговские мотивы.⁹⁵

Другой турий рог больших размеров орнаментирован значительно сложнее. Его оправка чеканена мельчайшими пуансонами, фон позолочен, а накладные бляшки и фестоны по нижнему краю украшены чернью.

Мастер-чеканщик дал здесь замечательный фриз из различных чудовищ, птиц и людей.⁹⁶ Тератологическая композиция построена мастером таким образом, что на тыльной стороне рога расположен сложный, но симметричный узел из двух крылатых чудовищ, связанных между собой стеблем широкого листа — пальметки, вырастающего из их крыльев. Эта пальметка является своеобразным деклинационным знаком всей композиции, от которого фигуры идут влево и вправо. На крыле правого чудовища имеется сложный знак, возможно являющийся княжеской тамгой. Влево расположен еще один орнаментальный узел из двух вертикально стоящих драконов, кусающих друг друга. Хвосты их срослись и образуют пальметку такого же стиля, как и пальметка первых двух чудовищ.⁹⁷

По сторонам драконов симметрично расположены два орла, а под ногами у правого орла затерялись в завитках орнамента две маленькие собаки, стоящие особняком и не вплетенные в общее тератологическое кружево. Вправо от разделительной пальметки двух первых чудовищ помещены волк и петух. Последнее изображение не имеет аналогий ни в иранских, ни в других восточных древностях, оно отражает какие-то местные русские орнаментальные мотивы: известно, какое важное место занимает петух в русском народном

⁹⁵ О влиянии Киевской Руси на Чехию и Моравию в X в. писал чешский историк Схранил. См. I. Schranil. Několik přispěvků k poznání kulturních proudů v zemích českých X—XI st. Niederlův Sborník, Praha, 1925.

⁹⁶ Между прочим, среди западнославянских вещей X в. мы можем указать серебряные рельефы, изображающие оленей и птиц, которые по технике исполнения очень близки к этому турьему рогу: невысокий рельеф и фон, наколотый маленькими пуансонами (Курганы со срубными гробницами X в. из Желениц в Чехии). См. I. Schranil. Ук. соч., табл. VI, рис. 1 и 1а.

⁹⁷ Мотив двух стоящих зверей, кусающих друг друга, хорошо известен русским курганным древностям X—XI вв. В кургане у с. Белогорья близ Суджи (на южной окраине Северской земли) найдена подвеска к ожерелью с изображением двух переплетенных драконов (Коллекция ГИМ, Собрание Г. Д. Филимонова), чрезвычайно близких к группе на турьем роге. Аналогичная подвеска есть и в Гнездове (В. И. Сизов. Смоленские курганы. СПб., 1902, табл. IV, рис. 1). Наиболее поздней вещью с изображением таких драконов и пальметки является браслет тверского клада XII—XIII вв. Характер пальметки не имеет ничего общего со скандинавским орнаментом и указывает на юго-восток.

творчестве, фольклоре и мифологии. То же самое можно сказать и о волке.

Центральное место в орнаментике оправы отведено композиции из двух человеческих фигур и орла.⁹⁸ Эта композиция приходится как раз на противоположном конце оправы

ли две маленькие фигурки людей, затерявшиеся среди огромных чудовищ, цветов и трав, покрывающих поле серебряной оправы. Их считали то охотниками, то детьми, заблудившимися в лесу. Самоквасов называет левую фигуру мальчиком, а правую девочкой.

Рис. 20. Серебряная оковка большого турьего рога из Черной Могилы. Наверху — общий развернутый вид оковки; внизу — деталь.

от разделительной пальметки; она обращена к лицу пьющего из кубка и, таким образом, является центральной и основной (рис. 20).

Внимание исследователей давно привлека-

⁹⁸ Во всех многочисленных изданиях турьего рога совершенно не обращалось внимания на закономерность расположения и симметричность фигур. Поэтому некоторые композиционно единые группы оказывались разрезанными «по живому» при разворачивании рисунка на плоскость.

Обе фигуры обращены вправо, в сторону орла, склонившего голову.

Левая фигура изображает бородатого мужчину в какой-то малопонятной одежде, вроде длинной рубахи (кольчуга), без шапки. Правая рука протянута вперед и как бы ловит что-то. В левой руке — большой лук сложной системы с ясно обозначенным способом прикрепления тетивы; около охотника, за его спиной в воздухе две целых стрелы и одна разло-

манная пополам. Одна стрела ромбовидная, другая — двурогий «срежень», предназначенный для стрельбы по птицам; оба типа стрел хорошо известны по русским древностям X в. и найдены в той же Черной Могиле. Одна стрела как бы направлена в затылок мужчины.

Правая фигура — женская, с колчаном у пояса, держит лук в левой руке, а правая рука согнута таким образом, как будто бы охотник только что спустил тетиву.

Отличием этой фигуры является разделка волос и длинные косы, спускающиеся от правого виска к бедру. Можно даже разглядеть нечто вроде двух височных колец в том месте, где прическа переходит в косу. Судя по косам, это — девушка.

Орел изображен непропорционально большим; голова его склонена вправо, крылья распростерты. Держит ли он что-либо в когтях — сказать трудно, так как нижняя часть изображения отломана. При общем взгляде на всю композиционную группу из двух охотников и орла создается следующее впечатление: охотники стреляют в хищную птицу, но ни в птице, ни около нее стрел нет; они как бы возвращаются обратно к охотникам и изображены за их спинами летящими в обратном направлении в беспорядке, оперением вперед и частично поломанные. Протянутая рука левого охотника, может быть, ловит эти возвращающиеся стрелы. Все это напоминает сказочные сюжеты о заколдованной птице и о возвращающихся стрелах⁹⁹ (рис. 20). В русских сказках и былинах мы найдем много эпизодов, героями которых являются птица (вещая), мужчина и девушка. Часто мужчина освобождает девушку (или лебедь) от когтей хищного коршуна-колдуна.

Но мне кажется, что наиболее полную аналогию черниговскому рогу представляет черниговская же былина об Иване Годиновиче. Место действия во всех вариантах быliny — Чернигов. Сюжет быliny таков: молодой киевский дружинник (иногда племянник князя Владимира) задумался на пиру о понравившейся ему дочери черниговского гостя —

⁹⁹ Среди изделий так называемого восточного серебра есть несколько вещей с близкой композицией. В Приуралье в 1937 г. было найдено блюдо с изображением орла, держащего в лапах женщину; два охотника стоят по сторонам птицы, один из них стреляет в нее из лука. См. К. Тревер. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. Л. 1937, табл. III. Сходный, но упрощенный сюжет есть и на двух кувшинах из Надь Сент-Миклошского клада в Венгрии. Здесь есть орел и женщина, но отсутствуют охотники. Приуральское блюдо IX в. имеет много точек соприкосновения с турским рогами из Чернигова: орел, два охотника и даже две собачки, затерянные в листве, — все это имеется на обеих вещах, но несомненно, что смысл изображений там и здесь был совершенно различен. Можно допустить, что черниговский мастер конца IX или X в. видел какую-то вещь восточного изготовления, вроде упомянутого выше блюда, и она натолкнула его на создание своей композиции с аналогичными персонажами, но иным, чисто русским содержанием.

Настасье (вариант — Марье). Князь Владимир снаряжает Ивана Годиновича в путь за невестой, снабжая его казной и дружиной. В пути иногда дружина увлекается охотой. Иван прибывает в Чернигов, но там оказывается, что красавица Настасья уже просватана за Кашея Бессмертного (вариант — Кашей Трипетович). Иван Годинович силой и угрозами увозит с собой Настасью Дмитриевну из Чернигова в Киев. По дороге на них нападает Кашей и вызывает Ивана на поединок; Иван одолевает Кашея, но ему нечем «пластать Кашею белы груди», и он просит Настасью принести нож. Кашей взмолился и начал убеждать Настасью помочь ему, Кашею, против Ивана Годиновича. Одним из аргументов было то, что у Ивана жена будет портомойницей, а у Кашея — царицей. Доводы подействовали, и Настасья приняла участие в борьбе, схватила Ивана за желтые кудри и освободила Кашея; Ивана Годиновича они совместно привязали к дубу. С этого момента в былыне появляются те мотивы, которые позволяют сближать ее повествование с персонажами турьего рога.

Героями быliny остаются Кашей и Настасья (Марья), освободившиеся от Ивана Годиновича и предающиеся «забавам». Здесь в былыну вводится новый элемент:

На ту пору на то времячко
Налетала птица, черный вран,
Садился он, вран, на сырой дуб,
Проязычил языком человеческим:
«А не владеть-то Марьей Дмитриевной
Царю Кашею Трипетову,
А владеть Ивану Годиновичу».¹⁰⁰

В других вариантах вместо ворона выступают голубь с голубкой или лебеди. Далее, в былыне следует диалог между Кашеем и Настасьей. В большинстве случаев Настасья советует Кашею застрелить птиц, чтобы они не рассказали в Киеве о виденном. В редких вариантах она удерживает своего друга от стрельбы по птицам. Так или иначе, но в процессе борьбы Кашея с вещей птицей он всегда выступает совместно с Настасьей.

Скочил Кашей на резвы ноги,
Хватил Кашей тугий лук,
Натягал тетивочку шелковую,
Кладывал стрелочку каленую,
Стрелил-то в черна ворона.
Стрелил, не попал в него,
Так эта стрела взад обратилась,
Пала ему в буйну голову,
Облился он кровью горячею,
Пришла тут Кашею горькая смерть.¹⁰¹

Приведу другой вариант, в котором Настасье отведена активная роль.

¹⁰⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II, М., 1910, стр. 119. Записано в Пудогге от Никифора Прохорова.

¹⁰¹ Там же.

... И говорит Кашей Бессмертный:
 «Ай-же ты, Настасья Митриевна,
 Подай ко ты мой лук, калену стрелу,
 Застрелю я голубя с голубушкою...»
 Подает Настасья Митриевна
 Тугой лук и калены стрелы.
 А не попал-то Кашей в Ивана во белы груди,
 А пролетела калена стрела в толстый
 сырой дуб.

От сыра дуба стрелочка отскочила,
 Становилася Кашею во белы груди,
 От своих рук Кашею и смерть пришла.¹⁰²

Сказочный мотив возврата стрел к стреляющему, так хорошо изображенный чеканщиком черниговского турьего рога, здесь в былине является одним из центральных моментов. Он наличествует решительно во всех вариантах этой былины, которых исследователи насчитывают до 30.¹⁰³

Возврат стрел от птиц к Кашею объясняется то «божьем велением», то силой заговора Ивана.

Иванушко Годинович у сыра дуба приговаривает:
 «Уж ты батюшка мой тугой лук,
 Уж ты матушка калена стрела,
 Не пади-ко стрела ты ни на воду,
 Не пади-ко стрела ты ни на гору,
 Не пади-ко стрела ты ни в сырой дуб,
 Не стрели сизых малых голубов.
 Обвернись стрела в груди тагарский
 В татарский груди во царский
 А й старым старухам на роптанье,
 Черным воронам все на граянье,
 А й серым волкам все на военье».¹⁰⁴

Перед нами типичный языческий заговор оружия, который в данном случае оказался действенным. Дальнейшее течение событий таково: Настасья собирается убить Ивана Годиновича, но потом освобождает его. Освобожденный Иван обрубаёт Настасье уста, целовавшие Кашею, руки и ноги. В Киев он возвращается один без жены.

В итоге мы получаем следующее: кульминационным пунктом былинного повествования является эпизод с птицей (птицами). Здесь действует Кашей, стреляющий из лука, черниговская красавица, подающая ему лук, вещая птица, в которую стреляют, и возвращающиеся назад заговоренные, заколдованные стрелы, убивающие Кашею. Все это полностью изображено на черниговском турьем роге. Бородатый мужчина в длинной рубахе или кольчуге, только что спустивший тетиву своего лука, это — Кашей Бессмертный, стреляющий в вещую птицу. Девушка с длинными косами и с колчаном через плечо — это черниговская красавица Настасья (Марья), предмет спора двух мужчин. Здесь она изображена также с луком в левой руке. Вещий вран (или орел)

как бы собирается взлететь; его крылья распростерты и одно из них приподнято.

В вещую птицу на изображении было пущено три стрелы, как и полагается в настоящей былине или сказке, и все они оказались за спиной Кашея. Две из них — специально птицебойные двурогие «срезни», которые по широте площади поражения можно сопоставить со стрельбой дробью — меньшая сила удара, больший захват площади.

Одна из стрел переломилась «наполю» за спиной Кашея. Другая полетела прямо в небо. Третья стрела, уже боевая, с ромбическим наконечником, предназначенная не для охоты, а для войны, летит прямо в затылок Кашею, выбежавшему стрелять птицу без шлема, без шапки, с непокрытой головой. Сердце убитого Кашея должно достаться волкам, и на турьем роге волк с разинутой пастью как бы ожидает добычи.

Совпадения исключительно полные. Нет только второго героя, Ивана Годиновича. Черниговский мастер все свое внимание сосредоточил на моменте наказания Кашея Бессмертного высшими силами за посягательство на птицу.

Кто такой Кашей? Какая птица пользуется таким покровительством колдовских сил? Почему именно смерть Кашея изображена на священном ритоне черниговского князя X в.?

В былине, а тем более такой, древность которой насчитывает тысячу лет, мы вправе искать не жанровую сценку, а какой-то скрытый, более глубокий смысл. Быть может, чеканная иллюстрация к былине позволит нам установить ее литературную историю.

Начну с того персонажа, который не удостоился изображения на турьем роге — с киевского дружинника Ивана Годиновича. Мне он представляется вторичным, дополнительным персонажем, который облегчал привязывание этой былины к Киеву и окрашивал ее романтикой борьбы за красавицу. Для черниговского художника X в. он еще не существовал.

Важнейшим персонажем рисунка турьего рога является вещая птица, враждебная Кашею. Именно она олицетворяет высшие силы, побеждающие Кашея Бессмертного. На роге она больше всего походит на орла, тогда как в былине, под влиянием любовной темы Ивана и Настасьи, она превращается иногда в голубя с голубкой. Орел известен как герб города Чернигова.¹⁰⁵

¹⁰⁵ А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы. Ученые записки МГУ, вып. 93, М., 1946. Автор указывает на то, что орел был не единственным, но наиболее стойким символом Чернигова, удержавшимся до XX в. Об орле на турьем роге А. В. Арциховский пишет: «Вспоминать по давнему поводу об изображениях орла в черниговских курганах X в. (Черная Могила, Шестовицы) я бы не стал. Подобные изображения имеются в разных местах, да и гербы с орлами слишком распространены», стр. 48.

¹⁰² Там же, стр. 330—331. Записано в Пудогге от Трофима Романова.

¹⁰³ А. М. Астахова. Былины Севера. М.—Л. 1938, стр. 585—587. Здесь приведены исчерпывающие библиографические данные.

¹⁰⁴ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Т. II, Изд. 3-е, М.—Л., 1938, стр. 629.

Доказанная А. В. Арциховским глубокая древность многих русских городских гербов заставляет внимательнее отнестись к этому совпадению. Орел, из-за которого на турьем роге находит свою смерть бессмертный Кашей, — вещая птица черниговской былины, и орел — герб Чернигова (сведения о котором доходят до XVIII в.); все это позволяет предполагать, что орел в древности особо почитался черниговцами, может быть как покровитель города или племени.

Царь Кашей Бессмертный, Кашей Трипетович — это, возможно, один из синтетических образов степных кочевников, образ хана, возглавляющего набег, ускользящего от смерти и укрывающего у себя плененную русскую красавицу. В XII в. «кощеями» называли иногда и ханов; так, например, Кончак назван в «Слове о полку Игореве» «поганым кощеем».

Наименее ясна уроженка Чернигова — Настасья, девушка с длинными косами. Она и в былине и на рисунке рога пассивна. Она позволяет увести себя Ивану, позволяет уговорить себя Кашею, но остается благожелательной к птице. Художник оправы рога не покарал девушку за вероломство — в ее голову не направлено стрел, да и в былине ее карает не высшая сила, а Иван. Быть может, Настасья-черниговка — это образ простой черниговской полонянки, оказавшейся в руках «поганого кощея».

Может быть, и вся сцена, вычеканенная на священном ритоне, это изображение простой, исторически оправданной мысли: поганый кощей-печенежник поднял руку на черниговского орла, но сила вещей птицы направила стрелы обратно в обидчика.

Мастер-чеканщик, считавшийся с ритуальным характером рога, хотел показать не столько реальную смерть Кашея, сколько именно действие невидимой, но властной силы заклинания.

Время зарождения былины и перенесения ее на рисунок ритона мы должны несколько отодвинуть от времени похорон черниговского князя. Если основой для былины послужило какое-либо реальное событие, вроде неожиданной смерти нападавшего на Чернигов врага, то мы должны относить его к первой половине X в., когда «придоша печенежи първое на Руськую землю» (915 г.) или «Игорь воеваше на печенеги» (920 г.), или к более позднему времени, когда рать с этой первой волной тюркских кочевников «была бес престани» и печенеги осаждали уже Киев. Независимо от правильности высказанных выше соображений, турий рог из Черной Могилы останется одним из самых интересных предметов древней Руси, который долго еще будет привлекать внимание историков искусства, знатоков быта и исследователей славянского язычества.

6. Выводы

Мы рассмотрели отдельные категории вещей курганов черниговского некрополя. Подведем некоторые итоги.

В IX—X вв. население Чернигова хоронило своих покойников не у самых стен детища или окольного града, а несколько дальше, на выездных путях из города. Кладбище распадается на несколько отдельных групп, которые раскинуты на очень большом пространстве, а вниз по Десне тянутся на 18 км до Шестовиц. Такая рассредоточенность черниговских дружинных погребений может быть объяснена, как мне кажется, появлением у дружинников земельных владений вокруг города, часть которых известна нам по именам (Гюрчев, Семьнь и др.). Обращает на себя внимание, что в каждой курганной группе есть много обычных могил небольшого размера и несколько крупных курганов с богатым инвентарем.

Произведем примерное сопоставление черниговских курганных групп (с обычными и большими курганами), окружающих город, с древними летописными названиями сел.

1. Курганы на восток от Чернигова, среди которых есть несколько огромных IX—X вв., — это некрополь летописного Гюрчева, пригородного села.

2. Дружинные курганы IX—X вв. «в старом кладбище в Березках» — это кладбище древнего села Семьнь, упоминаемого в летописи. В этой группе господствовало несколько больших курганов (например № 2).

3. Соседняя группа курганов X в. около «Пяти Углов» — это, возможно, некрополь того древнего села, которое в XII в. стало называться селом Святого Спаса.¹⁰⁶

4. Курганы на Олеговом Поле, группировавшиеся вокруг огромной овальной могилы, может быть, следует связывать с каким-либо княжеским селом, принявшим впоследствии имя Олега (современное село Ольгово). Здесь на земле села Ольгова был найден клад княжеских серебряных вещей XII в.

5. В древнем урочище Болдине господствовал курган богатого и знатного боярина конца IX — начала X в. Гульбище, окруженный менее значительными насыпями.

6. Соседняя Троицкая группа тоже имела свой боярский курган (недокопанный Самоквасовым). Ее можно сближать с древним пригородным селом Гостыничам.

7. Некрополь села Гущина (близ которого находится село с многозначительным наименованием Киенки) возглавляется большим курганом со срубной гробницей. Здесь же, в этом селе был найден около 1934 г. клад

¹⁰⁶ Впрочем, возможно, что обе эти группы следует поменять названиями, так как оба села — и Семьнь и с. Св. Спаса — были близко друг от друга.

серебряных украшений X в. гнездовского типа.

Расширяя радиус наших наблюдений, двигаясь по древним дорогам из Чернигова на Киев, на Любеч, на Стародуб, мы увидим, что пригородные села и их некрополи незаметно переходят в городки с большими и малыми курганами: Оргоц на северо-западе, Седнев на северо-востоке, Шестовицы на юго-западе.

Вся эта картина никак не укладывается в представление о черниговском князе, как о единственном центре притяжения дружинников. Наоборот, мы видим вокруг Чернигова своего рода «солнечную систему»: город, резиденция князя, окружен несколькими вторичными центрами, границы которых подступают почти к самому городу; у этих вторичных боярских центров есть свои «спутники», окружающие их, входящие в их орбиту.

Только владение землей, необходимость быть в селах, прочная связь с пригородными вотчинами могли создать такую яркую картину феодального рассредоточения черниговского некрополя. Никакого единого аристократического кладбища здесь нет. Огромные боярские курганы типа Гульбища, Безымянного, кургана № 2 «в Березках» и больших курганов Гюричева рассредоточены в отдельных группах, как бы возглавляя их. Если правомочно на таком археологическом материале делать выводы о социальной структуре, то хочется сказать, что черниговские бояре-воины IX—X вв., — это не толпа безземельных княжих мужей, окружающих князя, это — землевладельцы, сюзерены своих дружинников, господа сел, известных нам по летописи у самых стен Чернигова. «Вассалитет без земельных пожалований» был, очевидно, уже пройденным этапом к началу X в. для феодалов второго города в древней Руси — Чернигова, уступавшего первенство только Киеву.

Княжеские курганы — курган княжны Черны и Черная Могила, которые местная легенда всегда хотела связать с основателем города Чернигова князем Черным, не связаны ни с одним из пригородных сел. Они, как и подобает княжеским курганам, связаны с самим городом, у стен (а может быть у ворот) которого они и выросли.

Состав черниговского боярства был пестр. Нельзя пройти мимо двойственности погребального обряда в одновременных курганах IX—X вв. Под одинаковыми по виду насыпями находились и кострища с обугленными костями и глубокие срубные гробницы, куда опускали воина, его жену и коня, заставляя вспомнить былинку о Михайле Потоке.

А и тут стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною по двадцати сажень.
И тут Поток Михайло Иванович
С конем и с бруею ратною
Опустился в тоя жь могилу глубокую
И заворочали потолок дубовым
И засыпали песками желтыми.

Одновременность курганов с сожжением и со срубными гробницами хорошо доказываются киевскими материалами.

Предполагать социальное различие мы не в праве, так как оба обряда применялись к представителям дружины и боярства. Быть может, мы должны здесь учесть возможность племенных скрещений, особенно легких на границе двух природных зон, где расположен Чернигов. Мы должны вспомнить, что, характеризуя черниговское войско в XII в. князь Святослав Всеволодич, сам выросший и долго княживший в Чернигове, говорит:

А уже не вижду власти сильного и богатого
И многовою брата моего Ярослав
С черниговскими быльми,
С могуты и с татарны и с шельбиры
И с топчакы и с ребугы и с ольберы.
Тии бо бес щитовъ с засапожники
Кликном пылки побеждают
Звонячи в прадедную славу...

Загадочный список черниговского воинства породил целую литературу.¹⁰⁷

Обычно эти термины рассматриваются как обозначения племен торков-ковуев, поселившихся на Черниговщине в XI в., а в XII в. использованных как пограничная стража. Мне кажется, что многие из этих терминов восходят к значительно большей древности, чем эпоха Мономаха и Ольговичей, и не обязательно связаны с торками.

Слово *быль* в значении *вельможа* дважды встречено в переводе хроники Георгия Амартола 1040-х годов и трижды в Супрасльской рукописи XI в. С ним связано *былание* — скитание, кочевье, *быланит* — бродяга, берлец.¹⁰⁸ Возможно, что корень *был* является параллельным словом с корнем *пол* — *полник* — богатырь, *исполин*; *поляница* — дружина, *полевать* — охотиться, кочевать, воевать. Слова с корнем *пол* имеют и другой, сопряженный с первым смысл — *поле* — степь, *поляна* — трава в лесу.

Точно так же раздваивается и корень *был*: если одно его значение — воин, богатырь, вельможа, то такие слова *былие* — трава, *былинка* связывают его со степью.

Близкая смысловая связь этих двух корней *был* и *пол*, а также одинаковое расщепление их на понятие «воина» и «степи» заставляет нас признать, что эти слова родились на юге, в степи или в лесостепи задолго до появления торков-ковуев и относятся, вероятно, к тому периоду, когда в лесостепи происходило скрещивание различных племен, например славян,

¹⁰⁷ Последней по времени выхода является статья С. Е. Малова Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». Изв. Акад. Наук СССР, 1946, том V, вып. 2. Слово «Ольбер» С. Е. Малов считает русской транскрипцией тюркского *alp ar* — витязь; «Шельбир» — *šel'ib-ir* — господин, принц крови; «Быль» — *boila, buila* — боярин, вельможа.

¹⁰⁸ Г. Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь. М., 1900.

руссов, болгар, и кому из них принадлежало первичное слово — сказать трудно.¹⁰⁹ Во всяком случае, приписывать внедрение слова *быль* в русский язык пограничным торкам XII в. у нас нет никаких оснований. Это слово в форме *пол* (но с тем же значением) могло возникнуть в Приднепровье в первые века нашей эры, а затем воздействовать на сходную терминологию кочевников VI—VIII вв. нашей эры (например, аваров или «внутренних болгар»).

Слово *могуты* мне кажется значительно ближе к русскому *могучий*, *могутный*, *мощь*, чем к приводимому С. Е. Маловым «böğü». Смешанный состав черниговских дружин не подлежит сомнению. Но эту смешанность мы должны рассматривать не как явление XII в., а как значительно более ранний этногенетический процесс.

Двойственность погребального обряда Чернигова и Киева засвидетельствована восточными авторами (Ибн Русте) и курганами с сожжениями и срубными гробницами. Далеким прототипом срубных гробниц на этой территории являются скифские курганы. Не лишено интереса, что срубные гробницы в XI—XII вв. были восприняты оседлыми торками и берендеями по Роси и Россаве. Пока еще трудно уловить, где глубокие этнические корни, а где случайные внешние совпадения. Возможно, что курганы с сожжением, близкие к северным смоленским (Гнездово), это — погребения славянских, русских *былей* и *могутов*, а курганы со срубными гробницами, известные только в южной части Руси, это — могилы славянизованных *шельбилов* и *ольбберов*, жителей черниговских степей, потомков древних кочевых племен, ассимилированных земледельцами славянской лесостепи и в IX—X вв. по своей культуре не отличавшихся от остального населения Чернигова, но сохранивших особый обряд погребения и некоторые социальные термины.¹¹⁰ Ни о каком варяжском происхождении владельцев срубных гробниц не может быть и речи.

Княжеские курганы Чернигова, выделяемые на основании наличия ритуальных предметов, близки к северным, славянским курганам Гнездова и Приладожья по всем деталям погребения. К этой же группе относятся и наи-

¹⁰⁹ В связи со словом *быль* иногда ставят русское *боярин-болярин*. Мне кажется, что сюда же нужно присоединять и древнерусское слово *былина* — воспевание подвигов *былей* и *могутов*, то, что ранее называлось *выштвоу витезовоу* (прославлением витязей).

¹¹⁰ Важный исторический вопрос о племенной принадлежности срубных гробниц IX—X вв. и об их отношении к срубным гробницам Поросья XI—XII вв. не может быть решен на одном черниговском материале. Здесь он затронут попутно, а для его решения необходимо тщательное изучение всех срубных гробниц русского юга.

более богатые курганы вроде Гульбища. Немногочисленная примесь «племени срубных гробниц» (в основном селившегося вне Чернигова) не нарушила славянского характера черниговского некрополя, а лишь свидетельствовала о многообразии дружины «сильного и богатого и многоволя» черниговского князя, верховного сюзерена окружавших его бояр-землевладельцев IX—X вв.

IV КЛАДЫ И СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ

Черниговский курганный некрополь XI—XII вв. дал нам очень мало вещевого мате-

Рис. 21. Серебряные поясные бляшки X—XI вв., найденные в Елецком монастыре.

риала, по которому можно было бы судить о быте горожан. Единственно, что удалось установить, это отличие городских вещей от деревенских и предположительно наметить возрастные изменения женских украшений.

Но на территории древнего Чернигова много раз, как обычно, при случайных земляных работах встречались различные вещи, дополняющие картину городского быта яркими мазками.¹¹¹

В начале 1930-х годов в пригородном селе Гушине, где был один курган со срубной гробницей, был найден клад серебряных бус, лунниц и других украшений, типичных для IX—X вв.¹¹²

В ограде Елецкого монастыря, расположенного рядом с Черной Могилой, находим и амфору для вина и ряд других вещей. Из них наиболее интересен серебряный поясной набор X—XI вв.¹¹³ (рис. 21). Поясные бляшки разного рисунка и техники. Одни из них массивные, литые, покрытые позолотой, а дру-

¹¹¹ В этом разделе для полноты картины средневекового Чернигова приведены различные городские вещи, частью не известные в литературе, но в большинстве своем опубликованные в разных изданиях. Поэтому здесь дается лишь краткий обзор важнейших находок.

¹¹² Клад хранится в Черниговском Историческом музее. Не опубликован.

¹¹³ Поясной набор хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Он нигде не опубликован.

гие украшены зернью. Все литые бляшки, несмотря на различие размеров и форм, настолько едины по своему стилю, что должны быть признаны частью одного пояса. Попыт-

вероятной является дата — начало XI в. (рис. 22).

На территории детинца и посада встречались христианские погребения XI—XII вв.

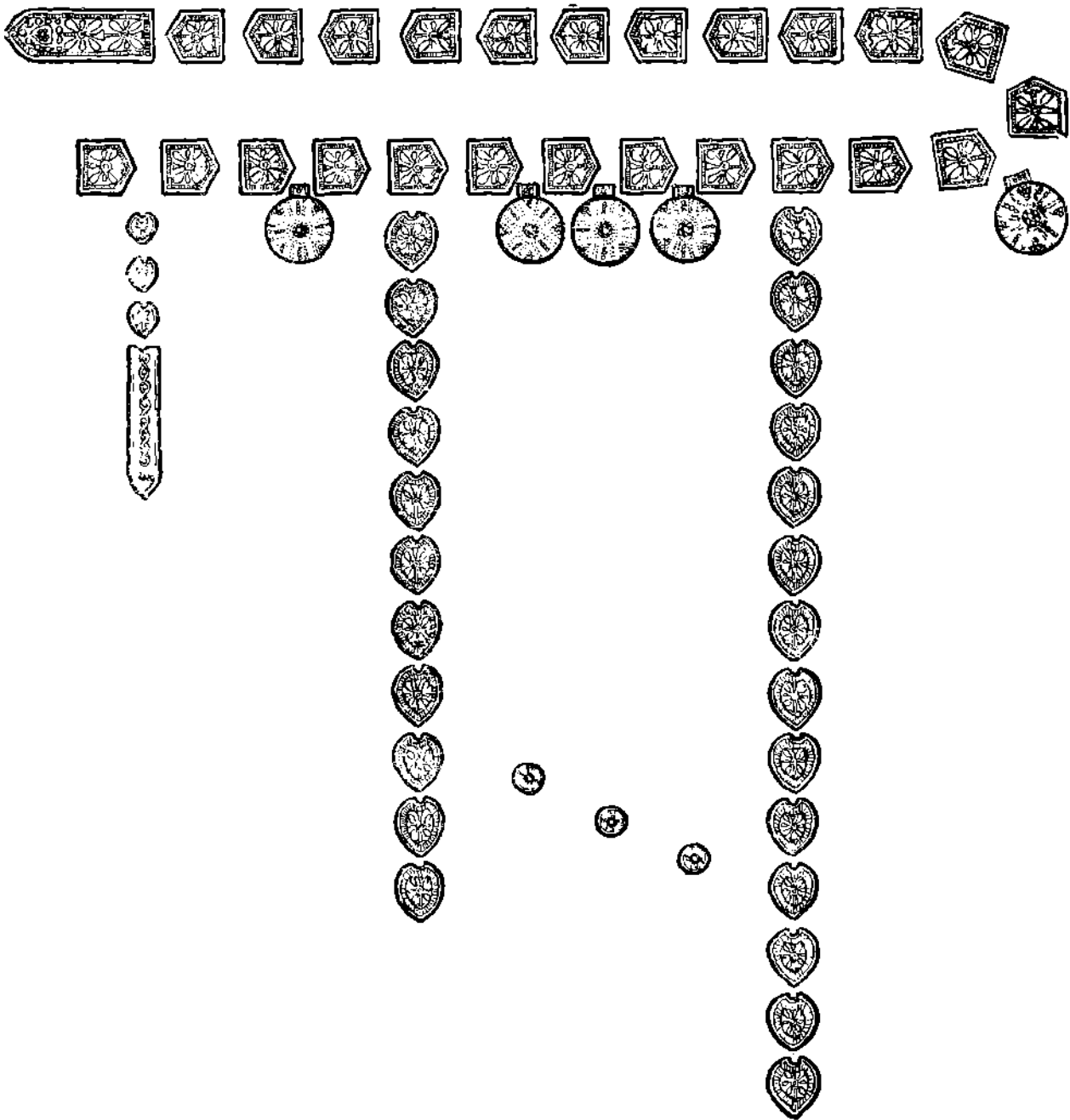

Рис. 22. Реконструкция пояса.

ки реконструировать пояс привели к мысли, что этот пояс, возможно, предназначался для ношения оружия, так как только при таком допущении становится понятным многообразие форм бляшек. Круглые подвески с зернью могут быть датированы X в., а весь остальной набор не имеет прямых аналогий в хорошо известных нам поясных наборах X в., хотя и близок к ним по стилю. Думаю, что более

около церквей, существующих и поныне. Так, около Екатерининской церкви в Третьяке (сохранившееся здание конца XVII в.) в 1878 г. в могильной яме глубиной в 150 см был найден женский скелет, а при нем два плетеных серебряных браслета с литыми наглавниками и два серебряных колта.¹¹⁴

¹¹⁴ Д. Я. Самоквасов. Могилы... стр. 254—255. Материал хранится в ГИМ.

Рис. 23. Черниговские котлы и способ их ношения

Колты представляют большой интерес, как один из наиболее ранних вариантов этого типа городских женских украшений. Колты вытиснены на медной матрице, очень близкой к той, которая помечена знаком князя Всеволода Ярославича (1080—1093).¹¹⁵ И там и здесь изображен зверь, идущий влево, с цветком во рту. Манера рисунка грубоватая, еще не достигшая той четкости и законченности, которая характеризует XII век. Полного тождества между матрицей и колтом нет, по сходству рельефного рисунка и последующей гравировки на колте с рельефом матрицы очень значительно, что и позволяет датировать колт второй половиной XI в. (рис. 23).

Рис. 24 Браслет из клада в Спасском соборе.

Большой интерес представляет находка серебряных украшений в пристройке Спасского собора.

При тщательных исследованиях южной части Спасского собора Н. Е. Макаренко обнаружил к югу и северу от апсид небольшие кирпичные пристройки, служившие усыпальницами. В южной пристройке, в стене алтарной части под древним полом был найден завернутый в полотно клад драгоценностей. В состав клада входили: 1) два серебряных колта с чернью, 2) серебряные ясны для подвешивания колтов; 3) два серебряных браслета с чернью и нозолотой.

Браслеты состоят из двух створок, соединенных шарнирами. Конец каждой створки украшен львиной мордой. Браслеты подобного типа встречаются в русских древностях XII—XIII вв.

Черниговские парные браслеты интересны своими магическими изображениями, почти одинаковыми на обоих браслетах. Каждая створка состоит из трех дисков, соединенных овалами. В овалах — схематично прочерченные деревья. Морды на концах створок очень различны по размерам: на одной, очевидно, морды львов, а на другой — львиц (рис. 24). В среднем диске всех створок помещен треугольник с загнутыми углами, триквестр — древний магический знак.

Рисунки в остальных кругах на створках со львицами и со львами различны. На створках со львицами — символы растительности: дерево жизни с традиционными двумя корнями и крестообразно расположенные трилистники. Створки со львами украшены символами солн-

ца: колесо с восемью спицами и ромб. Магические символы, связанные с солнцем, выполнены чернью по золотому полю; во всех остальных случаях фон оставлен серебряным. Четкое символическое различие женской и мужской половины браслета (Мать — Земля и Дажьдбог — Солнце) и в то же время слияние обоих элементов в единой вещи — все это говорит о специфическом назначении браслетов.

Не были ли они специально свадебным украшением?

Колты из Спасского собора абсолютно тождественны колтам из Святоозерского клада, но самым интересным является то, что и те и

другие сделаны на одной матрице. Матрица эта, хранящаяся в ГИМ, происходит из одного комплекса с матрицей, имеющей знак князя Всеволода. Детальное сличение всех четырех колтов с матрицей убеждает нас в том, что все восемь щитков изготовлены именно на этой матрице.¹¹⁶

К сожалению, место находки матрицы нам не известно, но и без этого все вещи связаны с Черниговом. Спасский собор, урочище Святое Озеро в окрестностях города и, наконец, знак черниговского князя на беспаспортной вещи, найденной в одном комплексе с этой матрицей.

В данном случае мы можем вполне определенно говорить о местном черниговском мастерстве. Вообще большинство русских серебряных колтов с чернью связаны с Черниговом или с Черниговским княжеством, хотя встречаются и в Киеве, и в Райковецком уезде, и в Старой Рязани.

Колты, близкие по стилю к спасским, найдены в окрестностях Чернигова, в селе Ольгове (Ольгове)¹¹⁷ (рис. 25).

¹¹⁶ Вещи из Спасского собора хранятся в настоящее время в Черниговском Историческом музее. М. Макаренко. Черниговский Спас. Записки Историко-филологического відділу, кн. XX, табл. XIX—XXI, Киев, 1929. Святоозерский клад находится в ГИМ. Опубликован Д. Я. Самоквасовым — «Раскопки север. курганов», рис. 1 и 14. Вторая, более крупная пара святоозерских колтов интересна своим чернивым рисунком. Два грифона около вертикальной плетенки являются нижней частью композиции вознесения Александра на небо на грифонах. Урочище Святое Озеро близ Нискован было в XII в., очевидно, местом одного из загородных княжеских дворов, так как там был найден перстень с княжеским знаком.

¹¹⁷ А. С. Гуцун. Памятники художественного ремесла древней Руси. Л., 1936, табл. XII, стр. 66. Клад найден в глиняном горшке, как и Гуцунский. Кроме колтов, в Ольгове найдены так называемые «аграфы» — украшения, представляющие собою как бы развернутое

Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, вып. VI. Л., 1940, рис. 83.

Ш А С Е У Р Я К Н А В О Л О А Н И П Р О
 Ш В А А Ч В Ы А О В У А К Т О Н З Н Е Е
 Ш П Ы Т Ы Р И К А Р В В Е Ч К В А Л А У
 Ш Б О Г А С В О Б Ы С П А Ч В Е Л И К Г О К Н А

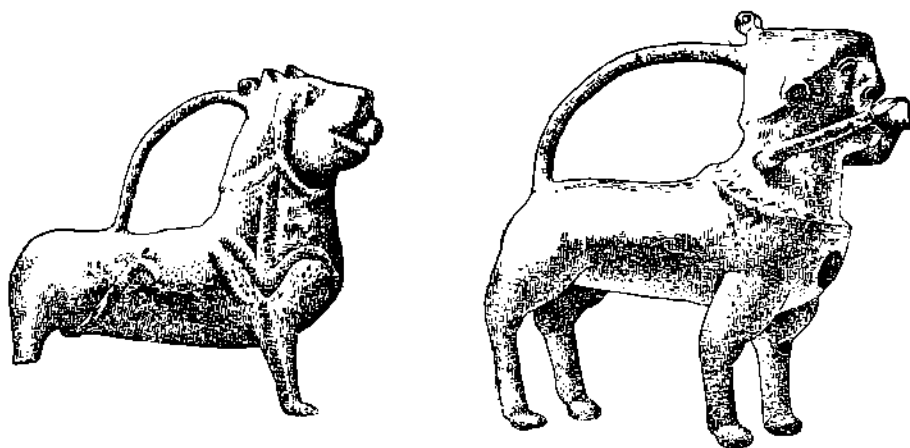
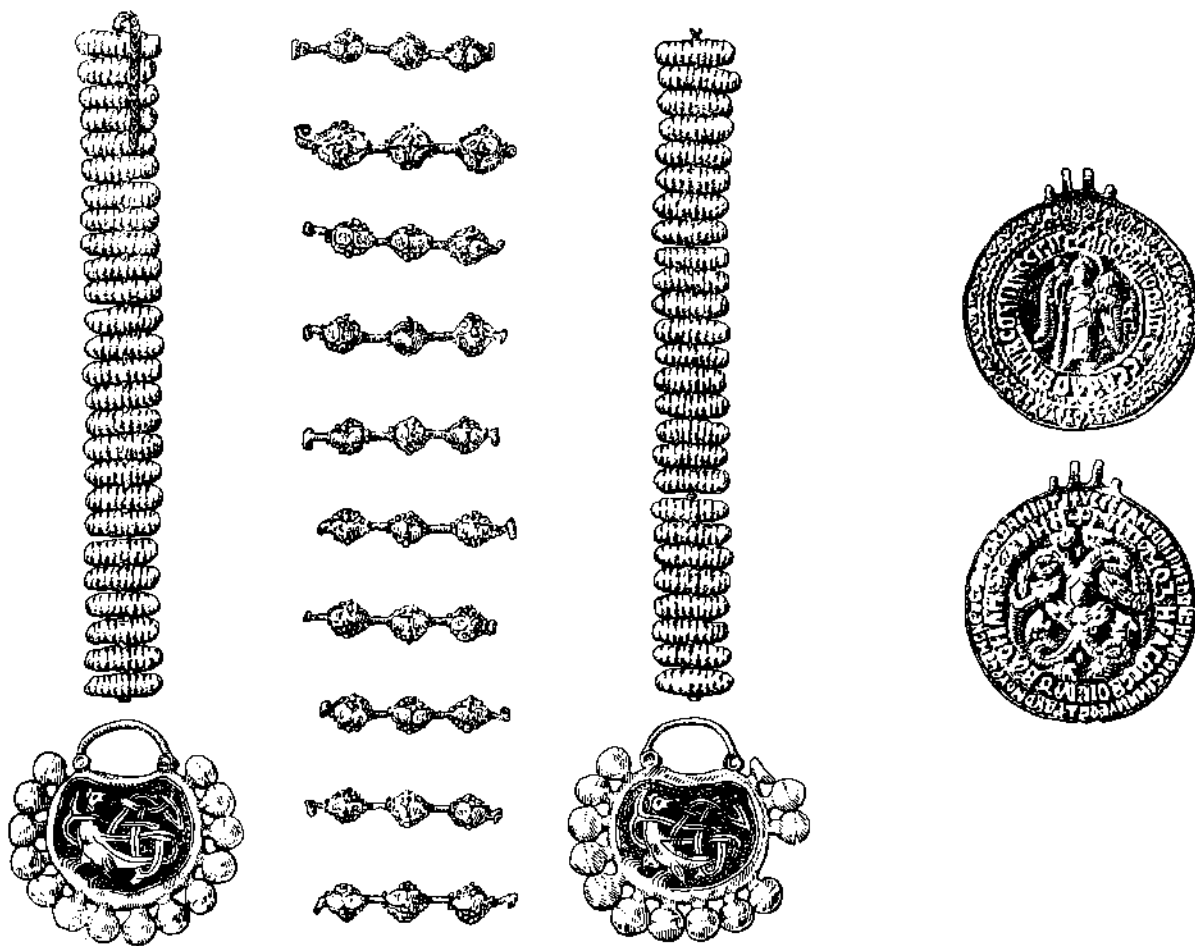

Рис. 25. Черниговские вещи XII в.: чара князя Владимира Давыдовича и надпись на ней; колты и рясны (Львовский клад); золотой змеєвик, приписываемый Владимиру Мономаху — так назыв. «черниговская гривна»; бронзовые водолени.

Вместе с колтами здесь, как обычно, найдены две низки из серебряных полуцилиндриков с тонкой цепочкой и кольцом.

Во всех русскихкладах такие ленты полуцилиндриков («колодочек») сопровождают колты. Одна из находок в Киеве, где кольца цепочек были вдеты в дужки колтов, убеждают нас в том, что эти низки из серебряных звеньев мы можем назвать «ряснами», декоративными цепями, на которых носились подвески к головному убору и в XVI—XVII вв. По изображениям XI—XII вв. мы знаем о том, что богатые городские женщины носили высокие головные уборы со спускающимися вниз узорчатыми ряснами, к нижнему концу которых привешивались на тонких цепочках колты (рис. 23).

В Елецком монастыре в XIX в. был найден ларец, окованный железом, наполненный золотыми украшениями, состоявшими из «ожерелий, поясов, браслетов, серег и колец».¹¹⁸

В 1850 г. в черниговском детинце был найден клад, из которого нам известны два золотых колта с эмалевыми изображениями птиц. Один из колтов покрыт сканным узором.¹¹⁹

В 1883 г. около Борисоглебского собора XII в., близ склепа встречен клад золотых и серебряных вещей, в числе которых были и колты того же типа, что и в кладе 1850 г. В Киеве колты подобного типа встречены только один раз. Очевидно, это местная черниговская особенность (золотые колты с малезькими грибовидными шипами).¹²⁰ В кладе найдены длинные плетеные серебряные цепи с конскими головами (одна из них около метра длиной). Возможно, что эти цепи, столь обычные для русских кладов, служили для прикрепления к ним плаща (рис. 26).

Еще один клад был найден далеко от детинца, близ Стрижневской курганной группы на быв. Александровской площади. В XII—XIII в. это была уже окраина города или же усадьба, расположенная непосредственно за городскими стенами. В составе клада интересны два золотых колта с перегородчатой эмалью с изображением святых на одной

трехбусиновом кольце. Они, вероятно, украшали головной убор, но быть застежками не могли просто по своей конструктивной непригодности.

¹¹⁸ Д. Я. Самоковасов. Могилы... стр. 266. Клад был направлен в Эрмитаж, но дальнейшая судьба его неизвестна.

¹¹⁹ Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, рис. 74 и 75, стр. 108. В кладе были: браслет в виде змеи, перстень, медальон от монастыря.

¹²⁰ Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 121, табл. XIII. Киевский колт из усадьбы Августиновича на Львовской улице. Клад 1827 г., там же, табл. X. Возможно, именно в этом направлении находились усадьбы князей Святославичей, связанных с Черниговом. У Львовской улицы была церковь Симеона в Копырене конце — монастырь черниговских Ольговичей. Если колты действительно относятся к кладу 1827 г. (а в этом есть сомнения, см. Кондаков, стр. 208), то возможно, что клад принадлежал кому-либо из черниговских князей, проживающих в Киеве.

стороне и стилизованного «древа жизни» на другой.¹²¹ Эти колты по своему типу близки к киевским. Колты носились на золотых ряснах.

В Чернигове, но неизвестно где точнее, найдены в разное время два бронзовых водолея. Один из них в виде животного (скорее всего льва) с криновидным хвостом, а другой — полузверь-получеловек, с небольшими ручками, в которых он держит кубок. Верхняя часть головы, представляющая крышку, отломана¹²² (рис. 25).

Говоря о среднесвековом Чернигове, следует напомнить о знаменитом золотом змеевике, найденном на берегах «Боловаса», где Владимир Мономах охотился на туров и вепрей. Надпись на змеевике: «Господи помози рабу своему Василию», массивность золотой вещи, качество художественной обработки и двуязычный греко-русский текст — все это как будто бы позволяет сблизить эту роскошную вещь с князем Василием — Владимиром Всеволодичем Мономахом¹²³ (рис. 25).

Бессспорно княжеской вещью является известная чара черниговского князя Владимира Давыдовича, найденная в Сарае Берке на Волге, куда она, очевидно, вывезена татарами. Чара представляет собою большую кованую из одного куска мису, ёмкостью около восьми литров, предназначенную для торжественного, заздравного питья вкруговую. На тулове чары вычеканена надпись:

А се чара кня володимиро
ва давыдовича кто из нее
пьютому на здорвье а хвала
бога своего осподаря великого кня.

В этой надписи мы ощущаем и живой окаяющий язык древних черниговцев и своеобразие древнерусского пира, где дружинники поднимают чару, хваля своего господаря. Мы узнаем из нее, что в середине XII в. черниговский князь именовал себя «великим князем» (рис. 25).

Владелец чары, князь Владимир Давыдович известен по летописи с 1139 г. по 1151 г., когда погиб в бою, защищая Юрия Долгорукого. В эти годы он большей частью княжил в городе своего отца и брата — в Чернигове. К сороковым годам XII в. и должна быть отнесена чара «великого князя».

Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 122—124, табл. XI. Орнамент по сторонам центральной фигуры напоминает туры рога.

¹²² Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI.

¹²³ Литература приведена выше. В. А. Шугаевский нашел в музейных коллекциях несколько древних медных копий с этого змеевика. Следует заметить, что многие музеи располагают подделками и копиями змеевика Василия.

¹²⁴ Чара хранится в Оружейной Палате. А. Ф. Бычков. О серебряной чаре XII в., принадлежавшей черниговскому князю Владимиру Давыдовичу. Записки Арх. Об-ва, т. III, СПб., 1851, табл. VII.

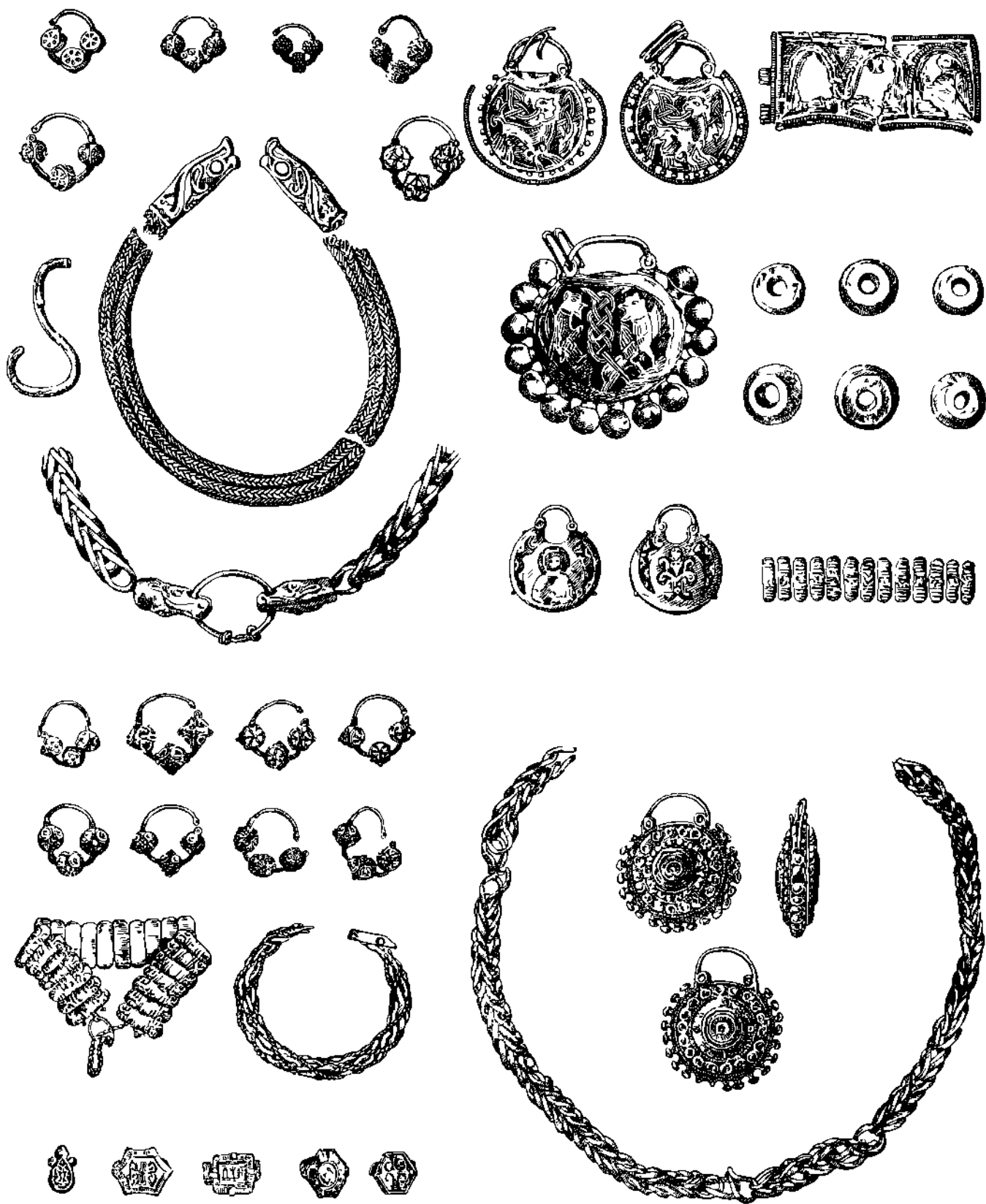

Рис. 26. Золотые и серебряные вещи XII в. и пряслица из черниговских кладов.

Средневековый Чернигов был крупным центром, столицей богатого и обширного княжества; случайные находки в древней части города свидетельствуют о богатстве черниговского боярства и о значительной территории, занятой в XII в. феодальными дворами.

Дополнением к этому разделу может служить обильный нумизматический и сфрагистический материал. Особенно интересны печати князей, княживших в Чернигове, и княжеские знаки.

Однако случайных находок, как бы ни были они ярки, недостаточно для того, чтобы осветить полностью жизнь древнего города. Только широкие археологические раскопки могут раскрыть перед нами облик «стольного града» Чернигова, воспетого, как и Киев, в цикле былин.¹²⁵

У РАСКОПКИ В ЧЕРНИГОВСКОМ ДЕТИНЦЕ в 1946—1947 гг.

1. Общие данные

Детинец древнего Чернигова был четко обозначен на планах XVIII в. В той части, где валы крепости совпадали с конфигурацией местности, мы можем предполагать, что валы XVII в. насыпаны на валах значительно более ранних, может быть XI—XII вв. Труднее определить его северную границу, не имеющую естественных рубежей (западная и восточная стороны — берега реки и оврага, сходящиеся к югу углом) (рис. 27 и 28).

Если мы взглянем на рельефный план Чернигова, то увидим, что поперек «фортеции» XVII в. проходит материковая ступенька, разделяющая детинец на две террасы различной высоты. Возможно, что это отражает разные этапы исторической жизни города. Более высокая южная терраса соответствует древнейшему детинцу XI в.; ее организующим элементом является Спасский собор. По гребню ступеньки мог проходить вал.

Вторая, северная, терраса, могла быть прирезана (судя по данным раскопок) несколько позднее, в XII в.

Планомерные раскопки в Черниговском детинце решено было начать с его северо-восточного угла, на берегу реки Стрижня. Размытый рекой берег здесь давно уже начал разрушаться; около 200 м берега с валами и жилыми кварталами постепенно рухнуло в Стрижень, и поэтому современный берег пред-

ставляет собою как бы разрез древнего Чернигова, чрезвычайно интересный в археологическом отношении.¹²⁶

Во время одного из крупных обвалов берега в 1878 г. в обрыве обнаружилась кирпичная кладка XII в., привлекавшая внимание археологов (Т. В. Кибальчица и Д. Я. Самоквасова). В дальнейшем, в 1909 г. на месте обнаруженной кладки производились работы членами Черниговской ученой архивной комиссии Кармалеем и Сахновским.¹²⁷

В 1944 г. автором этих строк, командированным в Чернигов в качестве эксперта Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний, были осмотрены развалины Благовещенской церкви 1186 г. и намечены места будущих раскопок.

В 1946—1947 гг. в Чернигове производились раскопки в северо-восточном углу детинца и в предполагаемом районе княжого двора на восток от Спасского собора.¹²⁸

Розыски двора черниговских князей велись на основании следующих данных: киевская летопись под 1174 г. говорит о постройке Михайловской церкви «на княже дворе»: «Святослав Всеволодич заложил церковь камени в Чернигове на княже дворе святого Михаила». Прежние исследователи ошибочно считали Михайловской церковью ту, развалины которой раскапывались в 1878 и 1909 гг. но

¹²⁶ Сопоставление различных планов Чернигова, начиная с 1739 г. и кончая планом 1935 г., показало, что берег был довольно устойчив до тех пор, пока сохранялись древние валы. Когда же они в 1803 г. были уничтожены при новой планировке города, то северо-восточная часть, подверженная ударам полых вод Десны, стала разрушаться.

¹²⁷ Т. В. Кибальчица. Археологическая находка (Черниговские епархиальные ведомости, 1878 г. Прибавление к № 25); Д. Я. Самоквасов. Новые археологические исследования и находки в Чернигове и его окрестностях (Черниговские губ. ведомости, 1878 г., № 35); П. М. Добровольский. Где находились старинные несуществующие ныне храмы города Чернигова. Чернигов, 1908; Отчет о деятельности Чернигов. губ. учен. архив. комиссии за 1909 г. Чернигов, 1910; П. Смолічев. Чернігів та його околиці за часів великокнязівських («Чернігів та Північне Лівобережжя», Киев, 1928).

¹²⁸ В раскопках принимали участие: сотрудники ИИМК Акад. Наук СССР Б. А. Рыбаков (начальник экспедиции); А. В. Никитин, Н. К. Лисицына, Г. Ф. Соловьева, Т. В. Николаева; сотрудник Ин-та археологии Акад. Наук УССР А. А. Попко, сотрудники ГИМ: В. А. Мальм, А. В. Успенская; студенты-археологи МГУ: Л. В. Алексеев, В. В. Кропоткина, Р. Л. Розенфельдт, Г. П. Смирнова, Н. Н. Стоскова и др.; студенты МОПИ и ряд других лиц; художники и топографы: И. Н. Савелов, Ю. Р. Берковский, С. Д. Николаев; фотограф П. А. Максимов и др.

В 1947 г., кроме того, на территории детинца в Третьяка производились самостоятельные работы Институтом археологии Акад. Наук УССР. Считаю своим приятным долгом выразить благодарность партийным и советским руководителям Чернигова, в частности гг. Ф. И. Короткову и Г. И. Куликову, за большую организационную помощь экспедиции.

¹²⁵ Былины черниговского цикла еще недостаточно изучены, но они содержат много важных исторических деталей. К этому циклу можно отнести следующие: «Иван Годинович», «Иван Гостиный сын», «Василий Окульевич и Соломан», «Святогор и Олег, князь черниговский» и ряд других. Возможно, что с черниговским юго-востоком связаны и былины о Дунае.

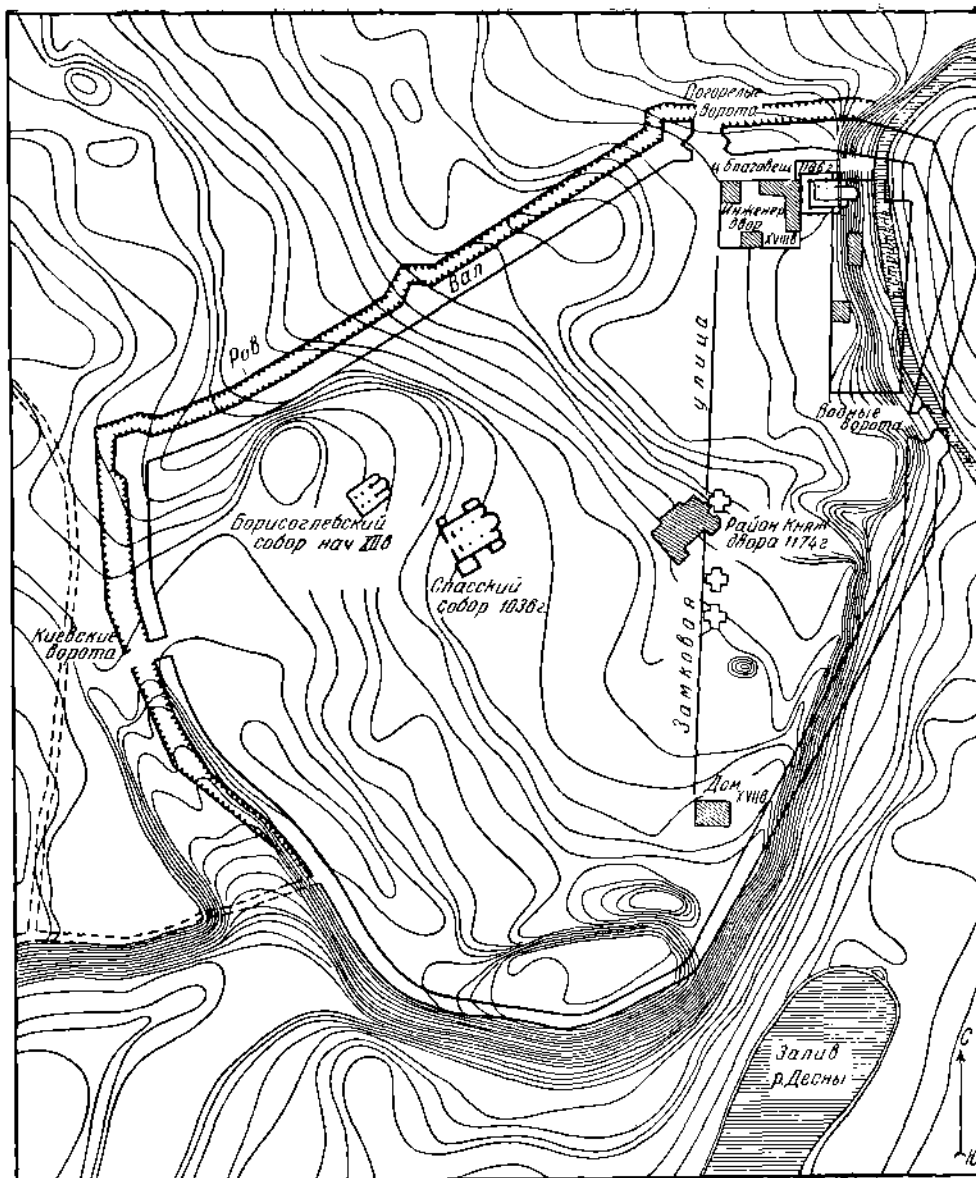

Рис. 27. План Черниговского детинца.

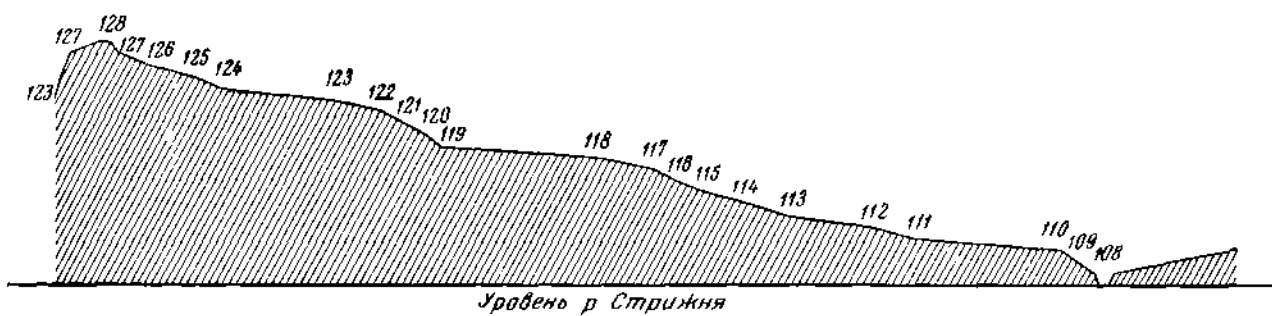

Рис. 28. Профиль детинца по линии СВ—ЮЗ.

П. И. Смоличев доказал несостоятельность этого мнения.¹²⁹

Произведенная проверка того и другого взгляда по старинным планам Чернигова убедила меня в правоте Смоличева. На берегу Стрижня находилась не Михайловская, а Бла-

Работы были начаты с зачистки обрыва берега для получения профиля. Профиль был зачищен и зафиксирован на протяжении 71 м. Это дало возможность вести последующие работы, руководствуясь точными данными стратиграфии.

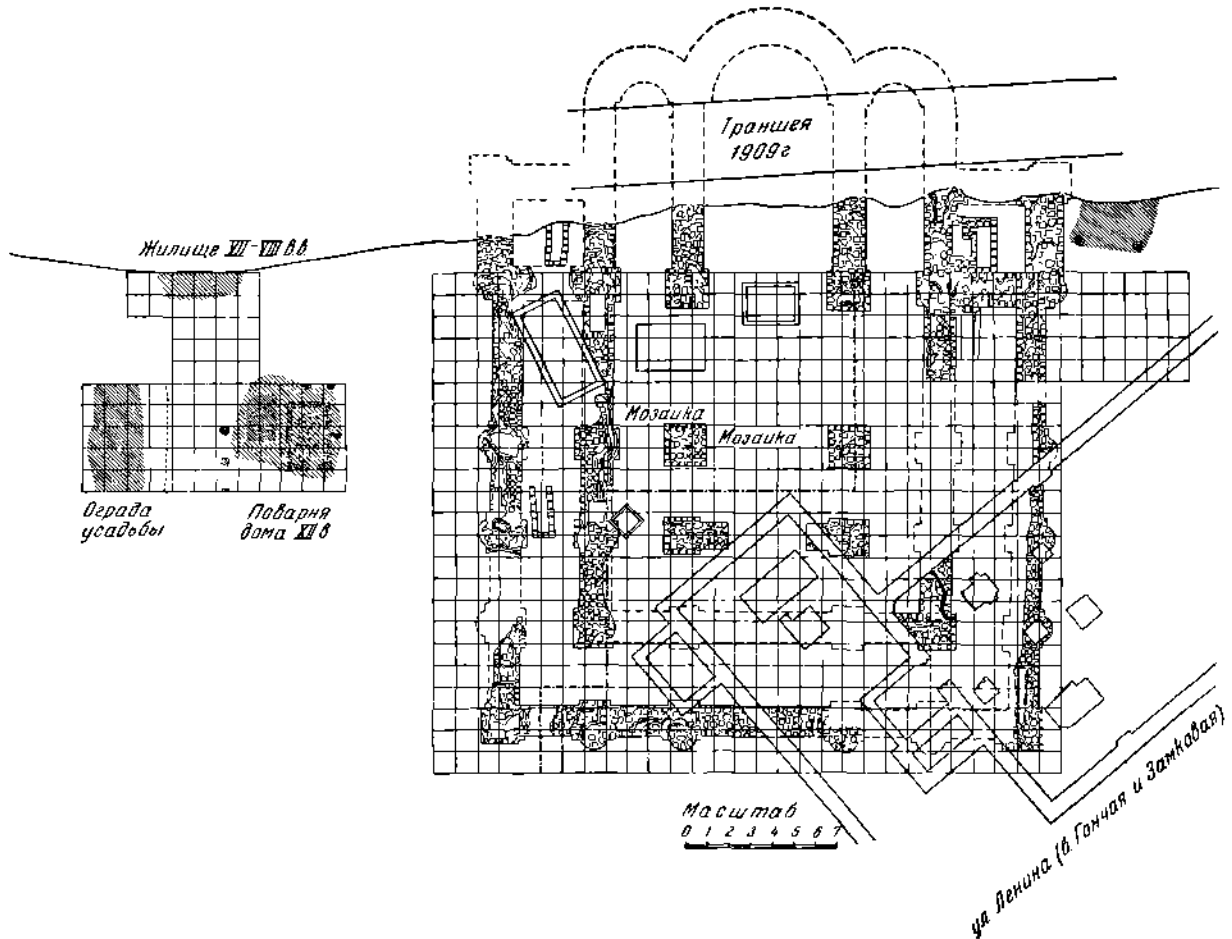

Рис. 29. План раскопок 1946—1947 гг.

говещенская церковь, законченная постройкой, согласно той же летописи, в 1186 г. Дворцовая же церковь 1174 г. должна находиться значительно южнее, в районе построенного в 1803 г. дома «малороссийского» наместника, около которого на плане и показана церковь св. Михаила.

К сожалению, рекогносцировочные раскопки, проведенные на основе указаний планов XVIII в., не дали ожидаемого результата, и отыскание княжого двора — дело будущего.

Основные раскопочные работы 1946—1947 гг. были сосредоточены в северо-восточном углу детинца. Высота берега — 12 м. Берег реки здесь идет с севера на юг (рис. 29).

Вся площадь, намеченная для раскопок, была разбита на ориентированные по странам света квадраты (по 100 м²) и пронивелирована

В северной части профиль пересекает вал XVII в. и землянки с лепной керамикой VII—VIII в. Двигаясь далее с севера на юг, мы встретим помойки XX в., погреб конца XIX в., шесть кирпичных кладок XII в., остатки дома XVIII в. Толщина культурного слоя колеблется от 2 до 6 м.

В профиле достаточно ясно обозначились основные слои:

1. На всем протяжении профиля встречены небольшие участки слоя VII—VIII вв. с лепной керамикой. В северной части в обрыве профиля — угол землянки.

2. Слой IX—XII вв. с невыразительными в профиле сооружениями.

3. Слой 1180-х годов, связанный с постройкой церкви.

4. Слой XVII—XVIII вв. с черной лощеной керамикой и белоглиняной толстостенной. Этот слой отмечен развалом церкви XII в. К этому же слою относятся дом и многочис-

¹²⁹ П. Смоличев. Чернигів та його оклиці..., стр. 133—139.

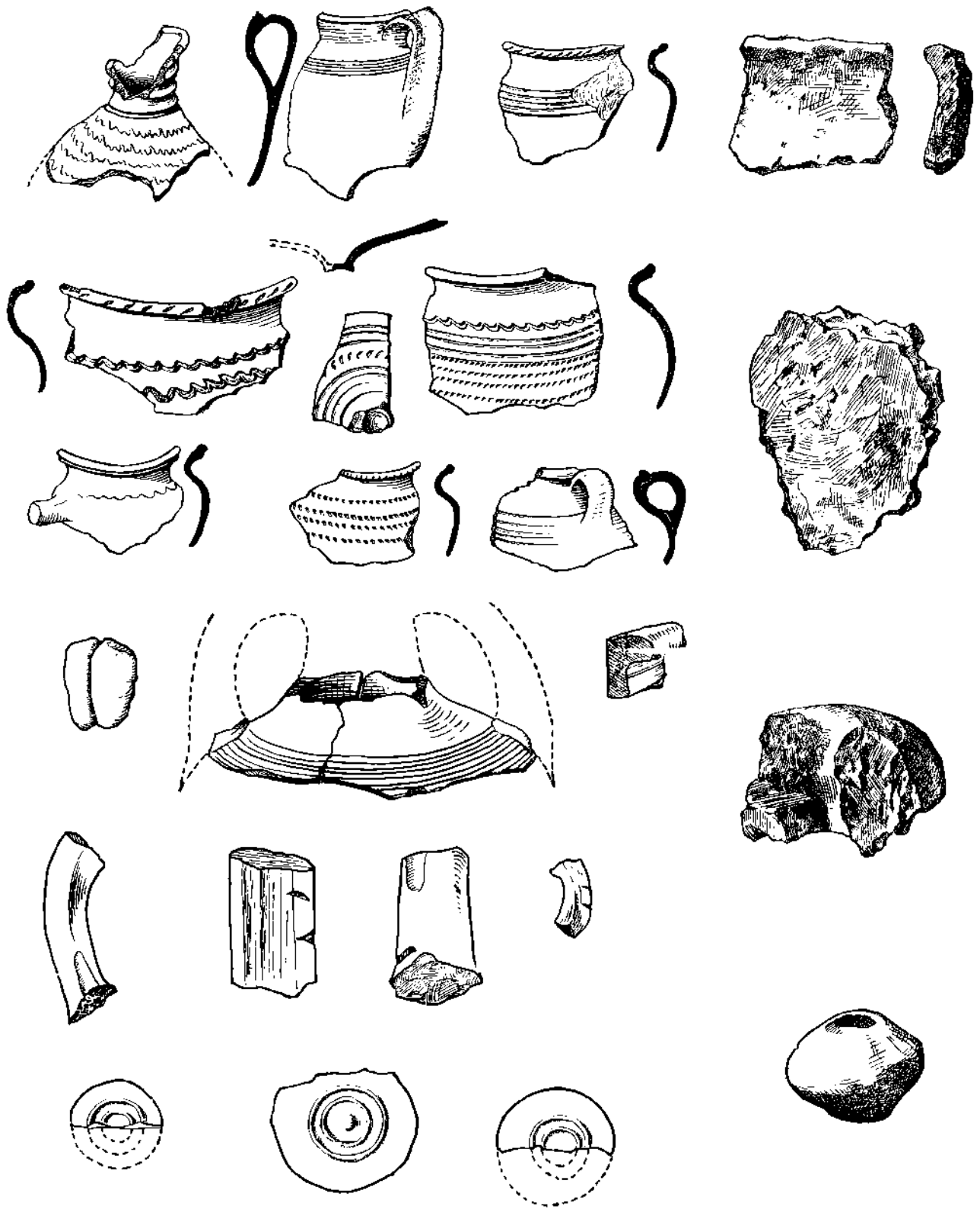

Рис. 30. Лепная и гончарная керамика из раскопок в дегинце.

ленные погребения с датирующими вещами, обозначенные на планах XVIII в.

5. Слой XIX — XX вв., сооружения которого врезаются в более ранние слои, уничтожая их местами до материка.

6. Слой эпохи Великой Отечественной войны, когда во время немецких бомбардировок 1941 г. были разрушены все дома на улице Ленина. Развалины этих домов покрывают всю поверхность места раскопок.

орнаментом. На одной глубине встречены и шиферные пряслица и штоф зеленого стекла.

На глубине 120 см в северо-восточной части раскола обнаружилось пятно землянки, видимое ранее лишь в профиле (зачистка берега). От землянки остался лишь один угол длиной в 3 м и в 1 м в основании. Здесь найдены глиняные пряслица, костяные продолки, обломки грубой толстостенной лепной керамики с примесью дресвы. Орнамента на по-

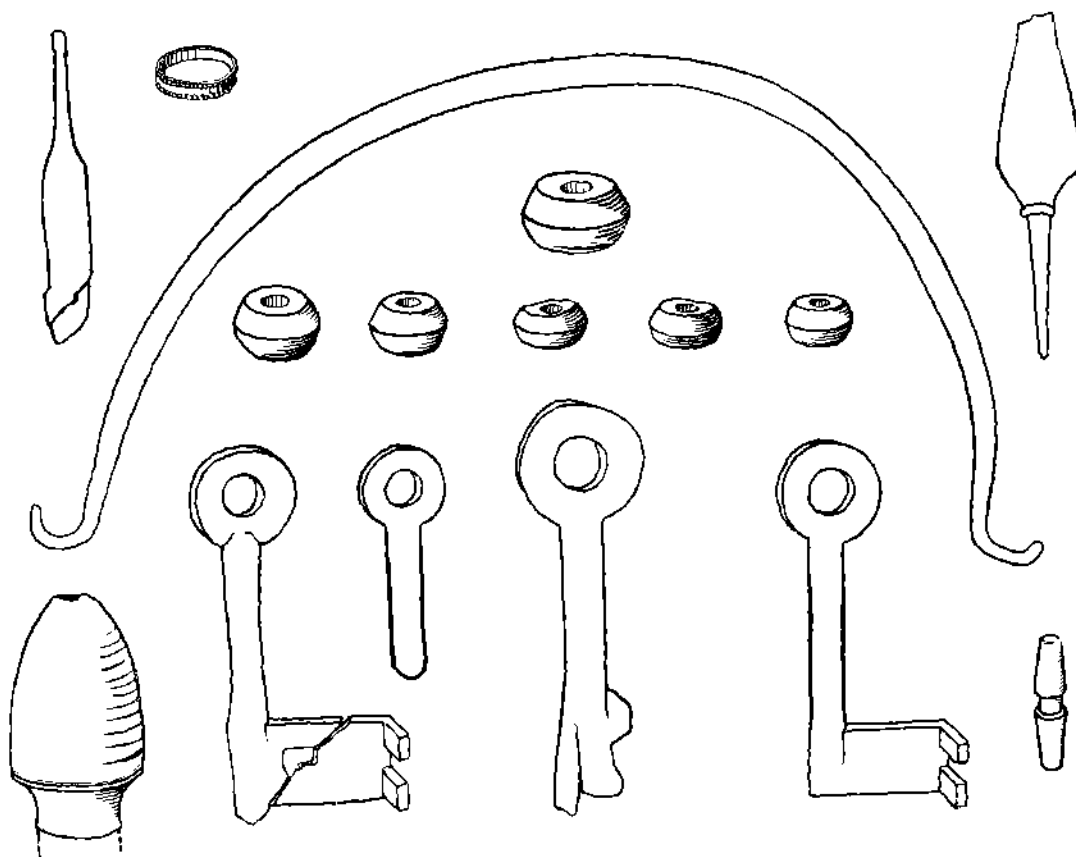

Рис. 31. Вещи из жилища, разрушенного при постройке собора 1186 г.

Никаких явных следов взятия Чернигова Батыем в 1239 г. в профиле не замечено.

Дальнейшие работы велись как по вскрытию кирпичных кладок, так и по изучению жилых сооружений в северной части участка работ.

На всем протяжении 70-метрового профиля берега в нижних горизонтах культурного слоя встречались фрагменты лепной керамики. Но так как почти повсеместно культурный слой сильно перерыв, то уловить сооружения, связанные с лепной керамикой, удалось только в одном месте — под бывшим валом XII в. Здесь в верхних слоях встречаются перемешанные вещи XII в. (обломки корчаг-амфор) и XVII в. (мисочки, горшки из серой глины с томлением). Интересен целый горшок XVII в. с ручкой и линейно-волнистым

суде нет, край гладкий. Судя по нескольким черепкам, форма сосудов баночная, размеры очень небольшие (рис. 30).

Эта керамика очень близка к керамике нижних слоев городищ роменского типа, и точно так же еще не имеет характерного ложногребенчатого орнамента. В то же время она сильно отличается от скифской керамики. Сближать поселок на берегу Стрижня со скифским поселением на Татарской Горке на другом берегу Десны нет никаких оснований, так как он относится к более позднему времени.

Дата землянки — VII—VIII вв., вполне согласуется и с типом керамики и с характером жилища. Является ли эта культура роменской в полном смысле слова, сказать трудно. При дальнейших работах было чрезвычайно важно

выяснить этот вопрос, так как от того или иного ответа на него зависит определение племенной принадлежности древних черниговцев.

Интересно местоположение этого древнего славянского поселка в его отношении к будущему городу Чернигову. Размеры поселка нам не известны, так как зачистка далее на юг не производилась, а восточная часть берега обвалилась в XIX в. Раскопанная землянка отстояла от южного мыса Черниговского городища на 300 м и от прежнего восточного края берега на 150—200 м. Судя по этим данным, древнеславянский поселок, давший начало Чернигову, был очень значительных размеров.

От X—XII вв. здесь остался мощный культурный слой с характерным городским инвентарем: корчаги, стрелы, шиферные пряслища, стеклянные браслеты. К сожалению, никаких остатков древних укреплений X—XII вв. здесь не найдено. Больше того, судя по находкам жилищ XII в. под валом XVII в., можно утверждать, что укрепления детинца или острога проходили где-то в ином месте (вероятно севернее).

Поверхность слоя очень хорошо различима в профиле — жирная плотная прослойка, насыщенная находками, но без следов пожара.

К сожалению, и этот слой сильно искажен как постройкой церкви 1186 г., так и позднейшими погребениями и хозяйственными постройками. Участки со слоем X—XII вв. сохранились между кладками церковных стен в центральном нефе и частично в южном нефе. Керамика этого слоя вся гончарная. Наибольшая часть ее относится к XII в. Для горшков характерен крутой, по большей дуге отгиб венчика, тонкость стенок, звонкость и хороший горновой обжиг. Орнамент состоит из небольших защипов, линий и реже волны. Есть днища с клеймами (крест в круге). Общий облик «скудельных сосудов», т. е. кухонной глиняной посуды, довольно изящный и резко отличается от одновременной курганной высоким качеством выделки. Из редких форм следует отметить небольшой горшочек с оттянутой горизонтальной глиняной ручкой (рис. 30).

В одном из жилищ, находившемся под кладками южного нефа и поэтому исследованном лишь в незначительной степени, найдено в яме, помимо керамики, много железных ключей с бородками и железная ручка от шкатулки. По всей вероятности, ключи лежали в этой шкатулке, опущенной в подполье. Здесь же встречена тонко выточенная костяная «цурка» — застежка от меховой одежды (рис. 31).

Около северного столба из средней пары найдены также остатки жилища с интересной поливной плиткой вишневого цвета с рельефным эмалевым узором.

Около южного портала под забутовкой паперти обнаружено жилище, частично осыпав-

шееся в реку. Сохранилась лишь его западная часть. Жилище было построено на массивных столбах-«стульях» (диам. 30 см), глубоко врытых в землю. Никаких следов сруба здесь не прослежено. Очевидно, он начинался над дневной поверхностью почвы XII в. и поэтому не сохранился. Ориентировано это жилище на ССЗ. Следов печи нет.

Еще одно, и наиболее интересное, жилище обнаружено против северного портала церкви 1186 г. Судя по близости к portalу, оно должно было предшествовать церкви или было снесено при ее постройке. Это жилище было обнаружено при розыске древних землянок VII—VIII вв. на запад от обрушившейся землянки 1946 г. Древних землянок здесь не было найдено, а вместо них раскопано жилище XII в., по всей вероятности близкое к 1180-м годам. Общие контуры жилища в небольшом раскопе не были прослежены, но сруб и здесь покоился на «стульях», врытых в материк. Две линии столбов-стульев идут под прямым углом, вершина угла обращена на северо-восток, одна линия столбов идет на запад, а другая — на юг.¹³⁰ В углу, образуемом этими линиями столбов, обнаружена неправильной формы большая яма, врезанная на 80 см в материк и названная первоначально землянкой. Длина «землянки» — 5 м, ширина — 4 м. Внутри «землянки», в ее южной части, на материке обозначился печной сруб больших размеров (240 на 180 см), вытянутый с запада на восток. Внутренность сруба была заполнена печиной и углями. Толщина бревен сруба 18—20 см. Огромная печь занимала ровно половину «землянки». В северной половине ее прослежена околпечная яма, вытянутая так же, как и печь.

«Землянка» хорошо датирована посудой XII в. (горшки, корчаги).

Рядом с «землянкой», на север от нее, прослежен небольшой вал и ровик, идущие в одном направлении с осью печи. Эти сооружения настолько малы, что могли служить только оградой усадьбы, но никак не крепостным валом. В заполнении рва — керамика XII в.

Раскопанная «землянка» может быть понята только при сопоставлении с другими жилищами той эпохи. За аналогиями нам придется обращаться не в соседний Киев, где есть миниатюрные землянки с глинобитными печами, а в сторону лесного северо-востока, в области Дебрянска, Вщижа и Карачева, куда чуть не ежегодно ездили черниговские князья, начиная с 1142 г. Наиболее часто ездил вверх по Десне «орудий своих дея» черниговский князь Святослав Всеволодич. В моих раскопках 1940 года во Вщиже, удельном городе

¹³⁰ Продолжать раскопки на юг не имеет смысла, так как там все перекопано в начале XX в. Раскопки же на запад должны дать продолжение этого жилища.

Черниговского княжества, были обнаружены жилища на столбах-стульях с обширными подпольями. Печи там ставились на больших бревенчатых срубах, опущенных в подполье.¹³¹ Все эти детали встречены и в черниговском жилище.

Нам надлежит теперь определить назначение вскрытой «землянки».

Соотношение размеров печи и остающейся свободной площади в «землянке» таково, что

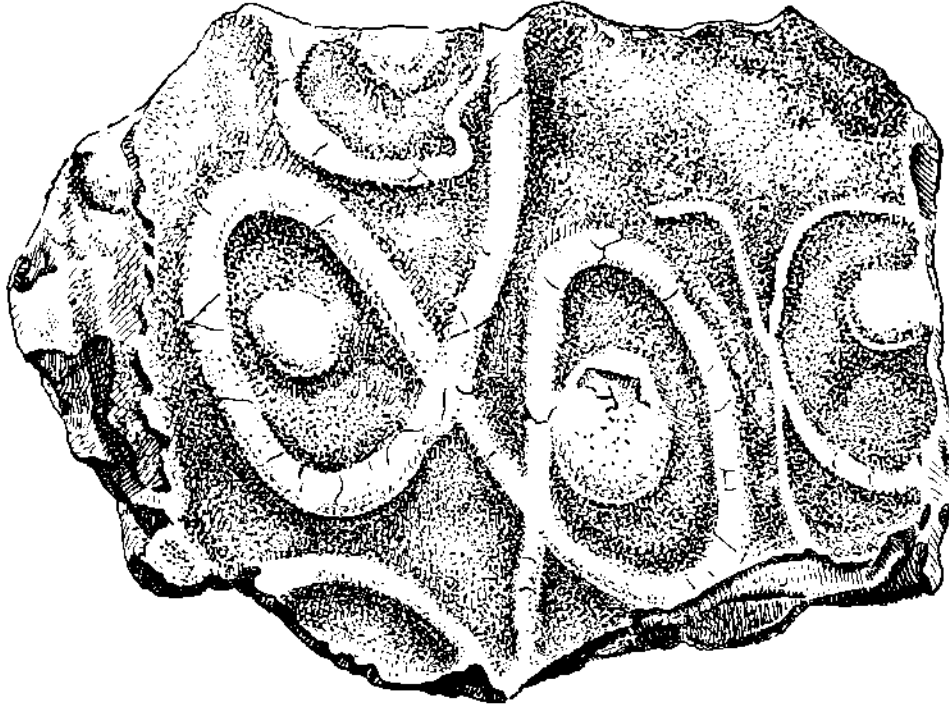

Рис 32. Настенная полихромная поливная плитка из жилища XII в.

исключает мысль о том, что все жилище ограничивалось этим прямоугольным углублением 5×4 м, три четверти которого заняты печью и околопечной ямой для золы. Мы не знаем ни одного самостоятельного жилища, где было бы так мало свободного места для живущих в нем. Уходящие на запад и на юг столбы подсказывают нам, что «землянка» представляет собой часть какого-то большого наземного строения, притом угловую его часть. Господствующее положение печи может говорить о том, что перед нами — кухня, поварня большого дома.

Большой интерес представляют многоцветные поливные плитки, обнаруженные на территории поварни, но не на полу ее, а на предполагаемом уровне дневной поверхности XII в. Плитки покрыты зеленой яркой поливой, поверх которой техникой пастилажа нанесен рельефный узор из желтых пуговок и белых

¹³¹ Эта система стройки сохранилась в селе Вщиже и до сих пор. Сруб в 10—15 венцов выводится из подполья на поверхность до уровня стола в избе, и тогда сруб покрывают накатом и выкладывают на нем печь.

разводов (рис. 32) Рельефный узор хрупок, но не носит никаких следов стертости. Из этого я заключаю, что подобные плитки, встреченные и в других домах XII в., предназначались не для вымостки пола. Все известные нам плитки из древних полов — гладкие, без рельефного узора. Как только мы встречаемся с рельефным узором, мы вправе предполагать иное назначение. Такие плитки могли быть облицовкой или печей или стен. На юге Руси де-

ревянные здания могли иметь глиняную обмазку и побелку. В тех редких случаях, когда летописец описывает деревянные здания, он восхищается тем, что они «убелены, яко сыр» (т. е. творог). В таких условиях вкрапление цветных пятен в белую гладь стены было вполне художественно оправдано.

Щедрое украшение внешних стен здания поливными плитками мы видим в Коложской церкви в Гродне второй половины XII в. По всей вероятности, настенного происхождения и знаменитые рельефно-узорные плитки из дворцового комплекса в Белгороде. Черниговские поливные плитки с рельефным пастилажным узором можно считать украшением стен (печей?) большого и богатого дома, из которого нам известен только его северо-восточный угол с поварней и часть ограды усадьбы.

Дома, снесенные при постройке собора 1186 г., принадлежали, вероятно, дружинникам князя Святослава Всеволодича, строителя собора. По своему происхождению мастера, строившие дома этих дружинников, могли быть связаны с областью княжеского домена

в Корачеве и Дебрянске, так как сходство жилищ этой части черниговского детинца с брайским типом очень велико.

Возможно, что прирезка к детинцу северо-восточного угла произошла во второй половине XII в. Новый участок мог принадлежать именно тому князю, который был связан и с Верхней Десной и в данном участке детинца чувствовал себя хозяином настолько, что не постеснялся разрушить жилые хоромы ради постройки церкви.

На основании двухлетних раскопок и изучения письменных источников и старых планов можно так обрисовать историю северо-восточного угла черниговского детинца.

1. На высоком берегу реки Стрижня в VII—VIII вв. находился довольно большой славянский поселок, предшественник города Чернигова.

2. В XI—XII вв. здесь селились княжеские дружинники, жившие в просторных, богато украшенных срубных домах деснинского, а не киевского типа. Дома были снесены в конце XII в.

3. В 1180-е годы, по всей вероятности около 1183 г., киевским князем Святославом Всеволодичем, покинувшим Чернигов в 1177 г., но приезжавшим сюда гостить, была предпринята постройка в северо-восточном углу детинца Благовещенской церкви. Строительством вели княжеские мастера (судя по обилию княжеских знаков на кирпичках; о них ниже). Все части церкви строились одновременно.

4. В марте 1186 г. Благовещенская церковь была освящена, по всей вероятности, 25 марта на праздник Благовещения, что было в обычае того времени. «В лето 6694 (1186) месяца марта Святослав Всеволодичь святы церковь в Чернигове святого Благовещения, ю же бе сам создал» (Ипат. лет. 1186 г.).¹³²

5. В 1196 г. здесь был похоронен «Буй-Тур» Всеволод Святославич, брат Игоря.

6. Когда-то, возможно в 1239 г., когда татары метали на город огромные камни, рухнула небольшая часть церковных сводов.

а) обвалилась часть западной подпружной арки, державшей центральный купол;

б) обвалилось покрытие над южным столбом притвора;

в) упал блок около южного портала.

Несмотря на произведенные разрушения, церковь тогда не рухнула.

Площадь вокруг церкви, очевидно, не была застроена после 1186 г., и поэтому следов батыева погрома, слоя угля и золы здесь нет.

7 Стены Благовещенской церкви аккуратно разобраны под один уровень; этот уровень лишь на 5—6 рядов кирпича выше мозаичного

¹³² Это известие — единственная запись в летописи за 1186 г.

пола 1186 г. и приблизительно соответствует уровню дневной поверхности XVII в. Следов развала церкви нет; весь излишний кирпич и щебень убраны с этого места и были куда-то увезены в сторону. Кирпич со знаками из этой постройки встречен в разных местах города.

8. В 1676 г. полковник В. К. Дуний-Борковский строит на месте разобранной каменной новую деревянную Благовещенскую церковь, вокруг которой создается обширное кладбище XVII—XVIII вв.

При постройке деревянной церкви (ютившейся в алтаре старого собора XII в.) долбили старую кладку для гнезд деревянных стоек. Подкупольное пространство церкви XII в. оказалось в XVII в. уже за пределами новой церковки, но новый алтарь приходился точно на старом алтаре, как это явствует из анализа раскопок 1909 г. (см. ниже).

9. Деревянная церковь 1676 г. просуществовала менее столетия и в один из пожаров Чернигова сгорела. Ни на одном из дошедших до нас планов Чернигова XVIII столетия Благовещенской церкви уже нет. Самый старый план — 1739 г.

10. В XVII в. был насыпан вал, основание которого видно в профиле берега. Неподалеку от берега были так называемые Погорелые ворота. Никаких признаков древнего вала XII в. здесь нет, да и не могло быть, так как если бы вал XII в. проходил там, где вал XVII в., то он закрывал бы собою северный портал собора, что мало вероятно. Очевидно, вал времен Святослава Всеволодича проходил несколько севернее.

11. В XVIII в. в этом углу крепости были дом полковника Троицкого и Инженерный двор. И то и другое сооружения раскопаны. Дом полковника находился в южной части раскопа, а Инженерный двор — в западной. На Инженерном дворе применяли вымостку комнат древним кирпичом XII в. Встречена даже одна печь с изразцами XVIII в., сложенная из кирпича с княжескими знаками XII в.

12. В 1803 г. вал был срыт и местность перепланирована заново. Проложена Гончая улица (ныне ул. Ленина).

13. На протяжении XIX в. в северной части детинца было построено много каменных и деревянных зданий.

14. В 1876 г. засвидетельствован первый обвал берега, обнаруживший древние кладки. Обвалы продолжались.

Последнее сильное наводнение было в 1942 г., когда унесло в реку еще кусок берега.

15. В 1941 г. немецко-фашистские варвары бомбардировали мирный город, разрушив при этом ряд исторических памятников (Пятницкая церковь, Борисоглебский собор и др.) и жилые дома.

Дома по улице Ленина в районе раскопок были в большинстве своем разрушены.

2. Раскопки Благовещенского собора XII в. в 1878—1909 гг.

В 1876 г. «обвалилась часть горы над речкою Стрижем... и внизу под горою оказались части толстых каменных фундаментов церкви и масса мусора, в котором были находимы золотые и серебряные браслеты, сережки и другие предметы».¹³³

«Из обрыва вала торчали четыре каменные стены толщиной от 2 до 2½ аршин (150—180 см). Сверху присыпаны были они землею на поларшина и на аршин (35—70 см). Кладка стен самая древняя: внизу дикие камни, потом белые и красные с желтым большие тонкие квадратные кирпичи, между которыми вершка на 2 слой цемента. Года два пред тем из обрыва вала торчали еще два больших толстых каменных свода, но два большие разлива р. Десны 1877 и 1878 гг. значительно подмыли вал, отчего он осел, торчавшие из него своды отвалились, разбились при падении на несколько кусков... полукруг одного свода лежал целый».¹³⁴

Усадьбы, на задах которых произошли обвалы, выходили фасадом на Гончую улицу и принадлежали: одна Решко, а другая — Долгову. Позднее здесь помещалось Черниговское уездное земство. Дома эти были разрушены в 1941 г.

В 1878 г. 15 июня В. И. Величковская нашла под обрывом 9 серебряных гривен-слитков и остатки глиняного горшка, очевидно содержащего гривны.¹³⁵ По свидетельству Д. Я. Самоквасова, две гривны были киевского типа, а остальные семь — черниговского. Длина слитков — от 6,6 до 8 см, толщина — 1 см. Вес — около 200 г.¹³⁶

«Впоследствии около того же места был найден ящик с несколькими золотыми и серебряными браслетами, серьгами и украшениями».¹³⁷

Вслед за находкой клада гривен на месте обвала произвел раскопки местный любитель старины Турвон Венедиктович Кибальчич.¹³⁸

¹³³ Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли М., 1908, стр. 255.

¹³⁴ П. М. Добровольский. Ук. соч., стр. 4. Описание четырех стен апсид очень точно.

¹³⁵ Эти гривны без подробной характеристики упомянуты А. А. Ильиным в «Топографии кладов...» Пг., 1921, стр. 53, но с ошибочным адресом.

¹³⁶ Д. Я. Самоквасов. План археологических работ... стр. 17. Гривны «черниговского» типа с расплюснутыми концами были встречены только в пределах Северского княжества (в Горбове, Чубарове и Мамекине), из них многие имеют греческие надписи. (См. также о находке в Лубнах, ОАК за 1903 г., стр. 143). Прошедшая мимо нумизматической литературы находка на Стриже является единственной сделанной в Чернигове и оправдывающей утвердившееся за гривнами название черниговских.

¹³⁷ П. М. Добровольский. Ук. соч., стр. 5.

¹³⁸ Т. В. Кибальчич. Археологическая находка. Черниговские епархиальные ведомости, 1878, прибавл. к № 25.

Раскопками Т. В. Кибальчича обнаружена мозаика, энколпион, костяной наконечник стрелы, кровельный свинец, удила, два больших железных ключа, половина серебряного паникадила и 20 погребений без гробов. Одно погребение было найдено в гробу и с остатками серебряной парчи.

«Открыты также с северной стороны стены бывшего храма, на 3 аршина (2 м) ниже поверхности земли, два разделенные стенами склепа. Один из них квадратный, в 4 аршина длины и ширины (284,5 × 284,5 см). Верхняя часть обоих склепов покрыта фресками, внизу карниз. Ниже карниза в одном из них около стены найден гроб из кирпичей более 3 аршин длины, а ширины в головной части 14, а в ножной 12 вершков. И в этом гробе открыт целый скелет покойника без всяких признаков деревянного гроба». В результате раскопок у Кибальчича сложилось представление о двупрестольном храме с боковым приделом.

Добавим от себя, что Кибальчич раскопал не только три средних нефа, но и восточный конец северной галлерей, принятый им за «склепы». За точные промеры «квадратного склепа» наука должна быть благодарна Кибальчичу, так как они позволяют воссоздать ту часть здания, которая сейчас уже совершенно разрушена. Сохранилась лишь гробница, исследованная Кибальчичем. Она действительно расположена ниже «карниза»; на месте второго «склепа», размеры которого не указаны (как как он на самом деле являлся галлереей), после раскопок был устроен погреб, обнаруженный нашими раскопками. Указание на фрески и карниз в «склепах» совпадает полностью с данными 1946 г.

В том же 1878 г после Кибальчича производил раскопки развалин Д. Я. Самоквасов, который расчистил места раскопок Кибальчича. «В части церкви непосредственно перед алтарем встретил нераскопанную часть подполья храма».¹³⁹ В «подполье» были найдены два костяка — женщины и девочки с интересными головными уборами из серебряного кружева конца XVII в.¹⁴⁰ В культурном слое найдены обломки стеклянного браслета и куски фресок. «Развалины представляют собою основание древней трехпрестольной церкви, по способу кладки и по форме вполне сходные с основанием Черниговского Преображенского собора, заложенного князем Мстиславом Владимировичем в 1031 г., но меньших размеров: центральная часть его между фундаментами заключала пространство 14 аршин ширины, а боковые приделы в два раза меньше... С восточной стороны, в алтарной части, храм оканчивался тремя боковыми сводами (?), из которых два весною нынешнего года обр»-

¹³⁹ Д. Я. Самоквасов Могилы русской земли. М., 1908, стр. 256.

¹⁴⁰ Коллекция Д. Я. Самоквасова в ГИМ № (по описи Самоквасова) 5322—5388.

шились к р. Стрижню, а третий, южного придела, еще сохраняется в целости.»¹⁴¹

Нельзя сказать, чтобы отчет Самоквасова отличался точностью. Во-первых, система кладки Благовещенской церкви и Спасского собора совершенно различны здесь нет камней между рядами кирпича, нет утопленных внутрь рядов, сами кирпичи иных размеров. Во-вторых, цифровые расчеты Самоквасова не сразу удалось сопоставить с данными раскопок: у него получалась ширина среднего нефа 10 м, а боковых — по 5 м. Раскопки 1946 г. выяснили, что ширина среднего нефа 6,2 м, а боковых нефов по 2,6 м. Ошибка Д. Я. Самоквасова могла произойти лишь в том случае, если он за средний неф принимал пространство между кладками В и Д, равное точно 10 м, а за «приделы» были приняты: на юге пространство между кладками Б и В, а на севере — Д — Е. Ширина в 5 м может получиться лишь тогда, когда измеряется не только пространство между кладками, но и толщина самих кладок.

В итоге двукратных раскопок 1878 г. выяснилось наличие на берегу Стрижня церкви домонгольского времени. Характер раскопанного здания остался неясен как Т. В. Кибальчичу, так и Д. Я. Самоквасову. Раскопки первого описаны более обстоятельно и очень важны для восстановления восточных концов галлерей. Встреченные при раскопках погребения за немногими исключениями относятся, судя по вещам, к последнему периоду существования церкви — к XVII—XVIII вв. В 1909 г., после юбилейных празднеств, посвященных тысячелетию Чернигова, двое членов Черниговской ученой архивной комиссии, Петр Семенович Кармалей и Михаил Акимович Сахновский, предприняли с 8 по 17 июня новые раскопки на месте развалин, заявив при этом не без горделивости, что «эта раскопка интересна тем, что показывает полное несовершенство предыдущих».¹⁴²

К сожалению, методы раскопок и фиксации и в 1909 г. были крайне несовершенны. Члены Архивной комиссии впервые занялись раскопками В описании раскопок они не соблюдали элементарных правил точности: не указывали направления траншей (№ 2 и № 5), не указали длины и ширины траншеи № 5, не определили их взаимное положение. Упомянув кирпичные кладки, авторы раскопок не описали фундаменты, не указали высоту кладок, характер кирпича и даже не упомянули ориентировку кладок ни по странам света, ни по отношению к траншее. Не отмечено даже взаимное положение кладок и не всегда указаны интервалы между ними. Добавим к этому, что при отчете нет ни одного чертежа или

плана и ни одного рисунка. Предпринятая мною до начала раскопок 1946 г. попытка перенести словесные данные отчета на чертеж окончилась безуспешно. Неизвестно было расстояние между кладками А и Б, между В и Г, неизвестна ширина кладки В и кладки Д, неизвестны размеры открытых склепов. Археологическая сторона раскопок 1909 г. вызывает недоумение и досаду. Для характеристики уровня архитектурных знаний Кармалея и Сахновского достаточно сказать, что они раскопали алтарь Благовещенской церкви и остатки белокаменного кивория XII в. (об этом ниже), но не поняли ни того, ни другого, не обозначив даже размеры и местоположение алтаря (кладка В).

Раскопки 1909 г. обнаружили четыре кладки стен церкви, интереснейшие обломки резного белокаменного сооружения, мозаику в средней апсиде и 8 кирпичных гробниц в боковых апсидах. Особенностью погребального обряда является наличие глиняного горшка и углей справа от головы. Несколько гробниц расположены одна над другой. Есть погребения без гробов и без склепов. Из них интересно самое северное погребение (но как будто бы внутри церкви, в северной апсиде) с костяным наконечником стрелы и гончарным горшком, наполненным ячменем. Из инвентаря интересны нашивные бляшки со «стеклышками» в склепе № 1 (южная апсида).

Погребения в алтарных апсидах относятся частью к XIII—XIV вв. (с керамикой), а частью — к XVII—XVIII вв., когда здесь существовала деревянная церковь.

3. Раскопки Благовещенского собора в 1946—1947 гг.

Работы были начаты с обрушившейся части и велись далее в западном направлении.

Кладки обозначались русскими буквами, начиная с юга: А, Б, В, Г, Д, Е. Предполагалось до раскопок, что эти обозначения совпадут с литерами 1909 г., но, как выяснилось позднее, соотношение обозначений 1946 г. и 1909 г. иное:

1946 г.	А	Б	В	Г	Д	Е
1909 г.		А	Б	Г	Д	

Кирпич всех шести кладок однороден, т. е. одни и те же варианты встречены везде. В кладках применялось два основных формата: 28 × 25 × 5 и 25 × 18 × 3 или 4.

Кирпич хорошо обожжен, тесто в изломе пестрое с прожилками. Формовали кирпич в разъемных формах (рис. 33).

На плоских сторонах и реже на торцах есть знаки (рис. 51). Знаки встречены примерно на одном проценте кирпичей, что может говорить о том, что метились сотни готовых к просушке экземпляров.

¹⁴¹ Д. Я. Самоквасов. Ук. соч., стр. 257.

¹⁴² Отчет о деятельности Черниговской губернской ученой архивной комиссии за 1909 г. Чернигов, 1910, стр. 5—6.

Кирпич Благовещенской церкви особенно интересен своей двуцветностью. Наряду с обычным красным кирпичом здесь широко применялся желтый кирпич, по своему цвету приближающийся к белому камню. Формат желтого кирпича тот же, что и красного. Жел-

чи заподлицо с кирпичами. Забутовка фундаментов залита сероатой известью без примеси кирпича. В то же время раствор во время укладки кирпичей был очень пластичным, так как проникал во все впадины как нижнего, так и верхнего слоя кирпичей

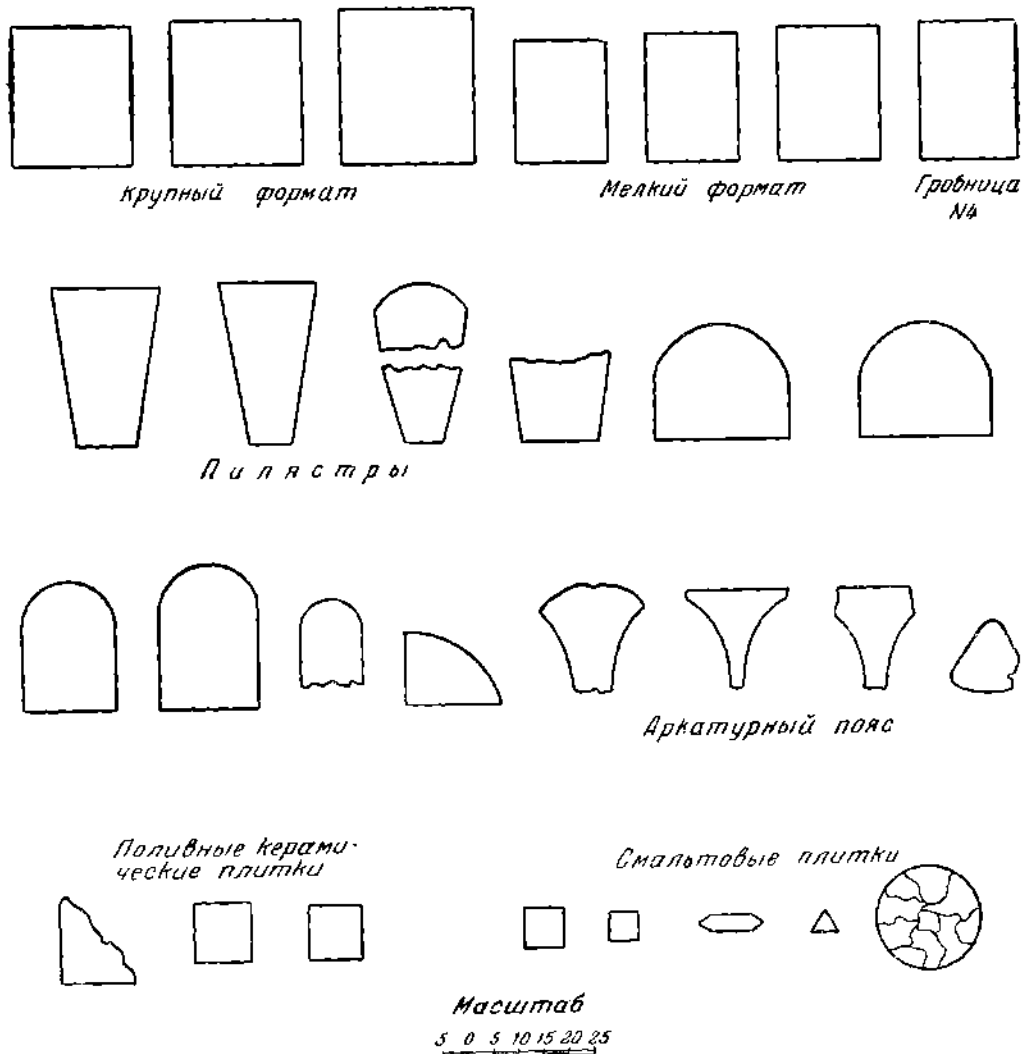

Рис. 33. Кирпичи, полувные и смальтовые плитки Благовещенского собора 1186 г.

тый кирпич во всех кладках как внешних, так и внутренних был выведен на уровне древнего пола. Какое это могло иметь значение при наличии штукатурки — неясно.

Кроме обычного прямоугольного кирпича, встречено много лекальных косоугольных кирпичей для пилыстр, для вертикальных тяг на куполах и для аркатурного пояса.

Во всех частях здания кирпичная кладка сложена на известе с примесью толченого кирпича (цемянке). Раствор применялся, вероятно, в густом виде, так как толщина слоя очень значительна и обычно равна толщине кирпича. В подземных частях кладки раствор не заглаживался, а в надземных заглажен по-

тревожен позднейшими сооружениями, на оставшемся слое цемянки можно видеть рельефные отпечатки клейм уничтоженных ныне кирпичей.

Обнаруженные раскопками стены Благовещенской церкви тянутся от обрыва берега с востока на запад. Ориентированы они по странам света с редкой для древнерусских зданий точностью. Азимут поперечной оси церкви равен всего-навсего 2°. Погрешность настолько незначительна, что ею можно пренебречь.

Другие древние здания Чернигова ориентированы очень неточно:

Борисоглебский собор	азимут	330°
Спаский собор	»	317°
Пятницкая церковь	»	300°
Киевский Софийский собор	»	330°

Интересно то, что все отклонения выражаются в крупных долях прямого угла: 30°, 45°, 60°. Отклонение в 2° к востоку, может быть, объясняется тем, что в 1186 г. черниговцы ориентировали здание по Полярной звезде.

мером 10—30 см, залитые серой грубоватой известью с небольшой примесью песка. Слой валунов колеблется от 30 (кладки Б и Г) до 60 см (под столбами).

2. Над камнями положен битый кирпич, густо залитый такой же известью. В самой середине забутовки местами остались сухие кирпичи, не залитые известью. Слой щебня с известью достигает 35—40 см.

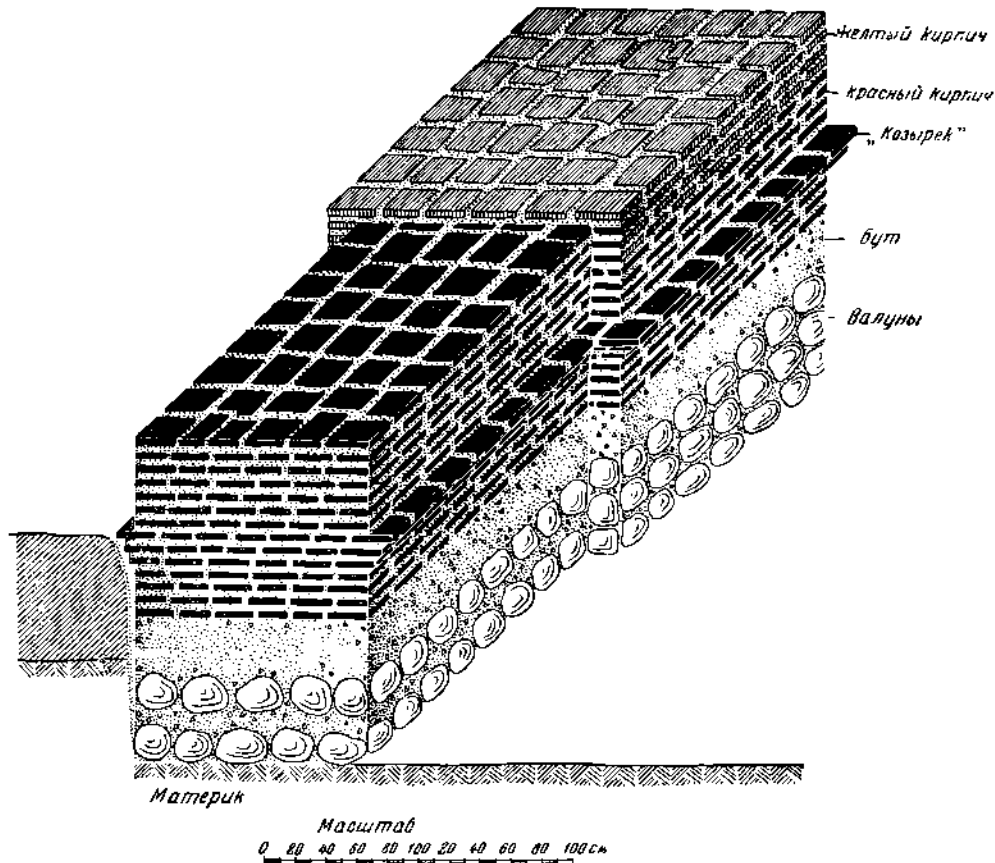

Рис. 34. Схема кладки стены и фундамента (кладка Г, вид с востока). Аксонометрия.

Кладка стен отличается строгой прямизной и параллельностью линий (рис. 29).

Раскопки установили отсутствие ленточных фундаментов под пролетами арок. Обследованные фундаменты всех кладок обнаружили единство строительных приемов во всех частях здания и однородность материалов. Рвы под фундаментами рылись с таким расчетом, что почти вплотную заполнялись материалом. Зазор между стенками рва и кирпичами очень мал — 5—8 см; он заливался серой известью. Рвы прорезали культурный слой, но не всегда на всю глубину. Так, например, под кладками А, В и Е прослежены остатки культурного слоя с керамикой XI—XII вв.

Наиболее глубоко залегают кладки Б, Г и Д, лежащие в материке, прорезанном на глубину до 80 см. Структура всех шести продольных фундаментов, начиная снизу, такова (рис. 34):

1. Внизу положены округлые валуны раз-

3. Забутовка залита сверху известью, и над щебнем чистая известь составляет подушку в 15—20 см, поверх которой положены кирпичи.

4. Кирпичная кладка на цемянке.

Наименее основательно положен фундамент простенка между кладками Д и Е. Здесь нет слоя валунов и щебневая забутовка положена прямо на дно рва. Уровень дна на 55 см выше, чем у соседних кладок. По всей вероятности, эта перемычка являлась стеной, не несшей никакой тяжести и лишь отделявшей угловое помещение (может быть, ризницу?).

Кирпичная кладка над забутовкой делится на три горизонтальных яруса:

1. Нижний ярус составляют 6—7 рядов кирпичей, положенных на ином растворе, чем известь забутовки, — на цемянке. Боковые стороны кладки не вполне вертикальны, а слегка расширяются кверху путем выпуска,

нависания верхних рядов над нижними. Раствор на боковых сторонах не заглажен.

2. Верхний ярус резко отличается от нижнего ровностью кладки, тщательной заглаженностью раствора на боковых сторонах и отделен от него горизонтальным козырьком в один кирпич, окаймляющим все кладки.

3. Часть верхнего яруса (примерно на 10 рядов кирпича выше забутовки) составляет кладка над уровнем пола. В этой части клад-

«kozyрьком», вероятно для того, чтобы предотвратить проникновение воды сверху (рис. 35).

Выше «kozyрька» стены выведены строго вертикально, без утопления кирпичей в глубину кладки. Камней в кладке нет. Слои цемянки равен толщине кирпича. В кладке *В* прослежено чередование толстого и тонкого кирпича: 1, 2, 3, 4-й ряды снизу — тонкий маломерный кирпич, 5-й ряд — толстый кирпич, а

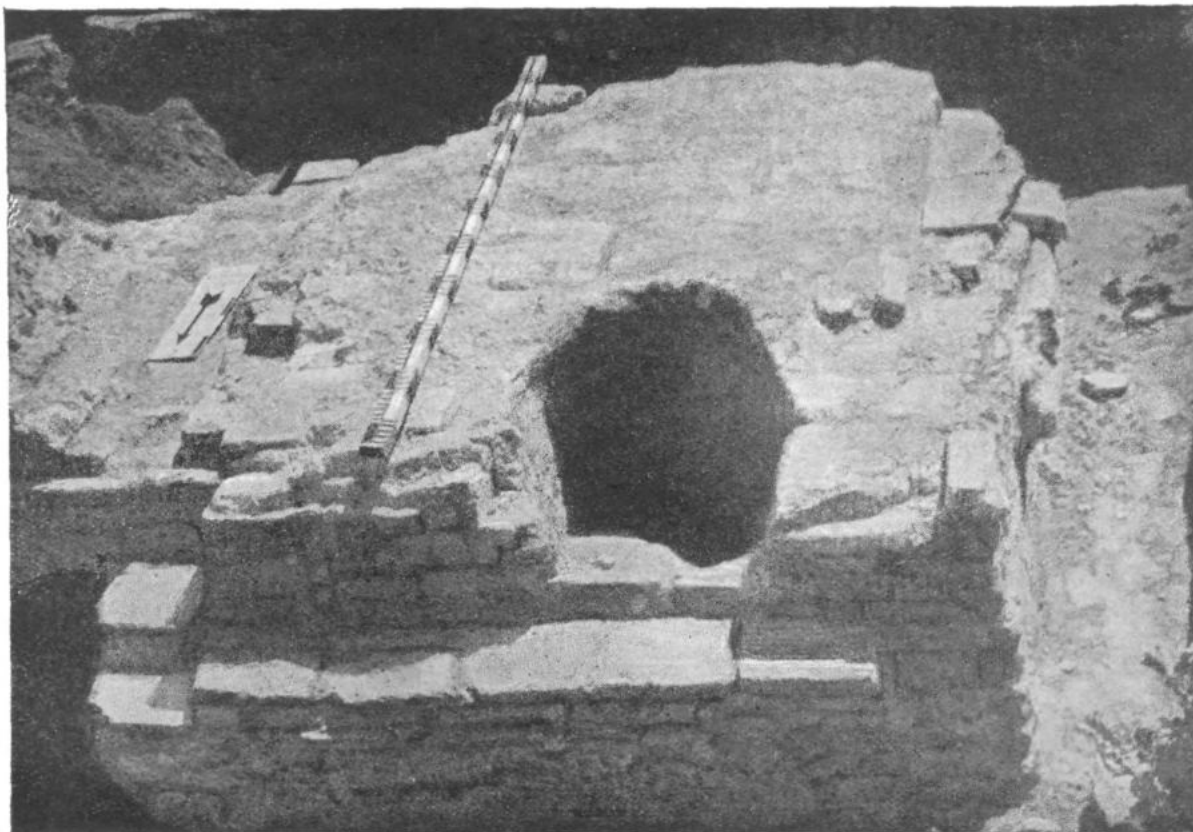

Рис. 35. Юго-восточный столб (кладка *В*, вид с севера). На переднем плане — «kozyрек».

ки в среднем и северном нефах встречены сплошные полосы желтого кирпича в 3—4 ряда. От «kozyрька» фундамента до уровня пола 3—4 ряда красных кирпичей.

Своеобразной особенностью кладки Благовещенской церкви является упомянутый выше «kozyрек», отделяющий фундамент от собственно стены. Первоначально в процессе раскопок он был принят за уровень пола XII в., а лежавшая над ним подсыпка — за позднейший ремонт пола в XVII в.; но вскоре выяснилось, что «kozyрек» отделен от пола расстоянием в 30—55 см. Назначение «kozyрька», очевидно, связано с желанием наглухо закрыть зазоры между фундаментом и его заполнением. Зазор между кирпичной кладкой фундамента и стенками рва залит цемянкой, прочно связавшей все ряды в один монолит. Снаружи эта заливка прикрыта

далее до 12-го ряда толстые и тонкие кирпичи чередуются. Начиная с 12-го ряда (считая от забутовки), примерно на уровне наземных стен преобладают ряды толстого крупномерного кирпича. Иногда мастера пользовались различной толщиной кирпича для выравнивания кладки в горизонтальном отношении. На 1 м кирпичной кладки приходилось 13 рядов кирпича и 12 рядов цемянки, т. е. в среднем ряд кирпича и раствора был толщиной в 8 см.

Вертикальные швы, как правило, перекрыты кирпичами верхнего ряда. Поперек кладки укладывались $4\frac{1}{2}$ и 5 кирпичей (кладка *Е* — $4\frac{1}{2}$, кладка *Д* — 5). Опорные столбы имеют по 7 кирпичей в каждой стороне. Различие в ширине кладок достигалось продольной и поперечной укладкой кирпичей и применением разных форматов. В кладке *Е* (более узкой, чем *Д*) наблюдается иногда заполнение се-

редины кирпичом, расколотым пополам. Во все мелкие куски встречены как исключение.

Кирпичи одной горизонтальной плоскости располагались так, что один ряд закрывал швы другого ряда. В выкладке полуколонн применялся лекальный кирпич. Система кладки обнаруживает большое умение мастеров, выработанность ряда приемов, сознательное комбинирование различных форматов кирпича. Высокие качества кирпичей и раствора в сочетании с аккуратностью кладки обеспечивали прочность здания, простоявшего пять столетий.

Полы. Первоначально при зачистке профиля за уровень пола был принят «козырек», делящий кладку на две части — нижнюю неровную, явно подземную, и верхнюю, заглаженную и правильную. Затем выяснилось, что уровень пола лежит выше на 30—60 см. На уровне «козырька» обнаружено много крошек цемьянки, втопанной в жирную поверхность культурного слоя 1180-х годов. Тщательная зачистка слоя на уровне «козырька» не обнаружила никаких следов вымостки пола.

Пол в средней части церкви (средний и северный нефы) настлан на массивную земляную подсыпку из рыхловатой земли с тонкими горизонтальными прослойками песка. Чем дальше от кладок, тем больше прогнута прослойка подсыпки вниз.

Толщина земляной подушки 50—55 см, на ней лежит слой цемьянки со щебнем в 5—6 см, а поверх него — вымостка пола из поливных плиток или мозаики (рис. 36).

Уровень пола вдавлен между западкой парой столбов упавшим блоком подпружной арки; в остальных частях он горизонтален. Сохранились лишь отдельные фрагменты площади пола, так как он сильно поврежден могилами и ямами XVII—XX вв.

Уровень пола в северной галерее улавливается хуже, так как там отсутствует прослойка цемьянки.

По косвенным данным (уровень залегания поливных плиток) создается впечатление, что уровень пола в галерее-усыпальнице (за исключением секции 4-й) несколько ниже пола средней части церкви (на 20 см), но это подлежит проверке на более сохранных участках.

Плитки залегали на 30 см выше «козырька» кладки *Е*, местами под поливными плитками найдены обычные кирпичи. В качестве вымостки применялись поливные плитки обычного для XII в. типа и пластины стеклянкой смальты. Поливные плитки стандартного размера 12 × 11 см, тесто из тонко отмученной светлорозовой глины. Обжиг хороший.

Полива встречена четырех видов: желтая, зеленая, вишневая и темная с белыми серпами, встреченная и в Белгороде.¹⁴³

Нигде вымостка из плиток не найдена в нарушенном состоянии, но все же можно уловить постоянное чередование находок желтых и зеленых плиток; ближе к стенам здания встречаются темновишневые плитки. Возможно, что вымостка имела такой вид: по краям шла кайма из вишневых плиток, а в центре чередовались в шахматном порядке зеленые и желтые плитки, уложенные косыми рядами (как в Белгороде). В этой реконструкции наи-

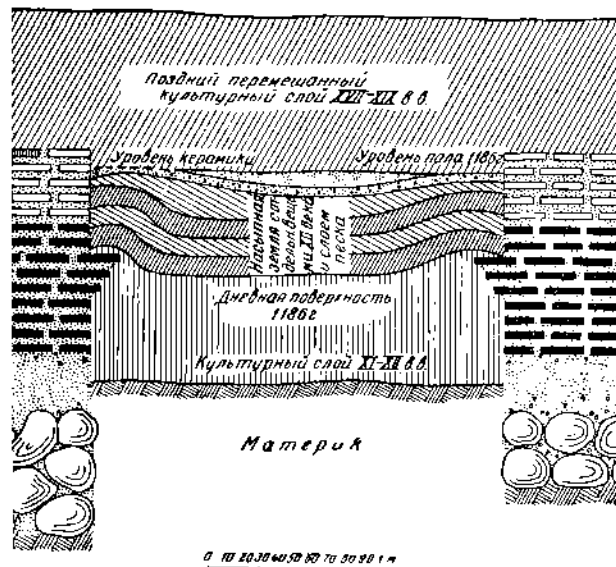

Рис. 36. Стратиграфия северного нефа (слева — кладка *Г*; справа — кладка *Д*).

более проблематично окаймление из вишневых плиток. Одна вишневая плитка найдена под гробом у южной стены церкви при зачистке профиля.

Мозаика. Наряду с поливными плитками в Благовещенской церкви применялась и мозаика, составленная не из малых кубических кусочков смальты, а из больших плоских пластин, размеры которых доходят до 8 см. Толщина пластин 0,5—0,6 см. Смальта очень тяжелая, с сильной примесью свинца. Соли свинца выступили на поверхность пластин и придали мозаике одноцветную белую окраску. Определение подлинного цвета в полевых условиях было сопряжено с большими трудностями. В Москве в лабораторных условиях удаление солей свинца производилось горячей азотной кислотой и механическим путем.

Все обнаруженные участки пола с мозаичной вымосткой зарисовывались на месте в крупном масштабе. Каждый кусок смальты нумеровался, и этот номер ставился на кальке с рисунком. Благодаря этому имеется полная возможность восстановить мозаику. Формы кусков смальты различны: квадрат, треуголь-

¹⁴³ Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в местечке Белгородка.

Труды Предвар. комитета XV Арх. Съезда, т. I, 1911, Табл. III. (Рисунки первый и второй слева наверху.)

ник, шестиугольник вытянутый, куски разной формы для фигурного набора и круги.

Одним из принципов построения узора было применение вписанных квадратов, проме-

нилось лишь два небольших куска: один близ кладки Д, а другой около юго-западного столба. В первом случае уровень мозаики был на 57 см выше «kozyрька» фундамента. Там со-

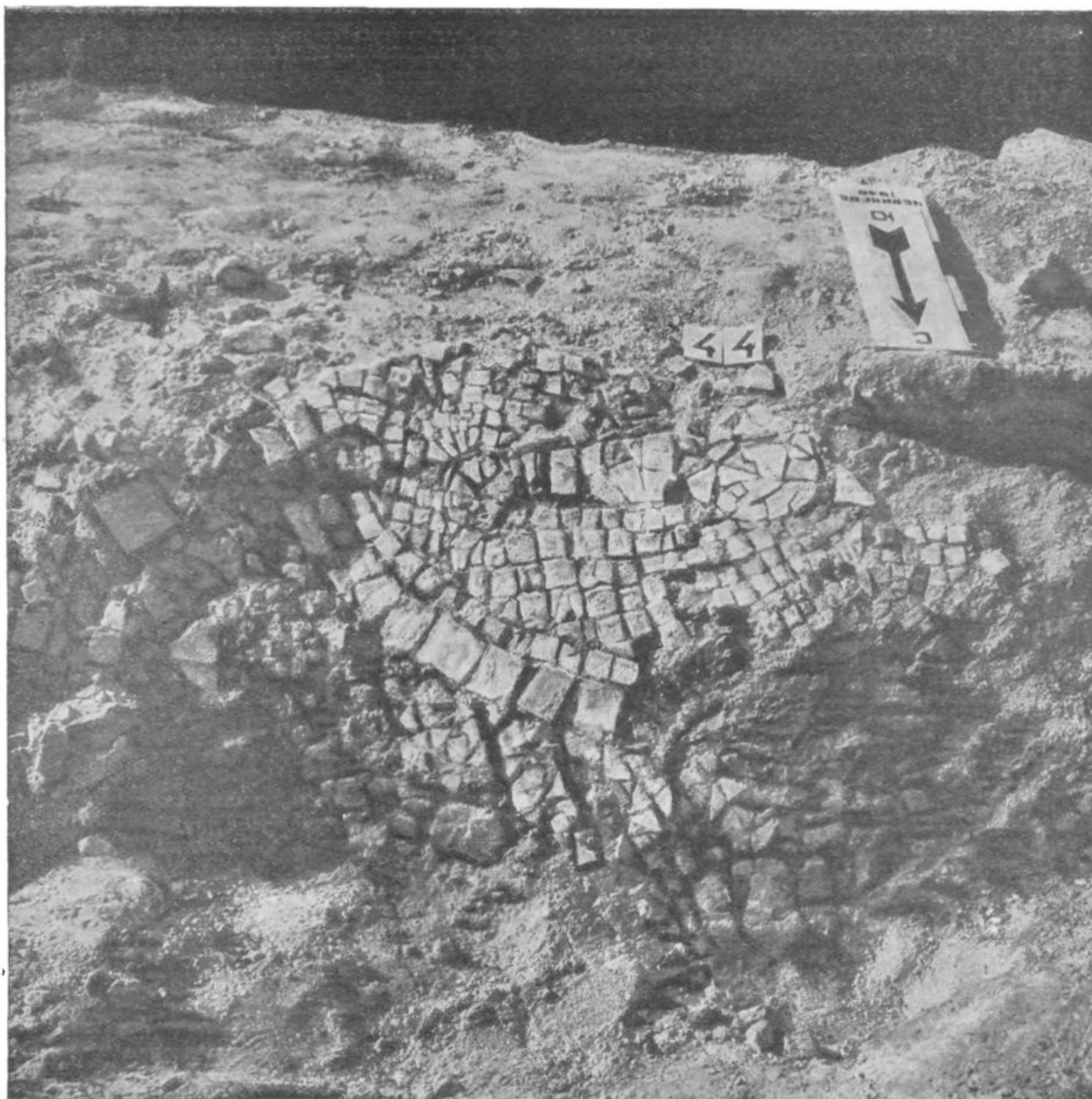

Рис. 37. Мозаичный пол в центре Благовещенского собора с изображением павлина.

жутки между которыми заполнялись треугольниками. Соотношение таких квадратов по площади будет: 1, 2, 4. Цвет смальты самый разнообразный — от светложелтого до черного. Много желтых и зеленых оттенков, которые гармонируют с гаммой поливных плиток. Есть красновато-коричневые, темносиние, серые. Смальта была вправлена в плотную известковую основу, положенную в свою очередь на слой цемянки.

Мозаичный пол сильно поврежден. Сохра-

хранился геометрический узор из желтых перекрещивающихся полос и синих квадратов, в которые вписаны светложелтые меньшие квадраты. Этот узор окаймлен широкой синей полосой из крупных квадратных пластин, идущей вдоль кладки Д с юга. В том месте, где должен быть проход из северного нефа в северную галлерею, в трансепте, синяя кайма резко поворачивает в сторону галлерей, начиная какой-то круговой узор. Диаметр круга должен быть примерно около 2 м. В таком

случае мозаичный узор должен был занимать центр прохода под аркой в кладке Д (рис. 38).

Второй уцелевший фрагмент пола оказался вдавленным в землю упавшей аркой. На север от столба на наклонной плоскости сохранился сложный мозаичный рисунок: в нескольких concentрических кругах из крупных зеленых и более мелких красных и желтых пластин помещено мозаичное изображение павлина. Сохранились лишь голова, шея, часть туловища и одна лапа. Крыльев и хвоста нет. Павлин идет влево от зрителя. Клюв у него красноватый, глаз серый, голова и шея зеленые. На голове характерный хохолок из трех перьев с красными точками на концах. На шее две перевязочки серого цвета, на ноге — шпора. Все изображение окаймлено контуром из узких черных полосок смальты. Вокруг павлина фон из желтых и серовато-черных квадратиков смальты, уложенных в шахматном порядке. Поле окружено бордюром из красной смальты. Диаметр круга около 60 см (рис. 37 и 39).

Второй круг был образован крупными зелеными пластинами. Следующий широкий круг был заполнен мелким узором из квадратиков и треугольников, а затем шел еще один круг из зеленых пластин.

Далее уцелела часть прямоугольного окаймления с мелким узором. По всей вероятности, круги с павлином посредине были вписаны в квадрат, сторона которого равнялась приблизительно 160—180 см. Мозаичный квадрат был расположен рядом со столбом таким образом, что человек, стоящий лицом к алтарю, видел птицу прямо. Павлин расположен хвостом к столбу, головой к середине здания (на север), ногами на запад. Хвост павлина должен был подчиняться круговой композиции, подобно тому, как мы видим на миниатюре Изборника Святослава 1073 г.

На север от павлина, по другую сторону развала арки, встречено много мозаики в пространстве между обоими западными подкупольными столбами. Мозаичный узор настолько нарушен, что удалось зафиксировать лишь отдельные фрагменты, не позволяющие определить общую композицию. В средней части арочного пролета найдены большие круглые пластины серого и зеленого цветов, не встреченные более нигде.

Мозаика найдена в западной части подкупольного пространства и в трансепте, а также в юго-западном углу. Судя по отчетам о старых раскопках 1878—1909 гг., очень много мозаики было в алтарной части.

В середине подкупольного пространства встречено несколько квадратов обработанного белого камня. Хорошо обработанной является только одна сторона со следами руста и слегка скошенная; остальные плоскости не заглажены начисто. Белый камень найден в том месте, где должна была проходить

солея. Возможно, что он и происходит из ступеней солеи.

Стены. Ввиду того, что пол повсеместно осел вниз и нигде не прослежен вплотную к кирпичной кладке, определить точно линию начала стены, т. е. надземной части кладки, не удалось. Приблизительно можно считать, что стены начинались на высоте 60—70 см от «козырька», прикрывавшего фундамент.

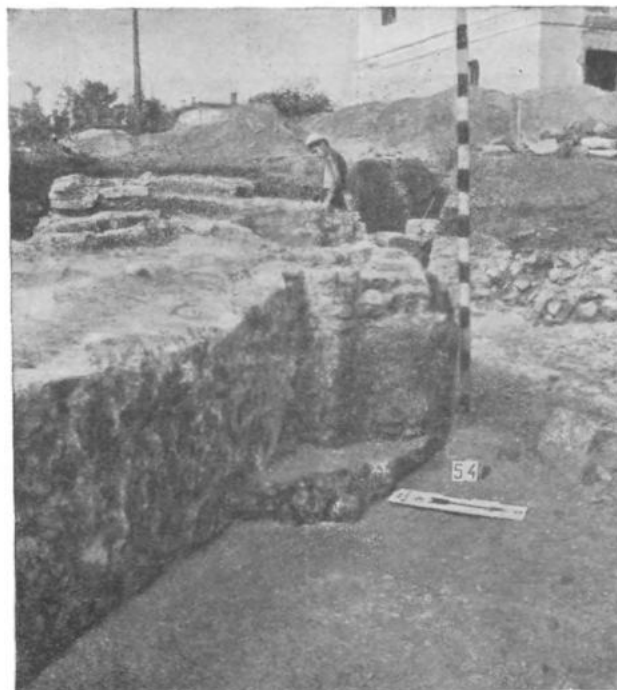

Рис. 40. Пилястра с полуколонной (северный фасад) Раскопки 1946 г.

На самой кладке никаких резких граней нет, и вся кладка выше «козырька» совершенно однородна. К сожалению, горизонт 1180-х годов, так хорошо прослеживаемый внутри здания, с внешней стороны здания начисто уничтожен глубокой канавой вдоль северной стены. Можно допустить, что снаружи видимая часть стен начиналась на уровне тогдашней дневной поверхности, а внутри церкви, благодаря подсыпке, уровень был повышен на 60—70 см.

На внешней стене с наружной стороны не замечено следов ни побелки, ни штукатурки. На всех внутренних стенах были, очевидно, фрески, так как обломки их встречены повсеместно. На самой стене фреска уцелела лишь в одном месте (Е, секция 3-я) около самого верхнего среза кладки. Здесь сохранился на кирпичах кусок штукатурки в 15 см длиной с фресковой покраской красным цветом. На разных обломках встречены цвета: желтый, коричневый, синий и красный. Все обломки настолько незначительны, что не дают представления об изображенном на фресках. Северная стена шириною 130 см на-

Рис. 38. Мозаичный узор пола в трансепте Благовещенского собора 1186 г.

10 0 10 20 30 см

Рис. 39. Мозаика 1186 г. с изображением павлина (под главным куполом)

чинается от того прясла, где должен быть северный портал.

С фасадной стороны она украшена широкими пилястрами с массивными полуколоннами, ширина которых исключает всякое предположение о галереях неполной высоты — такие пилястры рассчитаны на всю высоту большого здания. Около северо-запад-

ют более массивные стены, выступающие наружу за общую линию фасада. Таким образом, южный и северный порталы были фланкированы с восточной стороны выступом стены с неполной полуколонной.¹⁴⁴

Эти угловые помещения позволяют установить факт большой важности — все стены сложены вперевязку, т. е. и основа здания и его

Рис. 41. Пилястра с полуколонной (западный фасад). Раскопки 1947 г. Справа — кладка XVIII в. из кирпичей XII в.

ного угла кладка стены выбрана до материка очевидно в конце XIX в., когда здесь рыли канаву. Северо-западный угол сильно разрушен, но пилястры здесь не имели полуколонн, а были плоски, как в Елецкой церкви. Западная стена, исследованная в 1947 г., также имела пилястры с полуколоннами (рис. 40 и 41).

В районе западного портала не найдено ни резного камня, ни профилированного кирпича.

Южная стена, как и обе предыдущих, имела полуколонны. Все полуколонны выложены из фигурного кирпича, что облегчало выкружку. Внутренние пилястры почти везде строго соответствуют внешним. Пилястры галлерей и внутренней части здания также строго соответственны. Угловые помещения восточной части, которыми завершались галлерей, име-

галлерей построены одновременно по заранее намеченному плану.

Массивность стен угловых помещений может говорить о том, что здесь был ход на хоры и верхний ярус галлерей. Второй, внутренний концентр стен (кладки Б, Д и западная внутренняя стена), еще более массивных, чем внешние (140 см), является на первый взгляд загадочным. Если признать сохранившиеся кладки за стены в полном смысле слова, то мы получим резкую изоляцию галлерей.

Между тем, мозаичный рисунок, расположенный около кладки Д, должен иметь продолжение на север, а это было возможно лишь в том случае, если в кладке Д против север-

¹⁴⁴ Возможно, что это делалось для того, чтобы зрительно сдвинуть порталы несколько ближе к центру здания.

ного портала была широкая арка. Наличие мозаичной вымостки свидетельствует о наличии трансепта, пересекавшего все пространство собора. Арки меньших размеров могли быть и в других местах кладок *Б* и *Д*.

Опорные столбы Благовещенского собора (190 × 190 см) не сохранили своей крещатости, но, очевидно, угловые выемки равнялись одному кирпичу, так как тогда оставшиеся выступы будут вполне соответствовать внутренним лопаткам (135 см). На уровне пола столбы выложены из желтого кирпича.

Крайняя западная пара столбов свидетельствует о наличии в замысле зодчего идеи нартекса: столбы имеют длинные выступы, направленные к середине. Пролет арки между ними был сравнительно невелик — 360 см. Вероятно, здесь был расчет на то, что входящий в собор должен был пройти через анфиладу из трех нешироких арок и, пройдя их, очутиться на широком просторе залитого светом подкупольного пространства.

Из верхних частей здания мы знаем только упавшие блоки, отличающиеся отсутствием в них желтого кирпича, листы кровельного свинца, части аркатурного пояска и кирпич из рельефных выступов на барабанах куполов.

Возможно, что некоторые обломки амфор-корчаг являются частями голосников. В черниговской архитектуре корчаги с двумя ручками применялись в качестве угловых голосников на протяжении всего XII в. Из развалин Пятницкой церкви, разрушенной немецкими варварами, удалось извлечь амфору-голосник, находившуюся в парусе свода (рис. 42).

Гробницы. На территории галлерей-усыпальницы при раскопках обнаружено пять гробниц. Гробницы находились и под полом трансепта (№ 2 и 5), и в собственно галлерее (№ 3), и в угловых квадратных помещениях. Все они потревожены, и большая часть костей из них выкинута. По материалу (формат кирпичей и раствор без толченого щебня) все они, кроме гробницы № 4, относятся ко времени, значительно отстоявшему от постройки церкви, и могут быть датированы XIII—XIV вв. Особенно интересны гробницы в угловых камерах.¹⁴⁵

В северной камере гробница № 1 сложена из узкого кирпича на белом растворе и относится ко времени около XIV в. В южной камере, отделенной от остальной галлерей массивной стеной, была найдена гробница, являющаяся наиболее древней из всех гробниц Благовещенского собора. Формат кирпичей

27 × 19 см точно совпадает с кирпичом Пятницкой церкви, датируемой последними годами XII в.

Гробница № 4 — единственная, где раствор имеет примесь толченого кирпича и тем сближается с раствором стен собора. Длина гроб-

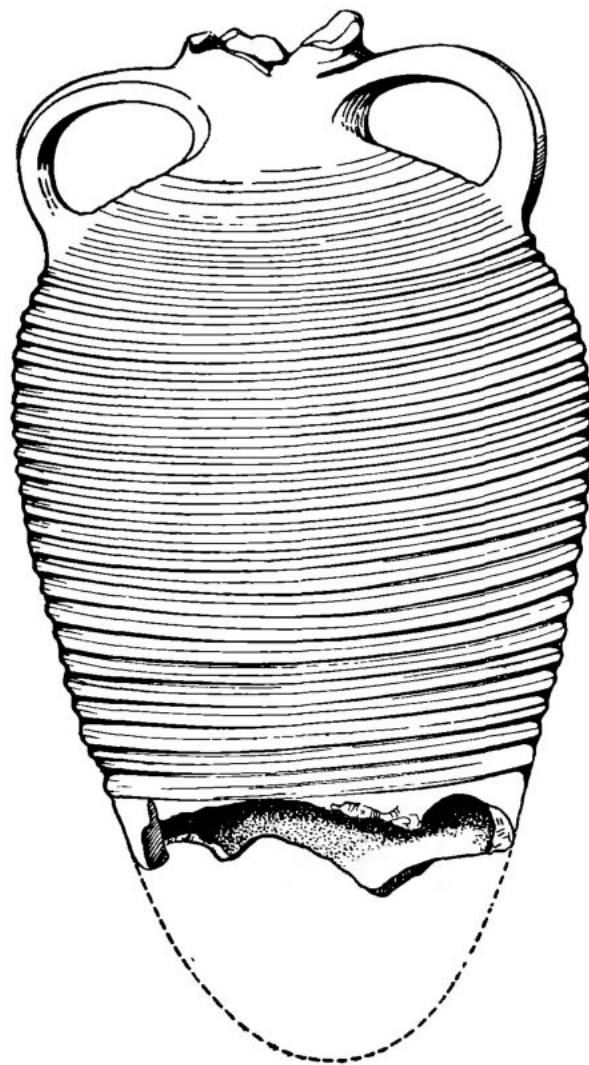

Рис. 42. Амфора-голосник XII в. из Пятницкой церкви

ницы 190 см, ширина — 70 см. Гробница была ранее заложена кирпичом и залита мощным слоем розовой цемьянки (рис. 43).

Гробница занимала центральное положение в южной камере и была здесь единственной. Внутри гробницы был найден череп без нижней челюсти и плохо сохранившиеся кости крестца и ребер. Большая часть костей была выброшена, очевидно, в XVII в. при разборке здания. Никаких иных костей от другого костяка здесь не найдено.

Почетное положение гробницы, ее хронологическая близость ко времени постройки собора заставляют нас вспомнить, что в Благовещенской церкви был похоронен Всеволод Святославич. В 1196 г. «во Ольговичех представи-

¹⁴⁵ Все погребения, найденные Д. Я. Самоквасовым и в 1909 г., следует относить ко времени разрушения церкви, когда начали хоронить в алтарных апсидах. Инвентарь многих погребений датируется XVII—XVIII вв. (серебряное кружево, блестящие, стекло).

ся князь Всеволод Святославич, брат Игорев, месяца мая. И тако спрятавше тело его вся братья во Олговичех племени с великою честью и с плачем великим и рыданием — понеже бо во Олговичех всих удалее рожаем и воспитанием и возрастом и всею добротю мужьственною доблестью и любовь имеяше ко всим. Епискуп же черниговской и вси игумени и попове проводиша его до гроба со обычными песнями и положиша его во церкви святое

ятой датой рождения Всеволода мы должны признать 1152—1157 гг.

Матерью его была вторая жена Святослава Ольговича — дочь новгородского посадника — Мария. Бабка его по отцу — гречанка Феофания Музалон, жена Олега «Гориславича»,

Рис. 43. Гробницы южной галереи. Слева — гробница № 4 в юго-восточном приделе; справа — гробница № 5 в южной галерее.

богородици в Чернигове. И приложися ко отцем своим и дедом, дав общий долг, его же несть убежати всякому роженому» (Ипат. лет. 1196 г.).

Буй-Тур Всеволод, сын Святослава Ольговича, младший брат Игоря Святославича, родился после 10 апреля 1151 г. (дата рождения Игоря), но задолго до 1160 г., когда он уже находился заложником у Ростислава Смоленского.¹⁴⁶ К этому времени у Святослава Ольговича были уже другие дети. Наиболее веро-

скрывавшегося одно время на острове Родосе. М. М. Герасимовым был произведен тщательный осмотр черепа и сделана реконструкция мягких частей (см. ниже рис. 53). Череп был передан ему без указания на возможную принадлежность его какому-либо историческому лицу.

В приложении дано заключение М. М. Герасимова, укрепляющее гипотезу новыми фактами и соображениями.

Приурочение черепа из гробницы № 4 князю Всеволоду Святославичу очень соблазнительно, но гипотетично, несмотря на совпадение с данными антропологии (пол, возраст, происхождение, физическая сила).

¹⁴⁶ «Ростислав бяше поял у Святослава Всеволода, сын его...» Ипат. лет., 1160 г.

4. Реконструкция восточной части Благовещенского собора

Центральная и северная апсиды обвалились в 1876 г., южная — в 1882 г. Ни Кибальчич, ни Самоквасов не дают нам описания закругляющихся кладок, хотя у них была возможность измерить южную апсиду.

Раскопки 1909 г. производились уже тогда, когда все апсиды рухнули в Стрижень (рис. 29 и 44).

Попробуем восстановить алтарную часть теоретически, исходя из общего характера здания.

Раскопками 1946 г. выяснен важнейший модуль здания — подкупольный квадрат. Фактические промеры между углами сохранившейся цокольной части столбов дали такие результаты (в см):

С-в столб	— ю-в столб	—	510
с-в	— ю-з	»	— 533
с-в	» — с-з	»	— 550
ю-в	» — ю-з	»	— 560

Подкупольное пространство по этим данным слегка вытянуто с запада на восток. Соотношение сторон близко к отношению 21/20. Если мы примем поправку на крещатость столбов, то каждая сторона увеличится на 56 см:

596, 589, 606, 616

Среднее арифметическое — 602 см. Поскольку сторона квадрата — это диаметр барабана купола, радиус его равен 301 см.

Дальнейший путь реконструкции должен исходить из принятых в древнерусском зодчестве пропорций. Архитектор К. Н. Афанасьев, с которым я советовался относительно построения восточной части Благовещенской церкви, предложил следующий вариант плана: центр дуги средней апсиды отстоит от восточной стороны подкупольного квадрата на расстояние, равное этой стороне, или, иначе, равное двум радиусам.

При этом варианте линия основания апсид лежит на одной прямой с восточными стенами галлерей, т. е. здание представляет в плане прямоугольник, за пределы которого выступают только полукружия апсид. Важными аргументами в пользу варианта Афанасьева являются, во-первых, аналогичные приемы построения во многих шестистолпных храмах XI—XII вв. (в том числе и в Елецком), а, во-вторых, четкие пропорциональные отношения, получающиеся в восстановленном им плане Благовещенской церкви. Так, например, длина интерьера (без притвора) равна ширине всего здания (с галлерейми), а кроме того, длина интерьера относится к его ширине, как 1:0,62, т. е. дает «золотое сечение», принятое

во многих шестистолпных храмах XI—XII вв., как это доказывает К. Н. Афанасьев.¹⁴⁷

Однако наблюдения над архитектурными ровесниками Благовещенской церкви направляют нашу мысль и по другому пути.¹⁴⁸

Ярким примером отказа от принципа золотого сечения является Успенский собор во Владимире на Клязьме. Старая постройка Андрея Боголюбского была создана с учетом пропорций золотого сечения, а новое грандиозное сооружение Всеволода нарушило эти пропорции за счет далеко отодвинутых на восток апсид. Если мы захотим определить центр средней апсиды Успенского собора, исходя из модульной величины подкупольного квадрата, то должны будем провести линию, соединяющую восточные грани опорных столбов, и на этом основании построить треугольник, стороны которого должны быть равны не стороне квадрата (как в Каневской церкви), а диагонали подкупольного квадрата.

То же самое дает нам и другой ровесник — Успенский собор в Галиче (до 1187 г.). Центр апсиды находится там точно в вершине треугольника, основанием которого является линия, соединяющая восточные грани столбов, а стороны равны диагонали подкупольного квадрата (920 см).¹⁴⁹

Вариант К. Н. Афанасьева грешит тем, что центральный купол становится тогда слишком эксцентричным, неуравновешенным. Применительно к Благовещенской церкви он выглядит так, как выглядел бы Успенский собор во Владимире, если бы Всеволод обстроил старое здание галлерей с юга, запада и севера, а апсиды оставили прежние, андреевские. Собор сохранил бы золотое сечение интерьера, но неизбежно утратил бы композиционную стройность, его главный купол оказался бы почти на краю здания. Чтобы устранить такую асимметрию, зодчие Всеволода одновременно с пристройкой на западе расширили здание и на восток, выдвинув апсиды далеко за пределы основного прямоугольника (на 9 м). Тот же принцип равновесия здания (имеющего притвор на западе) за счет вынесения апсид на восток виден и в Свирской церкви Давида Ростиславича (1191—1194 гг.). Центр средней апсиды определяется диагональю.

Все сказанное выше заставляет меня построить второй вариант плана, основанный на анализе однотипных храмов с галлерейми, построенных почти одновременно с Благовещенской церковью 1186 г. (Владимир, 1185 —

¹⁴⁷ Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить К. Н. Афанасьева за проделанную им работу.

¹⁴⁸ Не во всех шестистолпных храмах центр апсид отстоит от подкупольного квадрата на два радиуса: так, в Каневской церкви 1144 г. он поставлен ближе, чем на два радиуса, а именно на высоту равностороннего треугольника, основание которого — сторона подкупольного квадрата.

¹⁴⁹ Я. Пастерик. Старый Галич. Краков, 1944, рис. 24.

1189, Галич — до 1187 г.). Мой вариант отличается от варианта К. Н. Афанасьева методом отыскания центра апсид: соединив прямой линией внутренние вырезы восточной стороны подкупольных столбов, мы получаем основание треугольника (равное стороне подкупольного квадрата). Диагональ подкупольного квадрата определяет длину сторон равнобедренного треугольника. Вершина этого треугольника и есть искомый центр дуги средней апсиды. На одной прямой с ним должны лежать центры северной и южной апсид.

Восстановив предположительно общий план Благовещенской церкви, попытаемся нанести на этот план скудные цифровые данные раскопок 1909 г.

Даю сопоставление промеров ширины кладок и интервалов между ними по данным 1909 и 1946 гг.

Кибальчич открыл «склеп» только у северной стены. Самоквасов, судя по его промерам, также совершенно не знал южной галлерей, очевидно, не выступавшей еще тогда в обрыве берега. На плане 1930-х годов конфигурация берега была такой же, как и сейчас. Сад усадьбы бывшего земства был огражден забором, шедшим вдоль берега наискось. Мы должны допустить, что траншея № 2 1909 г., шедшая «вдоль берега», пересекала церковь наискось с ССЗ на ЮЮВ.

Если мы вычертим в масштабе промеры 1909 г. и попытаемся наложить их на реконструированный план церкви, то увидим, что линия промеров 1909 г. может занять на плане 1946 г. только одно определенное положение, при котором совпадают все данные 1909 г. Утолщение кладки В, измерявшейся в 1909 г. у «восточного края», т. е. у

Соотношение обозначений и размеров кладок в 1909 и в 1946 г. (ширина дана в см.)

1909 год	Не раскапывалось в 1909 г.		Кладка Д ?	264	Кладка Г 169	533	Кладка Б 258	?	Кладка А 151	Не раскапывалось в 1909 г.	
1946 год	Кладка Е 135 Северная стена	Северная галлерей 335	Кладка Д 150	Северный неф 240	Кладка Г 160	Средний неф 540	Кладка В 170	Южный неф 200	Кладка Б 210	Южная галлерей	Кладка А 170 Южная стена

Из этого сопоставления мы видим, как точное совпадение промеров (например, средний неф), так и большие различия. Серьезные расхождения между данными об одной и той же кладке не могут быть объяснены только различной точностью измерений. Так, например, кладка В (Б 1909 г.) показана в 1909 г. почти на целый метр толще, чем она оказалась в 1946 г. при промерах со стороны обрыва.

При анализе этих цифр мы должны прежде всего обратить внимание на то, что край обрыва берега пересекает древнее здание наискось под углом в 8°, захватывая больше на севере, чем на юге. Это прежде всего объясняет различие в промерах 1946 г. до раскопок (по выступам в обрыве) и после раскопок. Ширина выступа кладки Б (А 1909), превышающая промеры 1909 г., объясняется тем, что линия берега пересекает угол кладки и Б и торцовой стены южной галлерей.

Траншея № 2 1909 г. была проложена, как говорится в отчете, вдоль берега, а берег, вероятно, всегда с самого начала обвалов обрушивался под углом к Благовещенской церкви. В 1876 г. обвалились только две северные апсиды, а южная еще держалась.

Обрыва, может быть объяснено только тем, что линия берега пересекала здесь кладку в месте слияния двух апсид — средней и южной. Эта деталь определяет восточную границу № 2. Траншея пересекала южную стену южной апсиды (кладка Б) в начале закругления (толщина 150 см), затем место слияния южной и средней апсид (кладка В). Кладку Г она пересекала западнее слияния апсид, так как ширина ее показана в отчете 1909 г. нормальной, близкая к той, которая получена при наших раскопках. В северной своей части траншея 1909 г. пересекала кладку Д, ширина которой не указана. Ни одна из крайних кладок, ни А, ни Е, не попали в траншею; принимая во внимание значительную длину траншеи, это кажется странным. Ведь траншея № 2 простиралась на 13 сажень, т. е. на 27.74 м, и кладка Б (А 1909) встретила уже в 2½ аршинах, т. е. в 178 см, от южного края траншеи № 2.

Очевидно, траншея № 2 пересекала церковь таким образом, что встретила на своем пути только апсиды, не затронув боковых галлерей (А и Е) (рис. 29).

При ширине траншеи № 2 в 5 аршин (355,6 см) это является дополнительным аргументом в пользу длинноапсидного варианта

реконструкции плана. Северный конец траншеи проходил через «склеп» Кибальчича, но «склеп» в своей восточной части к этому времени был, очевидно, уже настолько разрушен, что Кармалей и Сахновский не различили там кладки *Е*, которая и в наших раскопках была обнаружена не сразу. Кладку *Д* они приняли за северную стену всей церкви и внутренние пилястры на ней приняли за внешние.

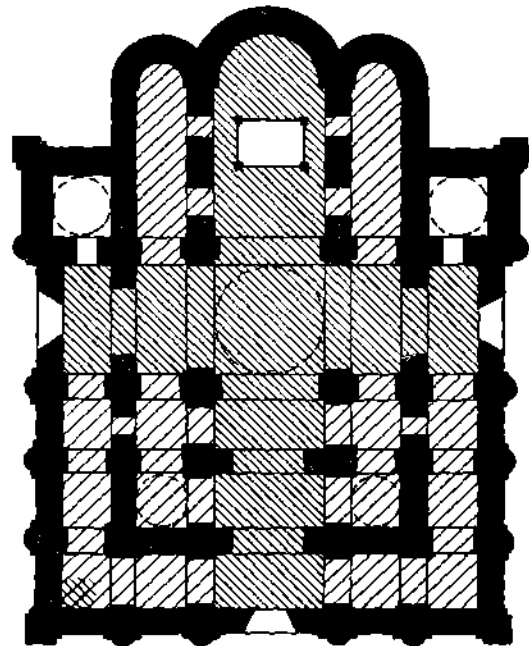
Итак, траншея № 2 1909 г. нашла свое место на общем плане церкви и помогла даже уточнить его.

Если бы мы приняли короткоапсидный вариант плана, то траншея 1909 г., во-первых, должна была бы пересечь обе галлерей с гробницами, а во-вторых, пройти по той части берега, которая была затронута и латинскими раскопками. Между тем, в раскопках 1946 г., как указывалось выше, никаких следов траншеи 1909 г. не обнаружено. Культурный слой на краю берега, т. е. там, где должна была проходить траншея по короткоапсидному варианту, оказался совершенно нетронутым (раскоп 1—В). Все это еще раз склоняет нас в пользу длинноапсидного варианта, подтвержденного как данными о траншее 1909 г., так и соображениями о принципах построения апсид в больших храмах XII в. с притвором на западе.

5. Архитектурные формы и убранство

Благовещенский собор 1186 г. представлял собой, как позволяет судить план, составленный по данным раскопок 1946—1947 гг., большое, единовременно построенное здание, где все части заранее согласованы и подчинены общей идее. Нельзя сказать, что здесь — шестистолпный храм, обстроенный галлерейми; такое определение слишком расчленяло бы слитые воедино элементы здания. В отличие от всех своих ровесников, строившихся в два приема, в две разные эпохи, Благовещенский собор построен весь сразу. Западный фасад здания был расчленен пилястрами на пять частей. На западе церковь имела обширный нартекс, переходивший на севере и на юге в галлерей-усыпальницы, оканчивающиеся замкнутыми квадратными помещениями (может быть, ризницы) с толстыми стенами. Восточные завершения галлерей были прямоугольными. Галлерей были отделены от центральной части стеной с широкими арочными проемами. Боковые нефы были нешироки. По сравнению со многими четырех- и шестистолпными храмами XII в., здесь боковые нефы сильно сжаты: ширина северного нефы относится к ширине среднего, как 7 : 15, а в Успенском Владимирском, например, около 7 : 13, т. е. в Благовещенской церкви средний неф шире обоих вместе взятых боковых нефов. Зодчий как бы раздвинул в обе стороны опор-

ные столбы, идущие вдоль здания, для того чтобы сделать заметнее, просторнее центральное пространство от западного входа до алтаря (рис. 45).

4 3 2 1 0 2 4 6 8 10 12 м

//// Мозаика   \\\ \ \ \ Керамика

Рис. 45. Схема реконструкции плана Благовещенского собора 1186 г.

Такой же «взгляд в будущее» открывает нам трансепт Благовещенской церкви, превосходящий даже по ширине средний неф. Поперечные стенки, отсекающие те части галлерей, что находятся на восток от боковых порталов, еще больше подчеркивают поперечное членение через центр здания. Мы получаем здесь зарождение той архитектурной идеи, которая находит свое завершение в храмах с притворами, где главное внимание зодчего уделено перекрестию двух широких полос — среднего нефы и трансепта.

Во всех частях здания мы наблюдаем известную пропорциональность. Так, ширина бокового нефы равна половине расстояния между столбами среднего нефы, ширина галлерей равна половине трансепта, каждая секция галлерей между лопатками представляет собою квадрат, ширина внутренних лопаток равна стороне квадрата, вписанного в основание столба, ширина внешних пилястр равна одной трети пролета среднего нефы.

Интересно отметить, что общая внутренняя ширина здания относится к ширине трех средних нефов, как 1 : 0,62, т. е. находится в отношении «золотого сечения». В построении всех элементов здания мы чувствуем строгую за-

кономерность, восходящую к основному модулю — стороне подкупольного квадрата.

Из церквей XII в., сходных с Благовещенской по плану, сохранился до нашего времени лишь Успенский собор во Владимире на Клязьме, который и нужно привлечь для воссоздания внешнего облика Черниговской церкви. Не подлежит сомнению, что боковые галереи были рассчитаны на значительную высоту и не могли являться подобием одноэтажных невысоких галлерей Киевского Софийского собора. Здесь, в Благовещенской церк-

ским, следует оговориться, что речь идет только об общности архитектурных масс и не касается деталей.

Для того, чтобы представить себе северный фасад нашего здания, нам лучше всего обратиться к Елецкой церкви, где существуют точно такие же пилястры с полуколоннами (рис. 46). Елецкая церковь имела позакомарное покрытие и аркатурный пояс, отделявший закомары. Большие и светлые окна, отличные от узких щелевидных окон северной архитектуры, располагались в три яруса.¹⁵⁰

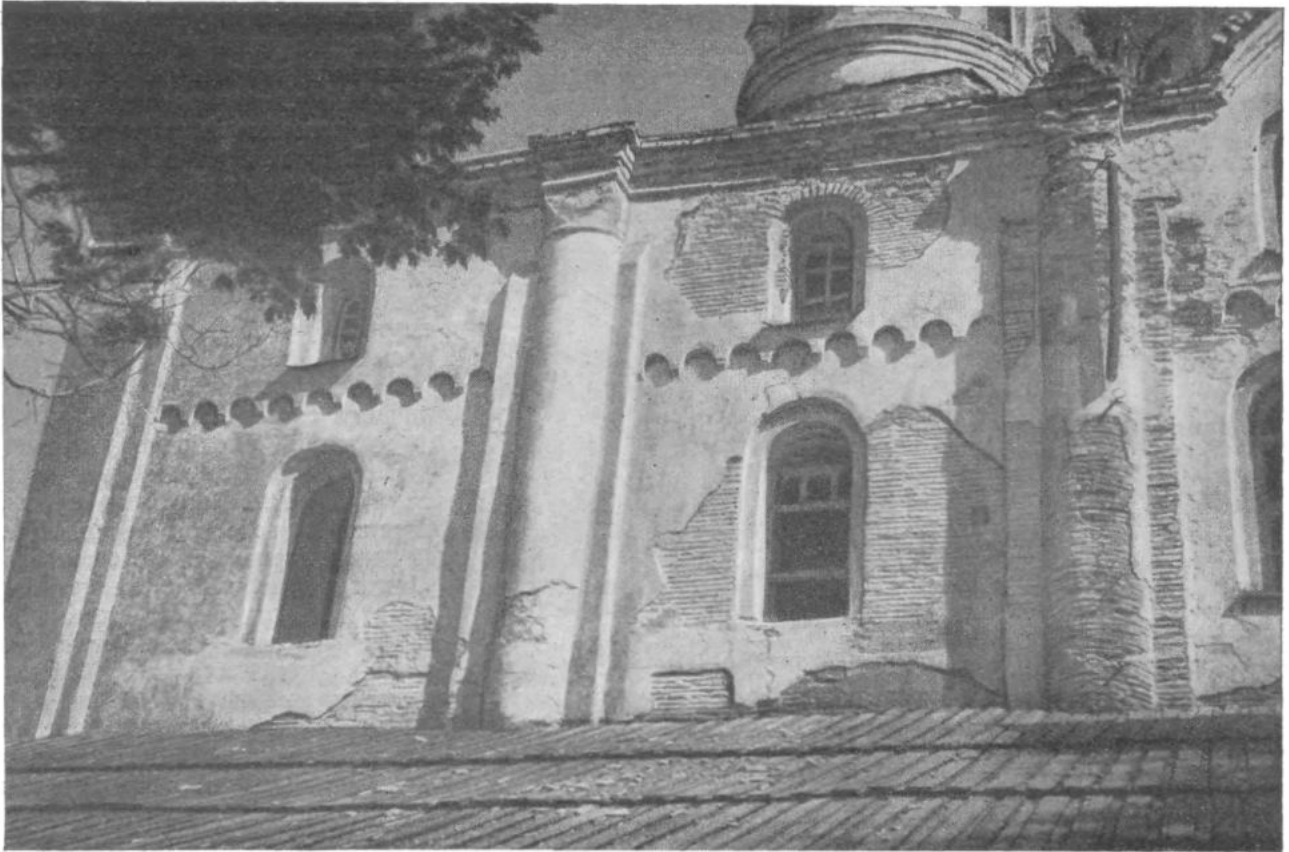

Рис. 46. Южный фасад Успенской церкви Елецкого монастыря.

ви, внешние пилястры настолько мощны и массивны (около 183 см), что могли быть построены только в расчете на большую высоту. По всей вероятности, хоры располагались и в галереях, а может быть и над западной парой столбов. Значительные размеры здания не позволяли зодчему завершить его только одним центральным куполом. Как и в Успенском соборе, здесь должно было быть пять куполов. Отчасти на это указывает создание конструктивно усиленного квадрата в углу галлерей, т. е. как раз там, где помещены восточные малые купола Владимирского Успенского собора.

Сопоставляя Благовещенский собор с Успен-

Уступчатый портал Елецкой церкви очень прост. Купол в ней, как и во всех церквях Чернигова, имеет 12 сравнительно широких окон, разделенных вертикальными тягами в один кирпич. По общей площади световых проемов черниговские церкви во много раз превосходят памятники северного, например Новгородского, зодчества. Гадать о количестве и форме окон Благовещенской церкви, разумеется, бесполезно, но можно думать, что они не уклонялись в меньшую сторону от остальных черниговских зданий этой эпохи.

¹⁵⁰ В Каневской церкви 1144 г., построенной отцом Святослава Всеволодича, окна шли в 4 яруса.

В развалинах Благовещенской церкви были найдены треугольные кирпичи, которые, судя по аналогии с Елецкой церковью, происходят из аркатурного пояса (рис. 47). Находки этих кирпичей в центре здания и около его внешней стены могут говорить о том, что аркатурный пояс шел как по фасадам здания, так и по карнизу глав.

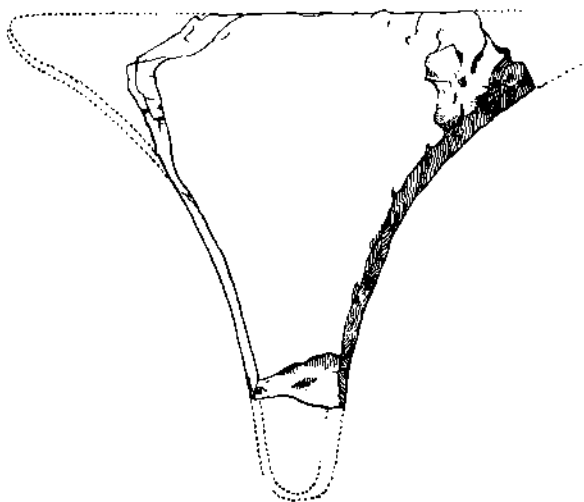
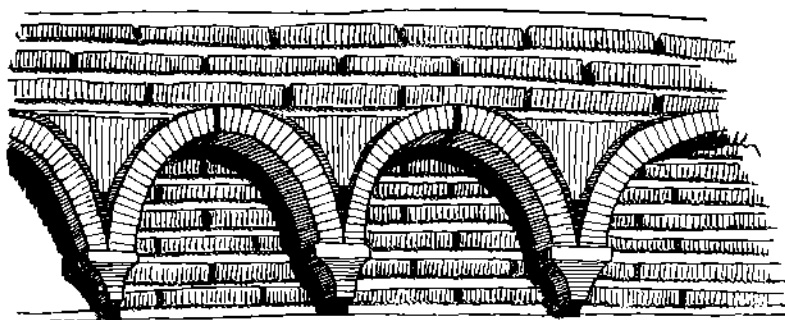

Рис. 47. Наверху — схема аркатуры Елецкой церкви. Внизу — кирпич из аркатурного пояса Благовещенского собора.

Большой интерес представляет рассмотрение типов лекального кирпича в связи с архитектурной ornamentикой здания. Чаще всего встречались полуциркульные кирпичи двух форматов: 26×22 и 28×19 см. Их место в здании легко определить в связи с указанными выше ребрами между окнами куполов. Для центрального двенадцатиоконного купола черниговских церквей мы имеем такое соотношение: простенок между окнами равен ширине двух окон, тяга занимает $\frac{1}{5}$ простенка. Применительно к размерам Благовещенской церкви простенок должен быть около 130 см. $\frac{130}{5} = 26$ см. Кирпичи шириной в 26 см можно предположительно считать происходящими из ребер центрального купола. Для малых куполов с восьми окнами соотношения будут иные: простенок около 95—100 см и пятая

часть простенка вполне соответствует ширине кирпичей в 19 см.

Определить назначение секторальных кирпичей и единственного экземпляра секирооб разного кирпича трудно.

Совершенно исключительным с точки зрения декоративности представляется установленное при раскопках сочетание кирпичей двух цветов — красного и светло-желтого. Желтый кирпич, близкий по тону к белому камню, часто применялся в черниговской архитектуре, — из него сложены Борисоглебский собор и Елецкая монастырская церковь, но нигде он не встречен в сочетании с красными кирпичами. За пределами Чернигова желтый кирпич имеется в кладке старорязанской церкви, раскопанной в 1836 и 1926 гг. В дневнике раскопок В. А. Городцова указан «желтый», палевый кирпич. Уловить какую-либо систему в расположении кирпичей того и другого цвета В. А. Городцову не удалось.

Если наружный вид здания отличался своеобразием и новизной двухцветной кладки, то внутренняя отделка была особенно богата и изящна: опорные столбы стояли на светлом цоколе из желтого кирпича, а по стенам нефов тянулся внизу желтый же плинтус. Была ли эта кладка закрыта фреской — неизвестно. Далее кладка шла из обычного красного кирпича, но он был скрыт под фресковой росписью. Замысел зодчего, разделившего все здание на второстепенные и главные участки, был подчеркнут различием в вымостке пола. Второстепенные части (галлерея и боковые нефы) были вымощены желтыми и зелеными керамическими плитками в обрамлении из вишневых плиток вдоль стен.

Важнейшие части здания, для которых зодчий потеснил остальные, — средний неф и трансепт, были вымощены великолепной мозаикой из стеклянной смальты разнообразнейших оттенков. Именно здесь, в срединной части здания, в наилучше освещенном месте под главным куполом и разместил архитектор мозаику с павлином (рис. 39), единственную сюжетную мозаику среди всех древнерусских полов. Мозаика, по технике аналогичная благовещенской, встречена в Софийском соборе в Новгороде в качестве стеного украшения в главной апсиде.¹⁵¹ Есть она и в Софийском

¹⁵¹ ТАС XV, т. I, табл. X, рис. 2.

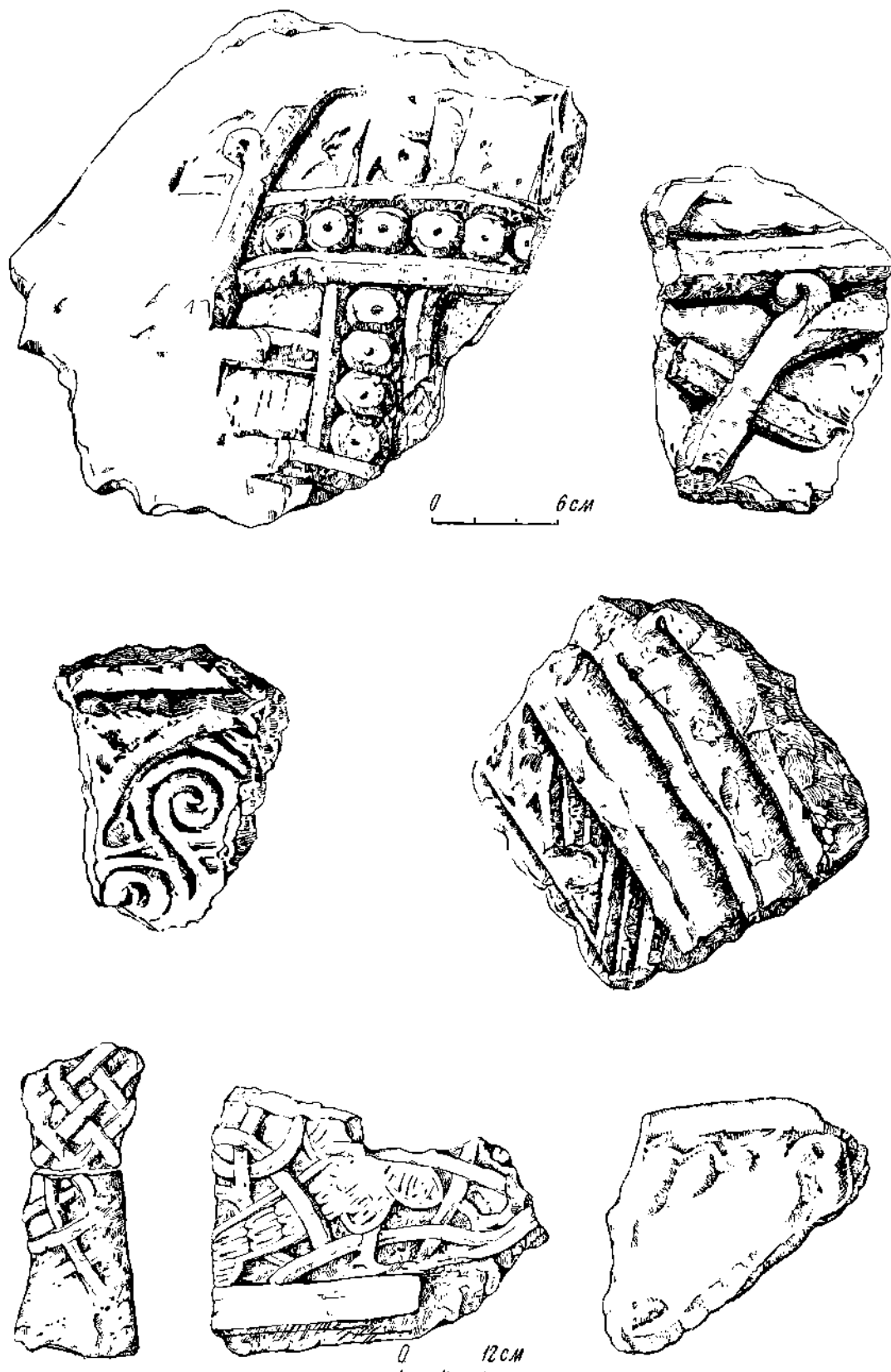

Рис. 48. Фрагменты резного белого камня из Благовещенского собора.

соборе Киева как в «горном месте», так и в вымостке пола, где встречен только геометрический рисунок.¹⁵² Эту мозаику исследователь относит к 1037 г., считая ее первичной вымосткой собора.

Черниговские раскопки позволяют датировать мозаику из крупных плиток, существенно отличающуюся от мозаики XI в. из мелких кубиков, и отнести ее к XII в. В Киеве появление мозаичного пола, близкого к Черниговскому, может быть связано с ремонтом Софии после большого пожара 1180 г., когда «удеяся велико зло в Киеве: погореша дворе по Горе и церкви зажъжеса великая митрополя святая Софья» (Ипат. лет.). После пожара киевский князь Святослав Всеволодич (он же строитель и Благовещенской церкви) мог возобновить Софию и заново помостить ее мозаикой, аналогичной Благовещенской.¹⁵³

В пользу того, что мозаика была не первичным, а более поздним полом Софии, говорит то, что она сохранилась вплоть до XVII в., когда ее видел Павел Алеппский: «Когда входишь в храм через западные двери, то твоим глазам открывается пол хороса, сделанный из удивительной многоцветной мозаики с разнообразными тонкостями искусства. Такой же пол внутри алтарей и перед ними».¹⁵⁴

С еще большим правом можем мы отнести этот восторженный отзыв к мозаикам Благовещенского собора в Чернигове.

Ко всему сказанному о внутреннем убранстве Благовещенского собора следует добавить еще наличие в нем резного белого камня.

Профилированные белокаменные плиты найдены в самом центре подкупольного пространства. Возможно, что они связаны с солею и алтарной преградой, но можно также допустить, что они представляли карнизы столбов под пятами арок. В черниговском Борисоглебском соборе наблюдается такое завершение столбов: наверху под пяту арки положена большая шиферная плита, играющая роль распределителя тяжести. Эта плита меньше поперечного сечения столба, и оставшееся пространство могло быть заполнено белокаменным карнизом.

¹⁵² Д. В. Милеев. Древние полы в Киевском соборе Святой Софии. Сборник в честь Бобринского СПб., 1911, стр. 212—221.

¹⁵³ Возможно, что к этому времени относится и одна из обстроек Софии дополнительными галереями

¹⁵⁴ ЧОИДР, 1897, кн. 4, стр. 169. Если признать, что крупнопластинная мозаика, точно датированная в Чернигове 1186 г., и в других местах относится к этому же времени, то мы получим любопытные данные о киевском производстве 1180-х годов в эпоху Святослава Всеволодича. Новгородская мозаика могла быть связана с деятельностью неутомимого, энергичного строителя — архиепископа Мартирия, который был в 1192 г в Киеве и здесь принял «честь велику» от Святослава.

Кусок белокаменной волюты от небольшой капительки найден в 1946 г. в строительном мусоре под южной папертью.

В 1947 г. был найден ряд фрагментов резного белого камня (рис. 48).

Один из кусков белого камня с тонкой резьбой найден в северо-западном углу собора. Определить его назначение трудно, но его принадлежность к архитектуре вызывает сомнение: слишком мелка и тонка его резьба.

Характерный фрагмент плетенки (очень близкой к той, что была найдена в 1909 г.) встретился в районе юго-восточного пилона. Камень плоский; он происходит не из колонны, а из фриза.

Около юго-западного угла галереи найден кусок белого камня с выпуклой поверхностью, по которой идут, пересекаясь, ленты простой плетенки и двойной плетенки с рельефным кружевным узором между двумя лентами. Подобный узор очень част в пластике Георгиевского собора в Юрьеве Польском XIII в. Там обычно такие ленты с пуговичным заполнением окаймляли одежды.¹⁵⁵

В восточной части южного нефа найден фрагмент профилированного камня, представляющий часть большой дуги (арки), обработанной по краю рельефными ребрами.

Но самой замечательной находкой были фрагменты «фриза», обнаруженные в 1909 г. в алтарной части.¹⁵⁶ Три белокаменных обломка представляют, по видимому, остатки тонких колонн, покрытых плетеным орнаментом наподобие колонок Дмитровского собора во Владимире, только более грубых. Кусок «фриза» содержит изображение птицы, оплетенной ремненным плетением. Д. В. Айналов отказался указать какие-либо аналогии этому изображению.¹⁵⁷ Но если мы обратимся к пластике славянских областей на Балканах, то найдем там очень близкие по сюжету и композиции рельефы. Так, например, в церкви в Студенице, построенной всего через четыре года после Благовещенской (1190 г.), мы видим резной фриз с птицами, оплетенными круговой плетенкой.¹⁵⁸ Можем ли мы определить принадлежность и место описанных белокаменных резных обломков? Думаю, что, сопоставляя данные 1909 г. с данными 1946 и 1947 гг., мы можем это сделать. Обломки фриза найдены в северной части центральной

¹⁵⁵ А. А. Бобринский. Резной камень в России. Вып. 1, М., 1916, табл. 24, 32, 36, 38, 40

¹⁵⁶ Отчет о деятельности Черниговской губернской ученой архивной комиссии за 1909 г. Чернигов, 1910, стр. 6—7; Микола Макаренко. Скульптура и різьярство Київської Русі перед монгольськими часів. Київські збірник історії й археології. Київ, 1931, стр. 85 рис. 36

¹⁵⁷ Отчет Черниговской губ. уч. арх. ком. за 1909 г., стр. 7.

¹⁵⁸ П. Покрышкин. Православная церковная архитектура XII—XVIII столетий в Сербском королевстве. СПб., 1906, стр. 16, табл. III.

апсиды в том месте, где должен был быть алтарь.

В отчете 1909 г. фигурирует загадочная кладка В, находящаяся в полутора аршинах к северу от нашего участка В. Она прямоугольна и многоярусна, нижние ярусы из кирпича XII в., а верхние надложены в XVII в. Совмещение данных 1909 г. с нашей рекон-

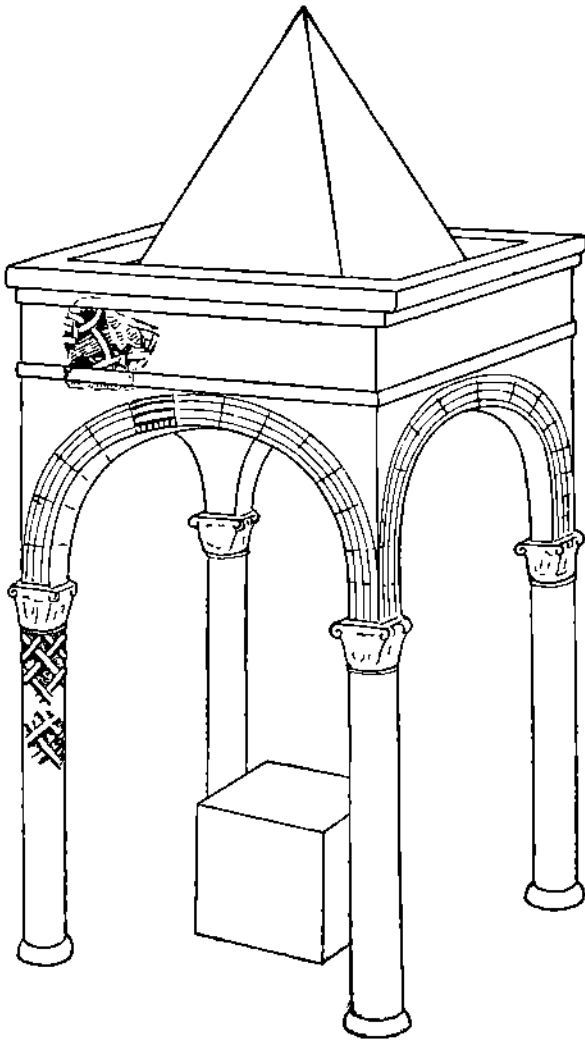

Рис. 49. Схема реконструкции белокаменного кивория Благовещенского собора.

струкцией плана убеждает в том, что эта промежуточная кладка не что иное, как алтарь церкви или, точнее, широкая вымостка под алтарем (она занимает значительную долю апсиды). Если бы здесь был только алтарь, то он занимал бы меньшее пространство. Ширина его кладки В — 1909 г. (около 4 м) свидетельствует о каком-то каменном помосте. По всей вероятности, это подножие кивория.¹⁵⁹

¹⁵⁹ П. Лашкарев. Киворий, как отличительная архитектурная принадлежность в древних церквях (Церковно-археологические очерки. Киев, 1898), Н. Н. Воронин. Боголюбовский киворий КС ИИМК, 1946, вып. XIII; киворий на четырех столбах был найден и в Успенском соборе в Галиче.

Киворий нередко изображался в русских храмах XII в. в центре алтарной апсиды; это делали в небольших зданиях, где настоящему киворию не было места.¹⁶⁰ Хорошее изображение кивория есть на чеканном окладе Владимирской иконы. Кивории внутри зданий могли существенно отличаться от кивория на замковом дворе, реконструированного Н. Н. Ворониным.

Мною взят в качестве схемы для реконструкции киворий с оклада и киворий Старогородской божницы. Камень с птицей — по всей вероятности часть плоского фриза над аркой. Камень, представляющий собой часть профилированной арки, очевидно, и происходит из арки кивория. Покрытые плетенкой колонки были увенчаны небольшими капителями с угловыми волютами (рис. 49). Камень с «пуговичным» узором в эту схему не укладывается.

Расположенный в самой глубине среднего нефа, отделенный от зрителя завесой световых лучей трансепта, окруженный цветистой мозаикой, белокаменный резной киворий должен был быть эффектным завершением всего декоративного «узорочья» святославовой постройки 1186 г.¹⁶¹

6. Историко-культурные сопоставления

Весь приведенный выше материал из раскопок развалин Благовещенского собора 1186 г. убеждает в том, что перед нами не обычный рядовой храм, увеличивающий еще на одну единицу древнерусских зданий, а высокохудожественное произведение, созданное зодчим-новатором, вписавшим новую страницу в историю русской архитектуры, внесшим ряд новшеств в свою черниговскую постройку.

Точная дата окончания постройки и имя ее заказчика придают особую научную ценность сохранившимся остаткам, так как далеко не все уцелевшие до наших дней здания имеют столь точный паспорт и датировка их нередко производится по различным субъективным догадкам. Среди памятников Черниговской архитектуры Благовещенский собор является одним из последних зданий, созданных в домонгольский период. В древнем Чернигове были построены следующие церкви (рис. 50)

1. Спасо-Преображенский собор 1036 г.
2. Ильинская церковь у пещер XI в. (около 1072 г.).
3. Борисоглебский собор XII в.
4. Успенская церковь Елецкого монастыря XII в.

¹⁶⁰ М. Макаренко. Старогородська «божниця» та її малювання Чернігів і Північне Левобережжя Київ, 1928, табл. на стр. 216—217.

¹⁶¹ Знаменитая белокаменная резная «Черниговская капитель», найденная в 1860 г. под порогом Борисоглебского собора, не может иметь отношения к Благовещенской церкви, так как слишком мала по своим размерам.

5. Михайловская церковь на княжем дворе 1174 г.

6. Благовещенская церковь 1186 г.

7. Пятницкая церковь на Торгу XII—XIII вв.

В этом списке из зданий, сохранившихся до наших дней, датирован только один Спасский собор, древнейшее здание не только Чернигова, но и всех вообще русских городов. Вто-

Ильинская церковка второй половины XI в., затерянная в пригородных лесах, по своему типу приближалась к небольшим придворным капеллам вроде Успенской церкви 1098 г. на княжем дворе в Переяславле, Остерской божницы в Городце, или малого храма в Белгороде. Бесстолпная, одноапсидная, одноглавая — она отражала не основную дорогу рус-

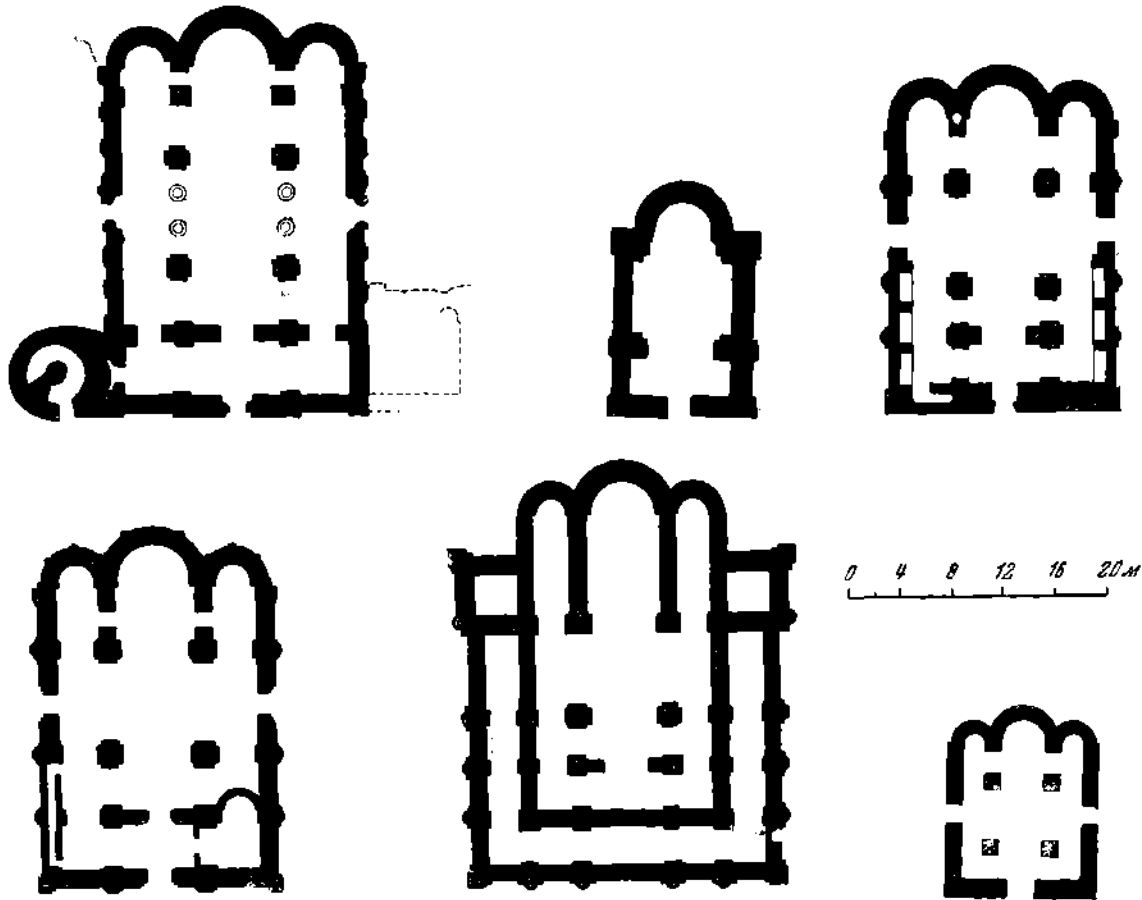

Рис. 50. Схемы планов древних зданий Чернигова: Спасский собор 1036 г.; Ильинская церковь XI в.; Борисоглебский собор XII в. (верхний ряд слева направо); Успенская церковь Елецкого монастыря XII в.; Благовещенский собор 1186 г.; Пятницкая церковь на Торгу XII—XIII вв. (нижний ряд слева направо).

рая датированная церковь (Михайловская) еще не найдена в земле, а четыре сохранившиеся датируются лишь на основании косвенных данных. Понятен поэтому тот интерес, который приобретает вновь раскопанный памятник с точной датой.

Спасский собор хронологически далеко отстоит от других черниговских зданий. Его пышное пятиглавие, осложненное четырьмя угловыми пристройками (два «терема», миниатюрная крещальня и массивная «вежа»), его характерная для ранних зданий пестрота стен, базиликальность внутреннего пространства — все это делало его слишком своеобразным и связывало с кругом торжественных древнейших памятников Руси эпохи Ярослава.

ской архитектуры, а боковую линию частного, интимного строительства. Вполне возможно, что дворцовая Михайловская церковь 1174 г. окажется именно такой же небольшой, имевшей подчиненное значение по отношению ко всему дворцовому комплексу.

Самым ранним из сохранившихся зданий XII в. является Борисоглебский собор, патрональный храм Давида (Глеба) Святославича, княжение которого вспоминалось потомками как тихое, безмятежное время. Искаженный позднейшими перестройками собор (особенно в алтарной части) сильно пострадал от варварских немецких бомбардировок 1941 г. и в современном своем состоянии обнажен от барочных покрытий и доступен изучению.

В 1947 г. архитектор Холостенко нашел

под порогом собора великолепную резную белокаменную базу портала с изображением барса и орла.

Борисоглебский собор 1120-х годов представляет собой шестистолпный храм, покрытый в свое время по законам; он увенчан одной массивной главой с полусферическим куполом и двенадцатью широкими окнами, между которыми выпущены вертикальные ребра в один кирпич. Несмотря на позднейшие переделки, восстановить первоначальный вид фасада очень легко. Между Борисоглебским и Благовещенским соборами существует

Елецкой церкви и ее двойника — Рязанской церкви, схожей с ней по плану и по абсолютным размерам всех частей.

На кирпичях Елецкой церкви есть клейма вроде римских цифр, есть нечто вроде букв, есть изображение птицы, но главную массу составляют две группы клейм, как бы указывающие на двух участников строительства — князя и епископа. Очень много клейм в виде княжеского трезубца (можно насчитать пять вариантов). Имеются клейма, совершенно совпадающие с благовещенскими по рисунку и отличающиеся лишь размерами (двузубец с

Церковь	Простые метки	Знаки княжеские			Знаки церковные	Знаки разные
Церковь Бориса и Глеба	N III IV VII IV	Ш				
Успенская церковь Елецкого монастыря	IV I III IV II VIII	Ш Ш Ш	К К К	С С	+	Волны, Ж, X, I, II, E, IX, C, F, A, I
Благовещенский собор 1186 г.	II / \ Ч	Ш Ш Ш Ш		С С		Полукруг
Пятница на Торгу	N III V N III V P P	V Ш Ш Ш		С Ш		Волны, Палочки, Кресты, Кресты с точками, V, N, A, M, E

Рис. 51. Знаки на кирпичях черниговских зданий XII в.

промежуточное звено, связывающее оба упомянутых здания. Это — Успенская церковь пригородного Елецкого монастыря. Относительно ее датировки существуют два далеко расходящихся мнения. Одни исследователи связывают ее со Святославом Ярославичем и относят к 1069 г. И. В. Моргилевский в 1928 г. убедительно доказал, что она относится к XII в.¹⁶² Однако в 1936 г. А. И. Некрасов в своем общем труде¹⁶³ вновь говорит о легендарной дате 1069 г. и делает в связи с этим ряд выводов об эволюции стиля.

Раскопки точно датированной Благовещенской церкви 1186 г. позволяют уточнить дату

чертой наверху). Наряду с ними встречаются четкие клейма в виде небольшого четырехконечного креста, которые можно относить к епископским или монастырским «плинфтоврителям».

Последним по времени памятником домонгольской архитектуры Чернигова является церковь Параскевы Пятницы на Торгу. Вынесенная за пределы Кремля, она находилась все же в районе, насыщенном археологическими памятниками XII—XIII вв. Сильно перестроенная в позднейшее время, Пятницкая церковь была сильно повреждена немецкой бомбардировкой 1941 г. и только благодаря настойчивым усилиям П. Д. Барановского была укреплена и изучена.

Пятницкая церковь сложена из красного кирпича на цементном растворе; в системе кладки применялись в качестве голосников амфоры-корчаги киевского типа. Кирпич довольно стан-

¹⁶² Іполіт Моргилевський. Успенська церква Елецького монастиря в Чернігові, стр. 200. Сб. «Чернігів і Північне Левобережжя, Київ, 1928.

¹⁶³ А. И. Некрасов Древнерусское зодчество XI—XVII вв., 1936, стр. 47. План, опубликованный здесь, неточен.

дартного типа, $27 \times 19 \times 5$ см; одного, а не двух форматов, как в Благовещенской церкви.

На торцовых сторонах кирпичей много клейм: змейка (есть в Елецкой), стрела и колесо (новый сюжет), длинные полосы, «римские цифры» (есть в Борисоглебской и Елецкой), «вензели» и княжеские трезубцы. Среди княжеских знаков особенно интересен двузубец с чертой наверху, совершенно аналогичный знакам на кирпичях Благовещенской церкви. Разница лишь в том, что здесь они нанесены на торце, а там — на плоской стороне. Крестовидных знаков нет совершенно. В постройке Пятницкой церкви, очевидно, принимали участие не столько княжеские, сколько городские мастера, внесшие сюда ряд новых систем знаков, например разнообразные стрелы.

Сопоставление всех княжеских, епископских и городских клейм Чернигова (рис. 51) приводит к следующим заключениям.

1. Во всех зданиях, кроме Благовещенского собора, есть знаки в виде римских цифр. Их принадлежность неясна.

2. Крестообразные знаки имеются только в монастырской Успенской церкви и в аналогичной церкви в Старой Рязани, входившей тогда в Черниговскую епархию. Они связаны с епископскими кирпичными мастерами.

3. Так называемые городские клейма (знаки посадских мастеров) изобилуют в церкви Пятницы на Торгу, имеются в Елецкой и отсутствуют в княжеском соборе 1186 г.

4. В трех позднейших соборах есть обобщенный княжеский трезубец (в Борисоглебском только в достройке на хорах).

5. В постройке Елецкой церкви принимал участие князь, знак которого больше нигде не встречен — трезубец с раструбом среднего зубца. Таким князем мог быть или один из Давыдовичей или, что более вероятно, — Святослав Ольгович. Если бы этот знак принадлежал кому-либо из его племянников, последовательно княживших в Чернигове после него (Святослав и Ярослав Всеволодичи), то он должен был бы встретиться на более поздних постройках — Благовещенском соборе 1186 г. и Пятницкой церкви конца XII в.

6. Некоторые знаки Елецкой церкви тождественны знакам Михайловского монастыря в Киеве (птица, трезубец, знак в виде буквы Ж и др.).

7. В постройке Благовещенского собора принимали участие только княжеские мастера. Ни епископских, ни городских клейм здесь нет. Основной знак здесь, наделенный индивидуальными чертами, это — двузубец с отогнутыми в сторону отрогами и точкой или черточкой наверху. Он встречен также и в Пятницкой церкви. Вообще Благовещенская и Пятницкая церкви сходны по княжеским знакам. Мы должны, исходя из этого, или

приписать церковь Пятницы на Торгу тоже Святославу Всеволодичу (ум. в 1194 г.), или допустить, что оба здания построены мастерами его родного брата Ярослава, княжившего в Чернигове с 1176 г. до своей смерти в 1198 г. Разница в датах настолько незначительна, что решить вопрос невозможно. Подобный знак — двузубец с чертой наверху встречен на некоторых печатях XII в. с именем Георгия довольно грубой работы.¹⁶⁴

Упрощенность работы исключает киевское изготовление и говорит против Святослава. Привычная замена Ярослава — Георгием может косвенно свидетельствовать в пользу принадлежности и знака, и печатей черниговскому Ярославу Всеволодичу, названному в «Слове о полку Игореве» «сильным, богатым и многовоим».

В любом случае дату постройки Пятницкой церкви мы не имеем права отодвигать ближе к нам за пределы 1194 или 1198 г. Раскопки Благовещенского собора облегчают датировку здания, не упомянутого в летописи.

8. Если простому трезубцу (очевидно обобщенной схеме княжеского знака вообще) придавать более определенный смысл и связывать с определенным князем (что едва ли имеет смысл), то мы можем связать его только с одним старейшим князем — Святославом Всеволодичем, который мог принять участие во всех трех постройках, где этот знак встречен.

Среди памятников черниговской архитектуры Благовещенский собор занимает очень почетное место. Будучи построен тогда, когда Чернигов уже был украшен пятью каменными храмами, он сооружался в расчете на то, чтобы затмить все остальные менее значительные постройки и соперничать с древнейшим зданием — Опасским собором Мстислава Тмутараканского. К этому обязывало положение строителя, — Святослава Всеволодича, князя Киева и старейшего «Ольговича». Став киевским князем, он гостил у брата Ярослава в Чернигове, собирал здесь сеймы всех Ольговичей и в 1186 г. выстроил Благовещенскую церковь в той части Чернигова, откуда открывался великолепный вид на Десну, на дорогу в Карачев, по которой часто плавали «Святославлі насады». При любых политических невзгодах в Киеве, Чернигов был надежным прибежищем для Святослава.¹⁶⁵

В XII в. соперничество князей сказывалось не только в военных столкновениях, хитроумной дипломатической игре, но и в области

¹⁶⁴ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2. Л., 1930, табл. X, 4, XXX, 8.

¹⁶⁵ Возможно, что именно в это время осуществилась прирезка детинца и тогда образовался особый «святославов» уголок, центром которого был Благовещенский собор.

культуры и искусства. В каждой феодальной столице создавалась своя летопись, прославляющая своего князя и хулящая всех других. К сожалению, Черниговская летопись до нас не дошла, и облик Святослава Всеволодича нарисован пером враждебного историографа Ростиславичей. Впрочем, Святослав имел такого литературного защитника, как автор «Слова о полку Игореве», вышедший из среды его, Святославовых, дружинников. Недаром он сам называет себя «песнотворцем Святославим». Двор князя, воспитавший такого поэта, заслуживает внимания.¹⁶⁶

Соперничество велось и в области архитектуры. Каждый князь располагал своими зодчими, воспитывая свою архитектурную школу, и рассмотрение памятников архитектуры второй половины XII в. может явиться хорошей иллюстрацией политических группировок средневековой Руси.

В своем «Златом слове» Святослав Всеволодич поочередно обращается к крупнейшим князьям 1185 г.: «Великий княже, Всеволоде... Ты бо можещи Волгу веслы раскропити, а Дон шелома выльяти». В эти годы Всеволод Юрьевич перестраивает созданный его братом Успенский собор, окружает его галереями и, в соответствии с новыми пропорциями здания, отодвигает еще далее на восток апсиды.¹⁶⁷ Перестройка Успенского собора тянулась 4 года (1185—1189 гг.) и происходила тогда, когда строительство Благовещенской церкви в Чернигове подходило к концу.

Продолжаю сопоставление текста «Слова» с архитектурой: «Галички Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованем столе, подпер горы Угорския своими железными полки... Грозы твои по землям текут»... В 1936 г. в столице Ярослава Осмомысла были открыты фундаменты построенного им до 1187 г. огромного белокаменного собора, по размерам не уступавшего своему владимирскому ровеснику.¹⁶⁸ Основные черты плана те же, что в Благовещенской церкви и Успенском соборе — три нефа и галлерей с трех сторон. Крайние угловые помещения галлерей точно так же отделены особой стенкой. В глубине церкви был обнаружен киворий. Возможно, что от построек Святослава и Всеволода этот собор отличался одноэтажной галлереей с ходовой площадкой наверху («комары»), игравшей в опасные моменты оборонительную роль (в 1219 г.).

«Ты, буй-Рюриче и Давыде... Не ваю ли храбрая дружина рыкают аки туры, ранены саблями калеными на поле незнаеме...» Так же с каждым из этих князей (характеристика которых в «Слове» очень сдержанна

ввиду их враждебности Святославу) связаны различные архитектурные сооружения.

С именем Давида Ростиславича Смоленского вероятнее всего связывать обстройку просторными галереями Великой Смядынской церкви, построенной его отцом Ростиславом Мстиславичем в 1146 г. как шестистолпный храм и дополненной галереями в конце XII в. Здесь повторилось то, что было во Владимире с Андреевым собором при Всеволоде.

С Давидом Ростиславичем связан еще один памятник, но уже совершенно иного стиля, по идее более близкий к стремящейся взъез черниговской Пятнице. Это — Михайловская Свирская церковь 1191—1194 гг. Князь Давид «по вся дни ходя ко церкви святого архистратига божия Михаила, юже бе сам создал в княжении своем. Такое же несть в полунощной стране и сим приходящим к ней дивитися изрядней красоте ея: иконы златом и серебром и жемчугом и камением драгим украшены и всею благодатью исполнены» (Ипат. лет., 1197). Летописец семьи Ростиславичей, выдубицкий монах, был не лишен, очевидно, любви к архитектуре. Будучи современником знаменитого зодчего Петра Милонига, зная его лично по постройкам в Выдубицах, летописец охотно заносил на свои харатейные страницы восторженные описания новых, на его глазах воздвигаемых зданий.

К постройкам Рюрика Ростиславича мы должны отнести Овручскую церковь св. Василия, патрона Рюрика, восстановленную А. В. Шусевым. Овруч для Рюрика был тем же, чем был Карачев для его соперника Святослава — он часто ездил сюда «орудей своих делая», живал здесь, укрывал попавших в беду союзников и, наконец, сам бежал в Овруч из Киева, «видя свое непогодье». Наиболее вероятной датой постройки Овручской Васильевской церкви я считаю 1180—1194 гг.

Столицей Рюрика в то время, когда он был соправителем Святослава киевского, являлся Белгород. Здесь при раскопках В. В. Хвойко найден небольшой храм-капелла дворцового типа и большой шестистолпный храм, вымощенный майоликой, в котором легко видеть епископскую церковь Апостолов, «создана ея бывши благоверным и христолюбивым князем Рюриком Ростиславичем. Высокою же и величеством и прочим украшением всем вдвие удобрене, по «Приточнику» глаголющему: «Вся добра возлюбленная моя и порока несть в тебе» (Ипат. лет., 1197).

Одновременно Рюрик-Василий строит в Киеве на Новом дворе Васильевскую церковь. Много ранее, вступив на киевский стол, Святослав Всеволодич построил в Киеве Васильевскую церковь, которая была торжественно освящена на Васильев день 1 ян-

¹⁶⁶ См. ниже приложение I

¹⁶⁷ Н. Н. Воронин. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв. М., 1945, стр. 61.

¹⁶⁸ Я. Пастернак. Старый Галич. 1944.

варя 1184 г. На пиру по случаю окончания постройки все «быша весели» (Ипат. лет., 1183). В Киеве существует в настоящее время только одна Васильевская («Трехсвятительская») церковь, и нам предстоит решить, кому из двух князей-соперников принадлежит честь ее постройки.

можно стоять, овии падаку ниц, инии же трепетаку». Быть может «Новый» двор и «Великий» двор — это разные названия одного нового большого двора? Быть может Рюрик в 1197 г. не строил заново, а лишь ремонтировал после землетрясения Васильевскую церковь 1183 г., поставленную Святославом?

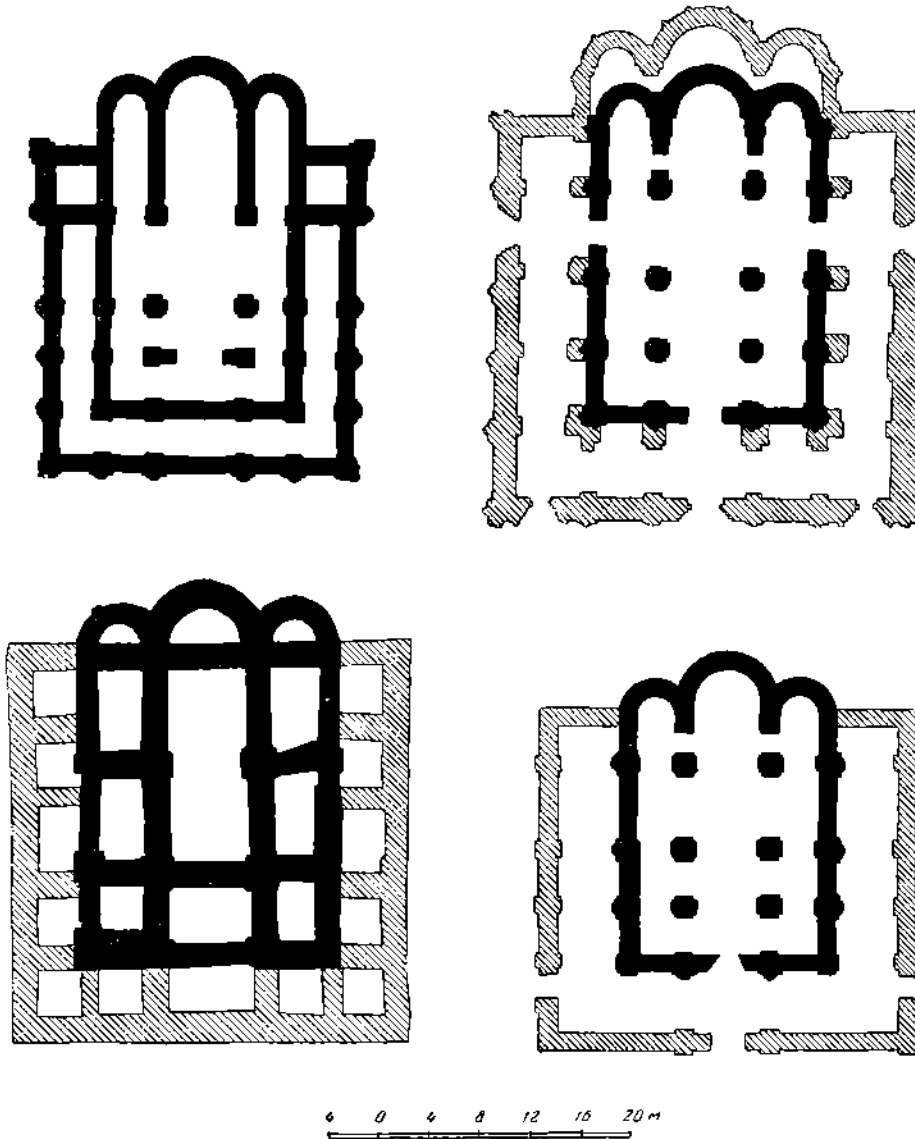

Рис. 52. Благовещенский собор 1186 г. в Чернигове и его аналогии: Успенский собор во Владимире; Успенский собор в Галиче; «Великая церковь» на Смядыни в Смоленске.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что льстивый и сладкоречивый придворный историограф Рюрика Ростиславича очень скромно описывает постройку церкви на Новом дворе в 1197 г., тогда как все предшествующие и последующие постройки воспеты им самым «высоким штилем». Отметим, что за год-полтора до этого, зимой 1195 г., «потрясся земля по всей области Киевской и по Киеву церкви каменные и деревянные колебахуся и вси людие видяще от страха не

Руководствуясь «Златым словом» Святослава, мы бегло ознакомились с важнейшими архитектурными памятниками наиболее значительных русских князей середины 1180-х годов. Выяснилось, что совершенно одинаковые по типу здания — большие храмы с наружными галереями (рис. 52) — создают:

Святослав Киевский в родовом гнезде — в Чернигове (в 1186 г.);

Всеволод III «Большое Гнездо» — во Владимире (в 1189 г.);

Ярослав Осмомысл — в Галиче (до 1187 г.);
Давид Ростиславич — в Смоленске (около 1191 г.).

Но из этих четырех примеров только черниговская церковь построена сразу как большое здание с галереями, а все остальные современники Святослава достраивали, расширяли старое, как бы подражая замыслу старейшего князя — Святослава. Грандиозные постройки, о которых мы можем судить по Успенскому собору во Владимире, несколько неожиданно возникают в 1180-е годы, воскрешая идею старых огромных соборов Ярославовой эпохи с их пышностью и широтой.

Черниговский собор был первым зданием, окруженным галереями усыпальницами после очень долгого перерыва.

Благовещенский собор 1183(?)—1186 г. в Чернигове является интереснейшим архитектурным памятником с богатой и разнообразной орнаментацией. По своему плану пышная постройка «великого и грозного» Святослава

воскрешала архитектурные традиции единой Руси XI столетия и вызвала подражание ряда князей-соперников в ближайшие годы после ее постройки (1185—1194).¹⁶⁹ Дальнейшие пути русского зодчества были уже иными и представителями их являются здания типа Свирской церкви, Троицкого собора во Пскове, Пятницы в Чернигове и др. Блестящая культура древней Руси в эпоху «Слова о полку Игореве» нашла свое отражение и в архитектуре.

Знакомясь со своеобразной школой зодчества князя Святослава Всеволодовича, мы можем понять, почему автор «Слова», говоря о гряднице Святослава, добавляет: «Ту немци и венецици, ту греци и морава поют славу Святъславлю»..

¹⁶⁹ Возможно, что появление в Византии в XIII в таких же церквей с галереями было подражанием обессилевшей в борьбе с крестоносцами Империи русским образцам, сложившимся в эпоху могущества Руси.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ ВСЕВОЛОДИЧ (ок. 1125—1194 гг.)

(Опыт исторической характеристики)

Раскопки в кремле древнего Чернигова в 1946—1947 гг. производились в таком участке города, который постоянно заставлял вспоминать своего властного хозяина — князя Святослава Всеволодовича. Им в 1174 г. построена на княжьем дворе Михайловская церковь; с его княжеским доменом на верхней Десне связаны дружинники, строившие свои дома по деснинскому образцу в новом участке города у Стриженских ворот. С его именем связана постройка своеобразного и пышного собора 1186 г., вызвавшего подражание других русских князей. Ему посвящены вдохновенные строфы «Слова о полку Игореве», автор которого называл себя «песнотворцем святославлим».

Исторический интерес личности этого князя, вызывавшего порой противоречивые оценки современников, весьма значителен. В 1170—1180 гг. он был «старейшим в Ольговичах» и успешно соперничал со Всеволодом Большое Гнездо. Но тем не менее в нашей литературе (даже в работах, разбирающих героев «Слова») Святослав Всеволодович рассмотрен лишь попутно. Монографий, посвященных ему, нет.

Данная заметка, не претендуя на полноту, пытается дать общую характеристику Святослава, основанную на разборе противоречивых и тенденциозных источников.

Следя за действиями этого князя, прочно связанного со своим родовым гнездом — Чер-

ниговом, мы постоянно выходим за рубежи одного Черниговского княжества и явно ощущаем напряженный пульс общерусской политической жизни второй половины XII века.¹

Летопись, враждебная Ольговичам, не сохранила нам годы рождения кн. Святослава Всеволодовича. Судя по времени выступления на политической арене (1140) и году женитьбы (1143), князь Святослав родился, вероятно, около 1125 г.

Его отцом был Всеволод, сын Олега «Гориславича», а матерью — неизвестная по имени внучка Мономаха (дочь Мстислава Владимировича).

Детство его проходило в Чернигове, где Всеволод находился с 1127 г. до 1139 г., когда он стал великим князем киевским. Находясь при отце, юноша Святослав получает в княжение сначала город Туров, а затем и центр богатой Волыни — Владимир. Предполагалось даже послать его князем в Новгород-Великий. Все Ольговичи ронтали на Всеволода за такое предпочтение сына всей родне.

В 1143 г. Всеволод женил сына на полоц-

¹ Ввиду того что вся биографическая заметка построена преимущественно на тексте Ипатьевской летописи, я опускаю указания на нее, ограничиваясь лишь годами. Стремясь к краткости, опускаю и многочисленную литературу «Слова о полку Игореве», касающуюся частных вопросов.

кой княжне, дочери князя Василька Рогволодовича (внука Всеслава-вохва).² Когда в 1146 г. умер в Киеве Всеволод Ольгович, молодой Святослав остался в окружении враждебных родичей, недовольных его быстрым возвышением при отце.

Он еще не окреп, не обзавелся дружиной, не освоил еще прочной и богатой вотчины, и для него началось многолетнее существование на положении младшего вассала черниговских или киевских князей. В списках князей его упоминали на последнем месте, в битвах его отправляли в передовых частях легкой кавалерии. Лавируя между враждующими князьями, он много раз менял сюзерена и в порядке коммандации «закладывался» то за киевского, то за черниговского, то за смоленского князя. Он на себе вполне почувствовал всю тяжесть усобиц и смены князей. Его уделом одно время (в 1146 г.) были 5 городков на Волыни (Котельница, Бужск, Межибожье); затем он утратил этот удел и получил Сновск и Стародуб на Черниговщине и Корачев и Воротыньск в лесной земле Вятичей, но и из этих городов часть была отнята у него дядей «зана же бе его отступи».

По воле своих сюзеренов он осаждал города, грозил горожанам предать их половцам. Даже тогда, когда он не хотел выступать в поход из родственных соображений, он «неволею еха» по приказу старшего князя. Нередко ему приходилось воевать против своих недавних союзников или сюзеренов. Иной раз, просчитавшись в своих расчетах, Святослав Всеволодич должен был бить челом и просить пощады. «Избезумился есть!» восклицал он, приехав с повинной к Юрию Долгорукому (1155 г.).

В 1158 г. князь Святослав перестал быть арьер-вассалом и получил второй после Чернигова город Левобережья — Новгород Северский. Этим он уже более прочно связал себя со всем «Ольговым гнездом» — Ольговичами и Давыдовичами. В 1164 г., когда умер старший из Ольговичей — Святослав, то в союзе с черниговским епископом Святослав Всеволодич овладевает Черниговом, опережая своего двоюродного брата Олега. С Олегом начинается десятилетняя вражда. В этом соперничестве были использованы все средства — от открытой войны и сожжения городов до воздействия проповедью. После одного из внезапных нападений Олега, по заданию Святослава Всеволодича было прочитано 2 мая 1175 г в Спасском соборе в Чернигове

² Не отсюда ли и в «Слове о полку Игореве» такая осведомленность о всех полоцких делах? «Песнотворец Святославль» называет таких полоцких князей, которых мы не знали по летописям: Изяслав сын Васильков (может быть брат Святославовой княгини?) и Ярослав. Князья Васильковичи (шурья Святослава Всеволодича) были его союзниками в 1181 г. в борьбе против Ростиславичей.

«Слово о князьях», призывавшее вассалов к повинновению. Как черниговский князь, как старейший в Ольговичах, Святослав принимает участие во многих крупных делах, в походах на Киев.

Дальнейшие события из жизни Святослава освещены двумя группами источников, на характеристике которых мы и остановимся.

Одна группа — это «Слово о князьях» и «Слово о полку Игореве». Другая группа — летописи, вошедшие в Ипатьевский свод.

Летопись крайне враждебно настроена к Святославу Всеволодичу и постоянно подчеркивает то его вероломство, то жестокость по отношению к вассалам, упрекает в ограблении Киева (в 1174 г.). Песнотворец Святославов, как называет себя сам автор «Слова о полку Игореве» в конце поэмы, постоянно подчеркивал положительные черты своего патрона, всеми средствами старался обрисовать его как патриота и защитника всей Русской земли. После его окончательного утверждения в Киеве с 1180 г. и побед над многими половецкими ханами это легко было сделать. «Песнотворец» был в лучшем положении, чем автор «Слова о князьях», выбравший в качестве идеала двоюродного деда Святослава Всеволодича князя Давида Святославича.

Для «песнотворца» «Слова о полку Игореве» Святослав — великий и грозный. Это ему, Святославу, «немци и венецици, греци и морави» поют славу, это он «усыпил котору грою», утишил междоусобия. Он — сюзерен, «отец» всех Ольговичей, всего «Ольгова хороброго гнезда» (хотя Игорь и Всеволод — его двоюродные братья). Он — победитель «железных великих полков половецких», в его гридницу «падеся Кобяк». Именно в его уста вкладывает «песнотворец» золотое слово, горячее обращение ко всем русским князьям стать за землю Русскую.

Совершенно иную оценку Святослава Всеволодича находим мы в летописи. Лаврентьевская и Новгородская летописи сравнительно мало сообщают о князе Святославе, зато в Ипатьевской летописи его имя мы встречаем на каждой странице, но подбор фактов и оценка их летописцем почти всегда враждебны, в лучшем случае — сдержанны. Явные сторонники Ростиславичей, летописцы в 1170-х — 1180-х годах очень неодобрительны к «Ольгову гнезду» и его старейшему представителю Святославу Всеволодичу.

В 1174 г. летописец явно насмехается над неудачей Святослава Всеволодича, выполнявшего волю Андрея Боголюбского и потерпевшего поражение под Вышгородом, несмотря на превосходство сил. В этом же году описывается, как Святослав ограбил Киев, сотворив много зла своему двоюродному брату Олегу. Далее в 1177 г. летописец возмущен

тем, что нападение половцев на Русь вызвало злорадство Ольговичей. Особенно ярко проявились политические симпатии летописца в оценке событий 1180 г. Всеволод Юрьевич в далеком Владимире оковал сына Святослава Всеволодича, а Святослав Всеволодич «располося гневом и разжеся яростью» против Ростиславичей и решил сорвать зло на них. Далее рассказывается, как князь Давид Ростиславич, полагаясь на существовавшие договоры со Святославом Всеволодичем, мирно охотился на Днепре в ладьях. В охоте приняла участие и его княгиня. Разъяренный Святослав «помысли во уме своем, яко Давыда иму, а Рюрика выжену из земли и прииму един власть Русскую...» Монах-летописец добавляет: «бог бо не любит высокие мысли нашия; возносящегося смиряет». Святослав без совещания со своими боярами внезапно напал на Давида и тот едва успел с княгиней вскочить в ладью и уплыть под стрелами прискакавших на берег неожиданных врагов. С этого года летопись Ростиславичей начинается как бы противопоставлять старейшему, наиболее опасному Ольговичу — Святославу Всеволодичу — Игорю и Буй-Тура Всеволода.

Даже тогда, когда Святослав стал киевским князем, летописец не изменил своего отношения к нему. Обычное описание торжественного въезда в Киев у летописца опущено.

Победа над Кобяком в 1183 г. и Кончаком в 1184 г. поделена автором летописи между Святославом и его постоянным соперником — Рюриком Ростиславичем. Инициатором борьбы с половцами, активным сторонником далеких походов в летописи выступает Рюрик Ростиславич. Отказ от похода в 1187 г. князя Ярослава черниговского «Слово о полку Игореве» отразило только сдержанным упреком Святослава, который сожалел, что не видит «сильного и богатого и многоволя брата». В летописи же Рюрик понуживает Ярослава: «А брате, кланяю ти ся: ты мене деля пойдидо полудня [половцы были за пол-перехода], а яз тебе деля еду десять дней».

Под 1189 г. описывается, как Рюрик упрекал Святослава Всеволодича в вероломстве: («соступился еси ряду!») и как оправдывался Святослав. На следующий год Святослав вновь был уличен в нарушении крестных грамот, в поминании «давних тяжей».

Летописец-монах (Выдубицкого монастыря), возможно присутствовавший при смерти князя Святослава, записал даже его последние слова, его предсмертный разговор с женой, но, верный своим симпатиям к Рюрику, он отметил очень сухим некрологом смерть Святослава, тогда как по поводу смерти Ростиславичей он бывал чрезвычайно красноречив и щедр на гиперболы.

Смерть Святослава окончательно развязала язык летописца и он постоянно хулит «Ольговичей». После смерти Святослава Всеволоди-

ча этот собирательный термин не сходит со страниц летописи Рюрика Ростиславича.

Если мы вернемся к «Слову о полку Игореве» и посмотрим, как относился «песнотворец Святославов» к Ростиславичам, воспетым монастырским летописанием, то увидим, что он нигде не перешел границ простой несколько суховатой вежливости.

В «Златом слове» Святослава, где такие князья, как Всеволод Суздальский или Ярослав Галицкий, воспеты в самых поэтических образах, на долю Ростиславичей достались весьма скромные строки. Если Всеволод может «Дон шелома выльяти», если Ярослав «суды рядит до Дуная и отворяет врата Киеву», если Роман и Мстислав сравнены с соколами, то о Рюрике Ростиславиче, князе Русской земли, соправителе Святослава Всеволодича и о его брате Давиде Ростиславиче сказано лишь то, что их шлемы плавают по крови, и израненная дружина ревет как туры. Немного! Ни одного лестного эпитета, ни одного слова восхваления! «Песнотворец» не мог обойти в своем обращении князя Киевщины — Рюрика и Смоленского князя Давида, но он дал почувствовать, что относится к ним сдержанно. Если летописец даже во время княжения Святослава в Киеве называл его зачинщиком крамол, то «песнотворец Святославль», говоря об усобицах, о взаимной вражде князей, прежде всего вспоминает Ростиславичей: «О стонати Русской земле, помнявше первую годину и первых князей... Сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы... Но разное ся им хоботы папшут, копя поют». Итак, перед нами две группы источников с прямо противоположной окраской: «Слово о князьях» 1175 (автор, может быть, черниговский епископ Антоний?) и «Слово о полку Игореве» 1187 г. дают нам положительную, а в некоторых случаях панегирическую оценку дел и личности Святослава Всеволодича. Летопись, составленная из разновременных записей в Михайловском Выдубицком монастыре, вотчинном монастыре потомков Мономаха, всячески прославляла правнуков Владимира — Ростиславичей (Романа, Рюрика, Давида). Если «песнотворец Святославов» сохранял объективность и, воспевая своих Ольговичей, стремился всех князей сплотить вокруг идеи защиты Русской земли, то выдубицкие монахи зачастую утрачивали это чувство объективности и подбирали те факты, которые были выгодны только Ростиславичам.³

Учитывая недоброжелательную предубежденность летописцев к Святославу Всеволо-

³ Вполне возможно, что в руках летописца был княжеский архив. Целый ряд княжеских речений послам, союзникам, и врагам носит характер не устной речи, записанной летописцем, а пересказа подлинных грамот. В ряде случаев близость текста летописи к формулам грамот очень велика.

дичу, продолжим обзор основных фактов его долголетней жизни.

С 1175 г. основными врагами Святослава становятся четыре брата Ростиславичи: Мстислав, Роман, Рюрик и Давид. Ростиславичи, владевшие Смоленском, постепенно усиливались в Среднем Приднепровьи, овладев Белгородом, Вышгородом, Овручем и Торческом, а затем и Киевом. В эти годы Святослав Всеволодич выходит на путь широкой политики.

В 1177 г., когда половцы по вине одного из Ростиславичей (Давида) напали на Русь, Святослав Всеволодич приехал в Киев к Роману Ростиславичу и требовал сурового наказания виновника набега, не устерегшего половцев: «Оже ся князь извинить — то в волость, а муж — в голову. Ряд наш есть таков». Хотя летопись и говорит о том, что Ольговичи обрадовались половецкому набегу, мы не видим этой радости в действиях Святослава Всеволодича. Наоборот, он требует лишиться волости Давида, ссылаясь на обычное право и напоминая, что боярин за такую вину поплатился бы головой, а свою речь он начал словами: «Брате! Я не ищю под тобою ничего же, но ряд наш так есть...» Даже недоброжелательный летописец не скрыл от нас этих слов Святослава.

В начавшейся все же усобице на стороне Святослава Всеволодича были Черные Клобуки и горожане самого Киева. На Ильин день Святослав въехал в Киев, но скоро ему пришлось бежать. Лишь угроза нового половецкого набега заставила Ростиславичей уступить ему Киев. Летописец, разумеется, изображает это как результат миролюбия Ростиславичей («не хотяче губити Русской земли и крестьянской крови проливати!»).

На этот раз Святослав, очевидно, добился всей полноты власти в «Русской земле», но продолжал часто бывать в Чернигове и даже жывал здесь подолгу. Возможно к этому времени и относится выделение в Чернигове особого участка в детинце для Святослава. Положение киевского князя позволило Святославу вступить за рязанских князей и пойти против самого Всеволода Большое Гнездо. Симпатии к рязанским князьям вытекали, во-первых, из того, что Рязань входила в Черниговскую епархию, а, во-вторых, из соседства черниговских владений в вятичах на Оке с рязанскими владениями в земле тех же окских вятичей.

В 1179 г. умер Олег Святославич, и Святослав Всеволодич окончательно стал старейшим в Ольговичах без соперников. Оставшиеся в живых его двоюродные братья — Игорь и Всеволод (герон «Слова») и его родной брат Ярослав были полностью в его воле. Он ездил в Чернигов или в Любеч, куда призывал «братью свою» и «деял ряды». Кроме то-

го, он часто ездил в далекий вятический Корачев «орудей своих деяя», т. е. по своим личным владельческим делам.

Князь Святослав женил одного сына на племяннице Всеволода Суздальского, а другого на дочери Казимира Польского, один из его сыновей (Владимир) вскоре стал князем в Великом Новгороде.

Положение Святослава казалось вполне прочным и благополучным, но внутри его владений, под самым Киевом — в Белгороде и Вышгороде были замки его соперников — Ростиславичей. В 1180 г. Святослав начал решительные и широко задуманные действия против своих врагов. Хотя летопись и хочет изобразить события как неожиданный каприз Святослава, который «располося гневом и разжеся яростью», но на самом деле действия Святослава Всеволодича выглядят иначе. Эпизод на охоте, когда Святослав без совещания с боярами внезапно напал на мирно охотившегося в ладьях со своей княгиней Давида — это лишь одно из звеньев стратегической цепи.

Незадолго перед этим Святослав совещался в Любече со всеми своими вассалами, а далее последовали такие широкие стратегические операции, в которых были приведены в движение и родичи жены — полоцкие князья, и Новгород Великий, и далекие ливонцы, и литовцы, а также «поганые толковины» (союзники) — половецкие ханы Кобяк и Кончак. Злополучный Давид Ростиславич не нашел себе покоя ни в Киевщине, ни в болотах Западной Двины и под натиском войск союзников Святослава бежал в Смоленск.

Пока Святослав ездил по северным землям, Киевом овладел Рюрик Ростиславич, у которого оставалась лишь конница черных клобуков Поросья.

Происшедший у Долобска бой принес поражение «поганым толковинам» Святослава, но Рюрик был достаточно осторожен и понимал, что у Святослава еще много сил, и решил отказаться от Киева, оставив за собою Белгород и всю Киевщину — «Русскую землю». Летописец снова в пышных выражениях хвалит Рюрика за то, что он «возлюби мира паче рати и пожити хотя в братолюбии» предложил Святославу Киев «бе бо Святослав старей леты».

Мечты Святослава «яко Давыда ему, а Рюрика выжену из земли и прииму едина власть Русскую и с братьею...» не исполнились. Наоборот, Рюрик узаконил договором своеобразный дуумвират: себе взял всю «Русскую землю» (т. е. Среднее Приднепровье), а Святославу Всеволодичу уступал старейшинство в русских князьях и Киев.

По соседству с Киевом начала цвести новая столица — Белгород, резиденция Рюрика. Здесь он строит церкви, дворцы, здесь празд-

нует пышную свадьбу своего четырнадцатилетнего сына Ростислава и восьмилетней дочери Всеволода III Верхуславы. Личной, неотъемлемой вотчиной Рюрика (такой как у Святослава вятический Корачев) был древлянский город Овруч-Въручий, куда он ездил почти каждый год «орудей своих деля», где укрывал беглецов, пострадавших от усобиц, и где ему самому пришлось скрываться в монашеской одежде «видя свое непогодье» (1202—1207 гг.).

В 1180 г. Святослав Всеволодиич уже окончательно стал князем Киева (он был, кажется, люб киянам). У него восстановились хорошие отношения со Всеволодом Большое Гнездо и наладились отношения с Рюриком. Сына Глеба он женил на Рюриковне, а сыну Мстиславу привел жену исыню-аланку, родственницу Всеволода. Начиная с этого времени, летопись Ростиславичей не допускает никаких выпадов против Святослава, но всегда стремится поделить его славу с его соправителем Рюриком («бог дасть победу князю рускыма Святославу Всеволодиичю и великому князю Рюрикови Ростиславичю», 1183 г.).

В противовес старейшему «Ольговичу», летописец упорно выдвигает третьего по старшинству из них Новгород Северского князя Игоря Святославича; он хвалит Игоря, вкладывает в его уста рыцарски-добродетельные сентенции.⁴

Дуумвират Святослава и Рюрика сказывался не только в разделе владений в «Русской земле», но и в сфере внешних сношений: в 1189 г. Святослав тайком от своего соправителя пересылался с венгерским королем. Король прислал грамоту, полную неясных намеков, понятных лишь самому адресату («чим ти ся есть обещал, то ти исполню»). Рюрик обиделся и выговаривал Святославу: «како еси послал сына своего ко королеви, а со мною не спрощався? Соступил еси ряду!» Из дальнейшего выяснилось, что король обещал Святославу Галич. Поход под Галич был совместным и там Святослав снова пытался осуществить свою старую мечту — он отдавал Рюрику Галич, а «собе хотяшеть всей Руской земли около Киева»; Рюрик не согласился.

⁴ Летописец Ростиславичей хвалит Игоря за предложение приюта изгоя Владимиру Галицкому. Игорю приписывается фраза «добро бьет тишина» или патристическая фраза: «поганые есть всем нам обчий ворог». Князь Игорь так хотел соединиться с войсками Святослава, что, несмотря на туман, он стремился «потьскы» — по-птичьему перелететь через степь. Такая же восторженная характеристика встречается и при описании похода 1185 г. Летописец Всеволода Суздальского (Лаврентьевская летопись) дает совершенно иную оценку Игорю Святославичю, выставяя его недалековидным, заисступивым и хвастливым. Возможно, что Ростиславичи стремились привлечь Игоря на свою сторону и тем самым расколоть Ольговичей.

Ростиславичи не раз припоминали Святославу злополучный договор о дуумвирате. Так было в 1190 г., когда Святослав созвал съезд всех Ольговичей (вероятно, в Чернигове) и отказался от совместного с Рюриком похода на половцев. Рюрик писал ему: «Ты, брате, нам крест целовал на *романове ряду*, тако же наш брат Роман седел в Кыеве дажь стоншь в том ряду — то ты нам брат, паки ли поминаешь давныя тяжа, которые были при Ростиславе, то ступил еси ряду мы ся в то не дамы. А се ти крестные грамоты».

Святослав долго отказывался подписать грамоты. Причиной размолвки была вражда Святослава с одним из торческих военачальников — Кунтувдеем. Торки и берендеи в руках Рюрика представляли собой нечто вроде дворянской конницы, подчиненной лично князю. На таком же положении были половцы у грузинских царей.

Так до конца своих дней киевский князь Святослав Всеволодиич и не добился всей полноты власти, до самой своей смерти он чувствовал себя в Киевской земле неполноправным. Настоящим хозяином он был только в Левобережьи. Чернигов, где тихо княжил его брат Ярослав, был надежным оплотом и для него, старейшего в Ольговичах. Еще в ранней молодости Святослав говорил о Чернигове своему сюзерену: «Отче! Пусти мя Чернигову наперед — *тамо ми жизнь вся*». Именно поэтому, став киевским князем, он строит свой собор не в Кыеве, а в Чернигове. Часто ездил он и в свой далекий Корачев, возвращаясь оттуда по Десне в насадах через Чернигов в Киев. Этим путем ехал он и в 1194 г. уже безнадежно больной. Благовещенская церковь в Чернигове поставлена в той части города, откуда хорошо виден восточный Корачевский путь. Он умер на своем новом дворе под Киевом. В последние минуты он, по словам летописца, видел какие-то «видения», постригся в монахи и умер.

Летописец, подробно описавший все стадии угасания семидесятилетнего князя, и, очевидно, стоявший у постели умирающего, записал в летописи очень сухую характеристику ушедшего князя и тотчас же цветисто описал радость киевлян и всей земли по поводу вступления в Киев Рюрика Ростиславича и пированье братьев Рюрика и Давида.

Великий грозный Святослав «Слова о полку Игореве» и соправитель великого князя Рюрика, то отступающий от «ряда», то оправдывающийся киевский князь летописи — это как бы два разных человека, настолько различны точки зрения обоих авторов. И ни одного из них нельзя упрекнуть в полной фальсификации — каждый из них выбирал по своему вкусу факты из жизни Святослава, каждый из них писал портрет теми красками, которые

нравились ему. Выдубицкий монах, автор летописи Ростиславичей, нашедший столько ярких и теплых слов для всех поколений этой семьи (от старого Ростислава до восьмилетней Верхуславы или новорожденной Евфросиньи-Измарагд), воспевший мужество в бою, государственную мудрость и любовь к архитектуре своих покровителей Ростиславичей, он по отношению к «Ольговичам» в большинстве случаев враждебен и во всех случаях сдержан.

Но, отбросив тенденциозность летописи, мы можем поверить, что Святослав был и своекорыстен и властолюбив, что он, как и все его современники, нередко нарушал договоры, заключал тайные союзы, тяготясь опекой соправителя. Как ни старался монах затушевать воинские способности Святослава, ему это не удалось вполне: даже в кривом зеркале летописи мы ощущаем, например, грандиозность операции 1180 г., развернувшейся от Балтики до половецких степей. Летописец не мог скрыть от нас любовь горожан Киева к Святославу. Благодаря летописи мы знаем живого Святослава с его повседневными заботами, живыми человеческими чертами. Летописная характеристика — не карикатура, а натуралистический портрет, нарисованный, правда, кистью недруга, тогда как характеристика автора «Слова» — это цветистая торжественная мозаика, набранная из лучших сторон его биографии. Ни одним словом не обмолвился «песнотворец Святославов» о соправительстве с Рюриком, о постоянном соперничестве между ними. С величайшим тактом обошел он все скользкие вопросы, которые могли помешать его основной цели — объединению Руси.

Верна ли характеристика Святослава, данная в 1187 г. «Словом»? «Котору» между Ольговичами, обособление вассалов от главного князя он действительно «усыпил грозой» и «притрепал своими сильными полки». Он сделал даже больше — к харалужным мечам он присоединил оружие словесное — «Слово о князьях», направленное против Олега Святославича. Он действительно «наступи на землю Половецкую» и исторгнул «поганого Кобяка» с дунайского лукоморья.

Походы 1183—1187 гг. были блестящими страницами в истории русского оружия, когда половцам не помогли ни впервые примененные катапульты, ни мобилизация больших сил вплоть до дунайских лукоморских орд. Поведение Святослава во время «полка Игорева» в 1185 г., как оно описано в летописи, мало разнится от того, что в такой поэтической форме дано в «Слове». Святослав собирал воев, чтобы пойти на Дон на все лето. Узнав о «братьи своей еже шли суть на половци утаившеся его и не любо бысть ему». Поражение Игоря огорчило его. «Святослав же то слышав и вельми воздохнув, утер слез своих и рече: «О, любя моя братья и сынове и

муже земле Русское! Дал ми бы бог притомити поганая, но не воздержавше уности, отвориша ворота на Русскую землю». Именно с этого и начинается в поэме «Златое слово» Святослава: «О моя сыновца Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати...»

В последнее время появились сомнения в том, что обращение ко всем князьям с призывом встать за землю Русскую за раны Игоревы вложено автором в уста Святослава.⁵ Но не следует в этом сомневаться. Узнав о поражении русских войск и нападении половцев, когда «бысть скорбь и туга люта», он послал к Давиду в Смоленск: «а поеди, брате, постережи земле Руское!» У Триполья собрались все «помочи» — войска всех созданных Святославом князей. На примере похода 1182 г. мы знаем, что приходили помочи из Переяславля, Луцка, Галича, Смоленска, Гродна, Пинска, Чернигова и Новгорода-Северского и других городов. Ко всем участникам этого похода и обращался Святослав в 1185 г. Летописец в силу своего положения придворного историографа Ростиславичей упомянул о посылке только к одному Давиду, но наличие на сборном пункте «иных помочей» свидетельствует о том, что горячий патриотический призыв Святослава не был тщетен. Лаврентьевская летопись не оставляет никаких сомнений в том, что «Златое слово» не было только словом: «А князь Святослав посла по сыны свое и по все князю. И собравшася к нему к Киеву и выступиша к Каневу. Половци же услышавше всю землю Русскую идущу, бежаше за Дон» (Лавр. лет., 1186 г.).

«Златое слово» Святослава рисует нам его важнейших современников, крупнейших князей Руси: Всеволода Большое Гнездо, Ярослава Осмомысла Галицкого, Рюрика и Давида Ростиславичей. Каждый из них представляет большой исторический интерес; каждый из них был деятелем объединения мелких, дробных уделов в более крупные княжества, все они в меру сил старались приостановить процесс распада Руси на вотчинные молекулы.

Умудренный опытом феодальных усобиц, прошедший тяжелую школу в качестве князя-вассала, Святослав Всеволодич в последний период своей жизни в 1180—1194 гг. был искренним сторонником единства Руси; он перестал считать Кобяка и Кончака своими союзниками «погаными толковинами» и мужественно защищал всю Русскую землю, понуждая к этому и свою братью и «окольных князей».

Связанный родственными узами со славянским Западом и Византией, он действительно

⁵ Алексей Югов. Слово о полку Игореве. М., 1945. О «Златом слове», стр. 151.

мог слушать в своем тереме златоверхом, как «ту немци и венецици, греци и морава поют славу» ему.

К чести Святослава Всеволодича следует отнести и то, что именно при его дворе вос-

питался такой горячий поклонник его самого и страстный патриот всей Руси, как автор «Слова о полку Игореве», который с гордостью называет себя в конце поэмы «песнотворцем Святославим».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

М. М. Герасимов

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ ИЗ ГРОБНИЦЫ № 4

Осенью 1947 г. Б. А. Рыбаков, передавая мне для работы череп, просил сразу же дать хотя бы самые предварительные сведения о возрасте, поле и антропологическом типе. Эти вопросы были вполне законны, так как археологические данные позволяли гипотетически связывать найденный череп с определенным историческим лицом и в случае совпадения основных данных — пола, возраста, антропологического типа — эта гипотеза могла стать фактом. В этом случае дальнейшая обработка черепа, уточнение предварительного анализа могли найти некоторое подтверждение в летописных свидетельствах или генеалогических данных. Естественно, что такая работа должна быть проведена в полном неведении о возможной принадлежности черепа тому или иному историческому деятелю. При соблюдении этого основного условия каждый, даже мелкий, факт может быть принят как определенное доказательство, а совпадение многих данных будет свидетельствовать о правильности диагностики и подлинности проведенного отождествления черепа с определенным лицом.

Трудно, конечно, на основании беглого осмотра черепа дать даже очень суммарную характеристику внешнего облика некогда жившего человека и эта характеристика не может и не должна претендовать на точность. При определении пола и возраста можно бывает иногда дать почти безоговорочное заключение, но это только при наличии очень характерного черепа. Чаще же пол определяется с оговоркой, а возраст — с колебанием 5—7 лет в ту или иную сторону. Значительно труднее на основании одного черепа дать отчетливую характеристику антропологической категории. Еще менее вероятны всякие заключения о внешности, они должны быть весьма условны. Отчетливое представление о внешности возможно дать только методом реконструкции, т. е. в результате кропотливого изучения деталей данного черепа и тщательного воспроизведения отдельных морфологических черт и индивидуальных особенностей мягких покровов в соответствии с конкретным черепом. В данном случае диагностика затруднялась дефектностью черепа, так

как отсутствовала нижняя челюсть и многие зубы.

Тем не менее вопрос выяснения данной личности был столь интересен, что понятна и заинтересованность Б. А. Рыбакова и мое желание возможно точнее и определеннее решить этот вопрос.

Обычно идентификация исторического лица осуществляется посредством совмещения прижизненных изображений (фотографий, живописных или скульптурных портретов) с черепом, ему приписываемым. Задача решается простым совпадением или несовпадением иконографии с черепом. Наш случай значительно сложнее. Иконографии нет. Только на основании некоторого совпадения летописных данных с археологической картиной находки исследователь гипотетически мог предположить, что данные останки связаны с определенным историческим лицом. В распоряжении исследователя археолога-историка, таким образом, были летописные сведения биографического и генеалогического порядка, а в моем распоряжении только череп и то неполноценный (без нижней челюсти). Я совершенно не знал условий находки — ни данных археологического порядка, ни места, откуда происходит данный череп, ни тем более предварительных соображений автора раскопок Б. А. Рыбакова.

Итак, определение пола, возраста и антропологическая характеристика и даже приближенное решение данных вопросов укрепляло бы гипотезу о возможности отнесения черепа к тому или иному лицу.

Первоначальное заключение. При первом же взгляде на данный череп было отмечено, что он очень невелик и тем не менее по ряду признаков мог быть только мужским. Одновременно было констатировано, что это череп очень сильного человека, о чем свидетельствует внутренний рельеф височной впадины с четким рисунком гребней прикрепления височного мускула, сильная перекрученность и ребристость дуги скуловой кости, резкий рельеф сосцевидного отростка и четкие гребни затылочной кости в местах прикрепления вышних мышц. Характер гребней прикрепления

мышечных тяжей также свидетельствует о значительной мускульной силе субъекта. Перед глазами невольно возникает образ высокого мужчины с широкими плечами, мощной грудью, сильной шеей и маленькой головой.

Определение возраста оказалось труднее. По ряду основных возрастных признаков череп вероятно принадлежал человеку в возрасте 40 лет. Однако налицо были и такие признаки, которые характерны для более старшего возраста — где-то на рубеже 50 лет.

По своему антропологическому типу череп близок черепам из северославянских курганов, с некоторой тенденцией к брахицефалии, с рядом смещанных признаков: с одной стороны, как бы северных элементов, с другой — более отчетливыми признаками средиземноморского типа. Эти признаки отчетливо проступают сквозь основной северославянский тип и выражаются в резкой форме грацилизации тонкокостного широкого низкого лица, с резко профилированным, резко выступающим носом, малым альвеолярным отростком верхней челюсти, округлыми тонкими орбитами и слабым надбровьем. Я сообщил Б. А. Рыбакову, что сумма этих несомненно средиземноморских признаков указывает на наличие вероятно греческой крови во втором или третьем поколении.

Как ни суммарна была эта характеристика, явившаяся результатом предварительного быстрого осмотра черепа, она в ряде основных данных вполне подтвердила первоначальное гипотетическое предположение Б. А. Рыбакова относительно принадлежности данного черепа. Все отмеченные качественные признаки черепа как будто бы не только не опровергали, но подтверждали и дополняли выдвинутую им гипотезу. Это обстоятельство дало право продолжить изучение черепа и создать вероятный облик предполагаемого исторического лица.

Так как для решения вопросов, связанных с антропологической характеристикой типа, чрезвычайно важно знать примерное время существования данного человека и место, где был обнаружен череп, Б. А. Рыбаков сообщил мне, что время вероятно XI—XIII вв., а череп найден в одном из черниговских храмов в гробнице № 4. Для простоты текстурального изложения я буду этот череп именовать № 4 в отличие от других, с которыми придется его сравнивать.

Сохранность черепа: Череп без нижней челюсти. Общая сохранность свода хорошая. Лицевой скелет имеет незначительный частично дефект: отсутствуют носовые косточки, сильно потерта правая скуловая кость, утрачены почти все зубы. Зубы выпали спустя много лет после смерти, вероятно в момент первоначального вскрытия гробницы (момент ограбления). Сохранились зубы: с

правой стороны — первый, второй и третий коренной, с левой стороны — только первый коренной.

П о л: мужской.

В о з р а с т: Определение возраста затруднено отсутствием зубов. Однако состояние альвеол и сохранившихся зубов свидетельствует о том, что это был человек зрелого возраста, так как коренные только начали стираться. Оба первых коренных в передней и во внутренней своей части имеют стершиеся бугорки, второй и третий коренной почти не имеют следов стертости. Такое состояние стертости зубов можно наблюдать у современных людей в возрасте от 40 до 45 лет. Все швы свода черепа сильно уплотнены, но рисунок почти на всем протяжении швов сохраняется. Такое состояние швов обычно наблюдается не ранее 45 лет. Основание черепа уплотнено, процесс окостенения завершен, что также указывает на возраст от 45 до 48 лет. Никаких явлений одряхления не наблюдается. Четкость гребней лицевого скелета, особенно в областях прикрепления височной мышцы и жевательной, а также в области прикрепления шейных и вийных мышц, свидетельствует о большой физической силе субъекта.

О п и с а н и е ч е р е п а. Горизонтальная проекция черепа сфеноидная; форма свода уплощенно крышевидная; надбровные дуги слабо развиты — 1; форма лица овоидная (?); орбиты округлые, слабо профилированные, с замкнутой камерой, тонкими краями. Носовое отверстие сердцевидно, удлинено, с приостренным подносковым краем. Носовая ось отчетливо моделирована, тонкая, в основании остроресберная, вероятно значительно более трех баллов (? — кончик обломан). Глабелла по степени выступа близка к 3 баллам. Спинка носа слегка волниста. Собачья ямка отчетлива, но не глубока. Скуловые уплощенные, с усиленным резким рельефом. Лицо невысокое, ортогнатное. Места прикрепления жевательных и шейных мышц обладают сильным рельефом.

Антропологические измерения черепа дают следующие основные показатели: череп субдолихоцефален, указатель 80.62; лицо низкое, особенно за счет укорочения альвеолярного отростка. Свод низкий, с покатым лбом, слабо выраженными лобными буграми, с уплощенной глабеллой, слабо развитым надбровьем. Любопытно наличие медиального гребня на протяжении всей лобной кости и передней части теменных.

Необходимо было выяснить, принадлежал ли данный череп (№ 4) одному из представителей коренного местного населения.

В 1947 г. на территории Черниговского Кремля В. Богусевичем был вскрыт дохристианский могильник. Одно из погребений этого могильника, расположенное в 50 м к востоку от Спасского собора XI в., было обна-

ружено на глубине 2 м. Костяк лежал на спине, ориентирован головой на запад, с вытянутыми ногами и руками, сложенными на локтевых костях. При костяке найдена керамика типа киевских амфор, горшки и стеклянные браслеты. Богусевич на основании стратиграфических данных склонен утверждать, что этот могильник существовал до постройки церкви, т. е. до XI—XII вв., следовательно это один из древнейших некрополей Старого Чернигова (череп 1).

При сравнении черепа из данного захоронения с черепом № 4, стало совершенно очевидно, что это различные антропологические категории и что нет никаких оснований говорить о том, что череп из гробницы № 4 принадлежит коренному черниговцу (индивидуальные измерения см. в приведенной таблице).

Индивидуальные измерения черепов из Чернигова № 4 и 1

1. Наибольший продольный диаметр	176	198
2. Инионный продольный диаметр	162	186
3. Поперечный диаметр	142	128
4. Черепной указатель I 3:1	80.68	64.64
5. Черепной указатель II 3:2	87.65	68.82
6. Высота	118	120
7. Высота ушная	101	109
8. Выотно-продольный указатель 6:1	67.04	60.60
9. Выотно-поперечный указатель 6:3	83.09	93.75
10. Смешанный выотноный указатель 8+9:2	75.06	77.17
11. Ушной диаметр	125	108
12. Скуловой диаметр	134	124
13. Наибольшая ширина лба	115	124
14. Указатель 13:3	80.98	98.44
15. Наименьшая ширина лба	92	94
16. Лобный указатель 15:3	64.79	73.59
17. Высота лба над <i>inion bregma</i>	102	109
18. Носоосновной диаметр	94	97
19. Носоальвеолярный диаметр	64	69
20. Высота альвеолярного отростка	12	—
21. Лицевой указатель 19:12	48.13	55.62
22. Альвеолярно-основной диаметр	92	97
23. Показатель прогнатизма 22:18	97	—
24. Высота носа	52	48
25. Ширина носа	24	26.5
26. Носовой указатель 25:24	46.15	53.01
27. Верхняя ширина носовых костей	0.9	12.0
28. Наименьшая ширина носовых костей	0.9	8.0
29. Нижняя ширина носовых костей	17	21.0
30. Высота носовых костей	26	25
31. Ширина межорбитная	26	21
32. Ширина орбиты	39	38
33. Высота орбиты	36	33
34. Указатель орбитный 33:32	92.30	86.84
35. Высота орбитноальвеолярная	37.5	41
36. Ширина верхнего края альвеол	60.2	60.0
37. Высота альвеолярной дуги	51.2	56.1

В связи с этим необходимо было выяснить, к какой племенной группе славян ближе всего интересующий нас череп. С этой целью я обратился к измерениям различных славянских групп, изученных Т. А. Трофимовой, Г. Ф. Дебецом, Н. Н. Чебоксаровым (см. Г. Ф. Дебеч «Палеоантропология СССР»). Они дают средние измерения по большим группам вятичей, кривичей, новгородцев, радимичей, дреговичей, северян, древлян.

Из всех этих племенных категорий наиболее

близкими по цифровым показателям оказались новгородские черепа из могильника у д. Ново-Сиверская (раскопки Л. К. Ивановского, измерения Н. Н. Чебоксарова). Точно так же, как и черепа из Ново-Сиверской, интересующий нас череп № 4 из Чернигова имеет малые размеры и высокий головной указатель (Ново-Сиверская серия — 78.6; череп № 4 — 80.68). Если первые характеризуются отчетливо выраженной мезокефалией, то череп № 4 должен быть отнесен к крайней группе суббрахицефалов, причем это относится главным образом за счет увеличения поперечного диаметра (Ново-Сиверская серия — 138.2, череп № 4 — 142), однако лоб черниговского черепа № 4 значительно уже (Ново-Сиверская серия — 95.8, череп № 4 — 92), а лицо шире и ниже (скуловой диаметр Ново-Сиверской серии — 129.9, череп № 4 — 134; высота лица Ново-Сиверской серии — 65.5, череп № 4 — 64; лицевой диаметр Ново-Сиверской серии — 51.4, череп № 4 — 46.13). Малая величина лица должна быть отнесена в первую очередь за счет сильного укорочения альвеолярного отростка верхней челюсти.

Основным отличием черепа № 4 от черепов Ново-Сиверской серии безусловно следует считать сильное выступание тонкого носа. Боковой край грушевидного отверстия резко профилирован, с приостренным подносковым краем, с резко выступающей тонкой носовой остью.

Увеличение головного указателя, малая высота лица, резкое выступание носа вероятно следует объяснять наличием средиземноморского элемента. Это нашло свое отражение и в общей грацилизации лица, в форме глабеллы и надбровья, а равно и в форме глазниц.

В процессе реконструкции был выявлен ряд черт, напоминавших ранее мною реконструированную голову Ярослава. Невысокий лоб с его своеобразной покатостью, отчетливо выраженным медиальным гребнем, сильно выступающий нос — все это как бы в ослабленной, облегченной форме напоминает черты Ярослава Мудрого и может явиться намеком на очень отдаленное родство. Отмеченные выше средиземноморские элементы как-то отчетливее и может быть являются свидетельством близкого родства с греками во втором или третьем поколении. Следует отметить, что ряд антропологических черт свидетельствует о крайне смешанном антропологическом типе, но в комплексе этих признаков совершенно отсутствует монголоидный элемент.

Итак в своей основе это суббрахицефальный европеоидный тип, с широким низким лицом, сильно выступающим тонким горбатым носом, низким лбом, крупными, слегка выпуклыми глазами.

Выполнение реконструкции было затруднено отсутствием челюсти, поэтому овал лица в нижней его части, а равно и степень высту-

пания подбородка решены условно. Однако должен оговориться, что эта условность не так уж, вероятно, далека от истины. Форма прикуса, степень и характер стирания зубов,

При восстановлении внешнего облика головы по черепу из гробницы № 4 (рис. 53) мною был использован весь опыт прошлых лет и нет оснований думать, что предлагаемая ре-

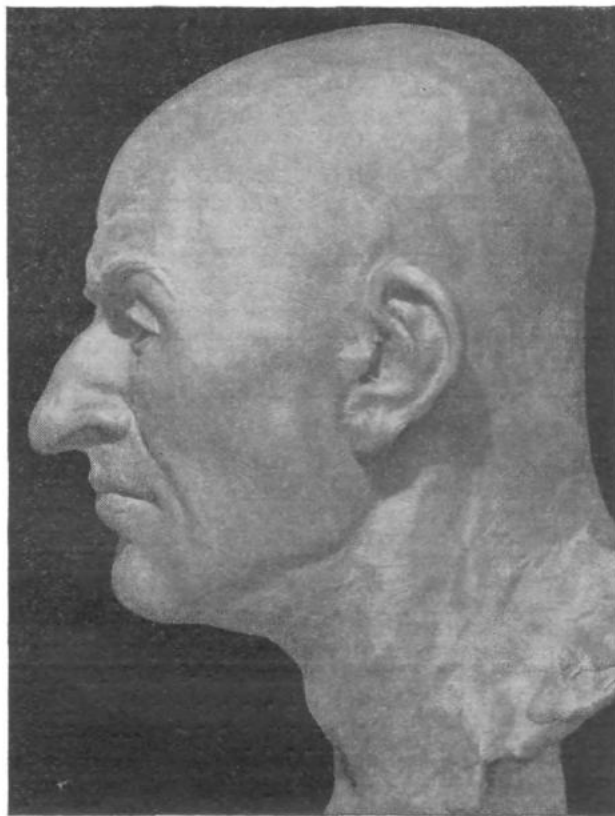
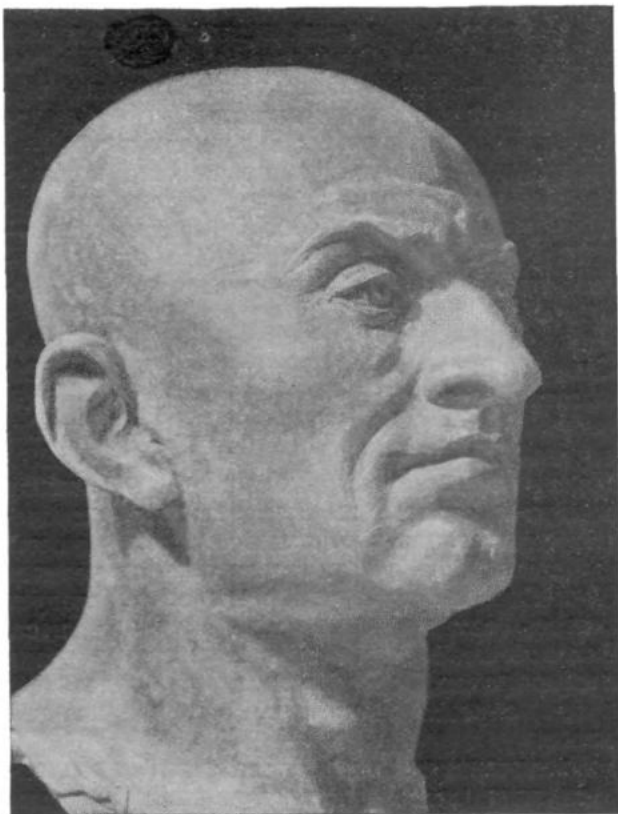

Рис. 53. Реконструкция лица по черепу из гробницы № 4 (работа М. М. Герасимова):

величина дуги зубного ряда верхней челюсти дают возможность воспроизвести недостающую нижнюю челюсть с достаточной степенью приближенности, о чем неоднократно свидетельствовали контрольные опыты и криминалистическая практика.

конструкция является исключением из ранее сделанных работ, т. е. что она менее портретна. Быть может наоборот: чрезвычайная индивидуализация черт самого черепа в большей степени, чем обычно, дала возможность разрешить портретное сходство.